

Произведения поэтов и писателей России

Т. Александрова «Домовёнок Кузька»

Под веником кто-то был

Девочка взяла веник да так и села на пол - до того испугалась. Под веником кто-то был! Небольшой, лохматый, в красной рубашке, блестит глазами и молчит. Девочка тоже молчит и думает: "Может, это ежик? А почему он одет и обут, как мальчик? Может, ежик игрушечный? Завели его ключом и ушли. Но ведь заводные игрушки не умеют кашлять и так громко чихать".

- Будьте здоровы! - вежливо сказала девочка.

- Ага, - басом ответили из-под веника. - Ладно. А-апчхи!

Девочка так испугалась, что все мысли сразу выскочили у нее из головы, ни одной не осталось.

Звали девочку Наташей. Только что вместе с папой и мамой они переехали на новую квартиру. Взрослые укатили на грузовике за оставшимися вещами, а Наташа занялась уборкой. Веник отыскался не сразу. Он был за шкафами, стульями, чемоданами, в самом дальнем углу самой дальней комнаты.

И вот сидит Наташа на полу, В комнате тихо-тихо. Только веник шуршит, когда под ним возьмется, кашляют и чихают.

- Знаешь что? - вдруг сказали из-под веника - Я тебя боюсь.

- И я вас, - шепотом ответила Наташа

- Я боюсь гораздо больше. Знаешь что? Ты отойди куда-нибудь подальше, а я пока убегу и спрячусь.

Наташа давно бы сама убежала и спряталась, да у нее от страха руки и ноги перестали шевелиться

- Знаешь что? - немного погодя спросили из-под веника. - А может, ты меня не тронешь?

- Нет, - сказала Наташа.

- Не поколотишь? Не жваркнешь?

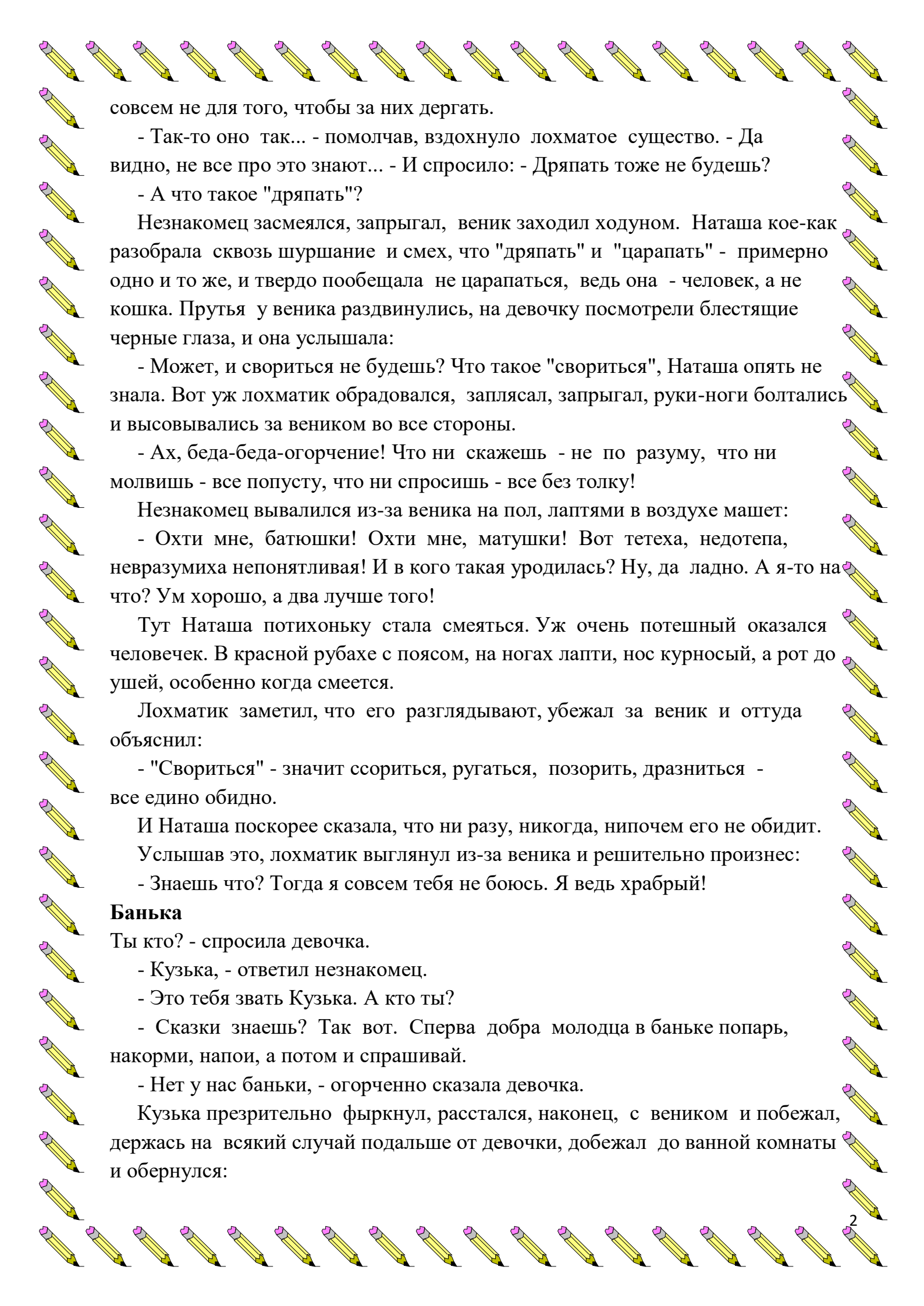
- А что такое "жваркнешь"? - спросила девочка,

- Ну, наподдашь, отлупишь, отдубасишь, выдерешь - все равно больно, - сообщили из-под веника.

Наташа сказала, что никогда не... Ну, в общем, никогда не стукнет и не поколотит.

- И за уши не оттакаешь? А то я не люблю, когда меня за уши дергают или за волосы.

Девочка объяснила, что тоже этого не любит и что волосы и уши растут

совсем не для того, чтобы за них дергать.

- Так-то оно так... - помолчав, вздохнуло лохматое существо. - Да видно, не все про это знают... - И спросило: - Дряпать тоже не будешь?

- А что такое "дряпать"?

Незнакомец засмеялся, запрыгал, веник заходил ходуном. Наташа кое-как разобрала сквозь шуршание и смех, что "дряпать" и "царапать" - примерно одно и то же, и твердо пообещала не царапаться, ведь она - человек, а не кошка. Прутья у веника раздвинулись, на девочку посмотрели блестящие черные глаза, и она услышала:

- Может, и свориться не будешь? Что такое "свориться", Наташа опять не знала. Вот уж лохматик обрадовался, заплясал, запрыгал, руки-ноги болтались и высовывались за веником во все стороны.

- Ах, беда-беда-огорчение! Что ни скажешь - не по разуму, что ни молвишь - все попусту, что ни спросишь - все без толку!

Незнакомец вывалился из-за веника на пол, лаптями в воздухе машет:

- Охти мне, батюшки! Охти мне, матушки! Вот тетеха, недотепа, невразумиха непонятливая! И в кого такая уродилась? Ну, да ладно. А я-то на что? Ум хорошо, а два лучше того!

Тут Наташа потихоньку стала смеяться. Уж очень потешный оказался человек. В красной рубаше с поясом, на ногах лапти, нос курносый, а рот до ушей, особенно когда смеется.

Лохматик заметил, что его разглядывают, убежал за веник и оттуда объяснил:

- "Свориться" - значит ссориться, ругаться, позорить, дразниться - все едино обидно.

И Наташа поскорее сказала, что ни разу, никогда, ни о чем его не обидит.

Услышав это, лохматик выглянул из-за веника и решительно произнес:

- Знаешь что? Тогда я совсем тебя не боюсь. Я ведь храбрый!

Банька

Ты кто? - спросила девочка.

- Кузька, - ответил незнакомец.

- Это тебя звать Кузька. А кто ты?

- Сказки знаешь? Так вот. Сперва добра молодца в баньке попарь, накорми, напои, а потом и спрашивай.

- Нет у нас баньки, - огорченно сказала девочка.

Кузька презрительно фыркнул, расстался, наконец, с веником и побежал, держась на всякий случай подальше от девочки, добежал до ванной комнаты и обернулся:

- Не хозяин, кто своего хозяйства не знает!

- Так ведь это ванна, а не банька, - уточнила Наташа.

- Что в лоб, что по лбу! - отозвался Кузька.

- Чего, чего? - не поняла девочка.

- Что об печь головой, что головою об печь - все равно, все едино! - крикнул Кузька и скрылся за дверью ванной комнаты.

А чуть погодя оттуда послышался обиженный вопль:

- Ну, что же ты меня не паришь?

Девочка вошла в ванную. Кузька прыгал под раковиной умывальника.

В ванну он лезть не захотел, сказал, что слишком велика, водяному впору. Наташа купала его прямо в раковине под краном с горячей водой. Такой горячей, что руки едва терпели, а Кузька знай себе покрикивал:

- А ну, горячей, хозяйюшка! Наддай парку! Попарим молодые косточки!

Раздеваться он не стал.

- Или мне делать нечего? - рассуждал он, кувыркаясь и прыгая в раковине так, что брызги летели к самому потолку. - Снимай кафтан, надевай кафтан, а на нем пуговиц столько, и все застегнуты. Снимай рубаху, надевай рубаху, а на ней завязки, и все завязаны. Эдак всю жизнь раздевайся - одевайся, расстегивайся - застегивайся. У меня поважнее дела есть. А так сразу и сам отмоюсь, и одежда отстирается.

Наташа уговорила Кузьку хоть лапти снять и вымыла их мылом чисто-начисто.

Кузька, сидя в раковине, наблюдал, что из этого выйдет. Отмытые лапти оказались очень красивыми - желтые, блестящие, совсем как новые.

Лохматик восхитился и сунул под кран голову.

- Пожалуйста, закрой глаза покрепче, - попросила Наташа. - А то мыло тебя укусит.

- Пусть попробует! - проворчал Кузька и открыл глаза как можно шире.

Тут он заорал истошным голосом и напробовався мыла.

Наташа долго споласкивала его чистой водой, утешала и успокаивала.

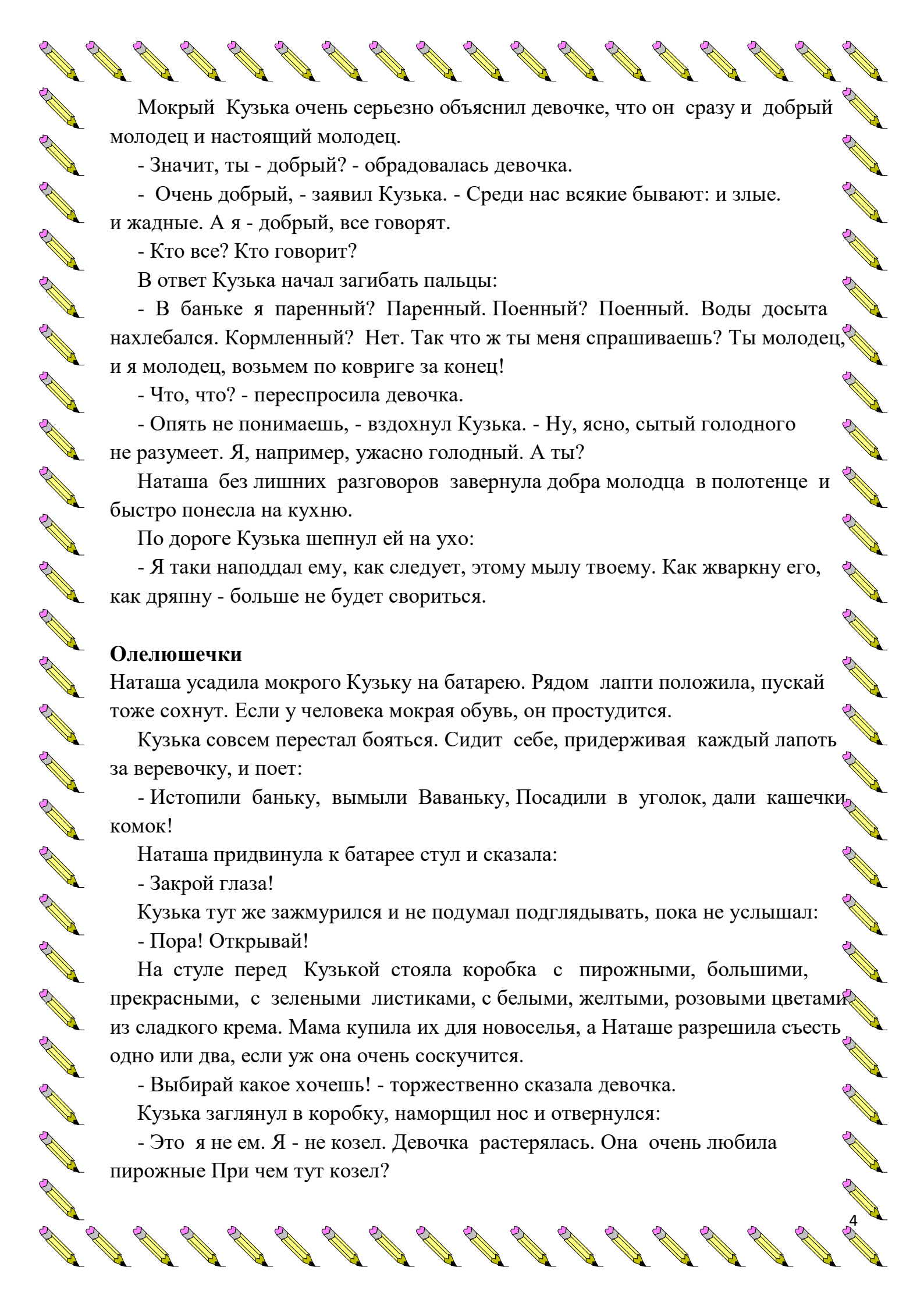
Зато отмытые Кузькины волосы сверкали, как золото.

- Ну-ка, - сказала девочка, - полюбуйся на себя! - и протерла зеркало чад раковиной.

Кузька любовался, утешился, одернул мокрую рубаху, поиграл кистями на мокром поясе, подбоченился и важно заявил:

- Ну что я за добрый молодец. Чудо! Загляденье, да и только! Настоящий молодец!

- Кто же ты, молодец или молодец? - не поняла Наташа.

Мокрый Кузька очень серьезно объяснил девочке, что он сразу и добрый молодец и настоящий молодец.

- Значит, ты - добрый? - обрадовалась девочка.

- Очень добрый, - заявил Кузька. - Среди нас всякие бывают: и злые и жадные. А я - добрый, все говорят.

- Кто все? Кто говорит?

В ответ Кузька начал загибать пальцы:

- В баньке я паренный? Паренный. Поенный? Поенный. Воды досыта нахлебался. Кормленный? Нет. Так что ж ты меня спрашиваешь? Ты молодец, и я молодец, возьмем по ковриге за конец!

- Что, что? - переспросила девочка.

- Опять не понимаешь, - вздохнул Кузька. - Ну, ясно, сытый голодного не разумеет. Я, например, ужасно голодный. А ты?

Наташа без лишних разговоров завернула добра молодца в полотенце и быстро понесла на кухню.

По дороге Кузька шепнул ей на ухо:

- Я таки наподдал ему, как следует, этому мылу твоему. Как жваркну его, как дряпну - больше не будет свориться.

Олелюшечки

Наташа усадила мокрого Кузьку на батарею. Рядом лапти положила, пускай тоже сохнут. Если у человека мокрая обувь, он простудится.

Кузька совсем перестал бояться. Сидит себе, придерживая каждый лапоть за веревочку, и поет:

- Истопили баньку, вымыли Ваваньку, Посадили в уголок, дали кашечки, комок!

Наташа придвинула к батарее стул и сказала:

- Закрой глаза!

Кузька тут же зажмурился и не подумал подглядывать, пока не услышал:

- Пора! Открывай!

На стуле перед Кузькой стояла коробка с пирожными, большими, прекрасными, с зелеными листиками, с белыми, желтыми, розовыми цветами из сладкого крема. Мама купила их для новоселья, а Наташе разрешила съесть одно или два, если уж она очень соскучится.

- Выбирай какое хочешь! - торжественно сказала девочка.

Кузька заглянул в коробку, наморщил нос и отвернулся:

- Это я не ем. Я - не козел. Девочка растерялась. Она очень любила пирожные. При чем тут козел?

- Ты только попробуй, - нерешительно предложила она.

- И не проси! - твердо отказался Кузька и опять отвернулся. Да как отвернулся! Наташа сразу поняла, что значит слово "отвращение". - Поросята пусть пробуют, лошади, коровы. Цыплята поклюют, утята-гусята пощиплют. Ну, зайцы пусть побалуются, леший пообкусывает. А мне... - Кузька похлопал себя по животу, - мне эта пища не по сердцу, нет, не по сердцу!

- Ты только понюхай, как пахнут, - жалобно попросила Наташа.

- Чего-чего, а это они умеют, - согласился Кузька. - А на вкус трава травой.

Видно, Кузька решил, что его угощают настоящими цветами: розами, ромашками, колокольчиками.

Наташа засмеялась.

А надо сказать, что Кузька больше всего на свете не любил, когда над ним смеются. Если над кем-нибудь еще, то, пожалуйста. Можно иногда и самому над собой посмеяться. Но чтоб другие смеялись над ним без спроса, этого Кузька терпеть не мог,

Он тут же схватил первое попавшееся пирожное и отважно сунул его в рот. И сейчас же спросил;

- Фафа фефэф или фто фофофаеф? Девочка не поняла, но лохматик, мигом расправившись с пирожным и запустив руку в коробку, повторил:

- Сама печешь или кто помогает? - И давай пихать в рот одно пирожное за другим.

Наташа задумалась, что она скажет маме, если Кузька нечаянно съест все пирожные.

Но он съел примерно штук десять, не больше.

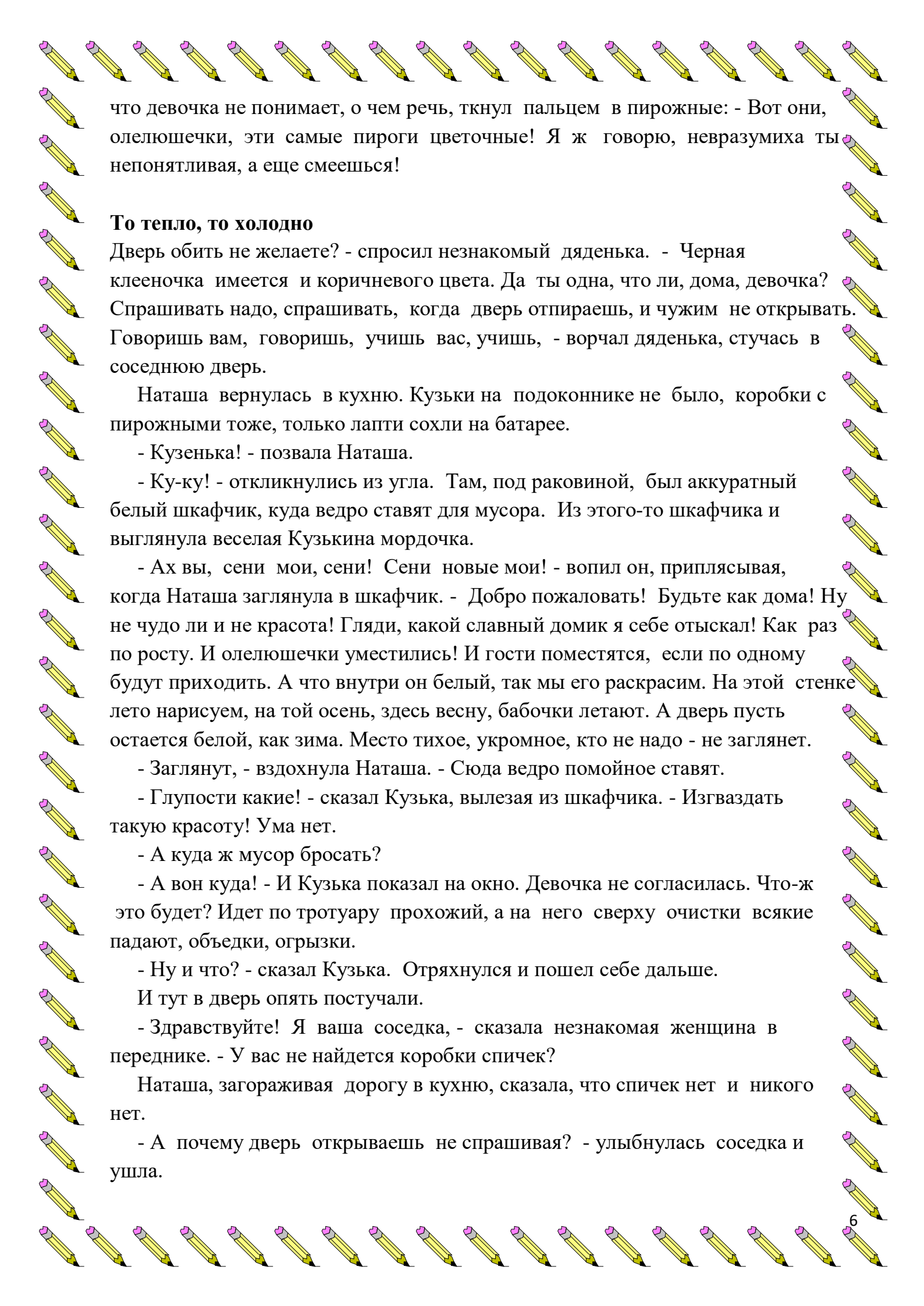
И, на прощание, заглянув в коробку, вздохнул:

- Хватит. Хорошенького понемножку. Эдак нельзя: все себе да себе. Надо и о других подумать. - И начал считать пирожные: - Тут еще осталось угостить Афоньку, Адоньку, Вуколочку. И Сосипатрику хватит, и Лутоношке, и бедненькому Кувыке. Я их тоже сначала обману: ешьте, мол, ешьте, угощайтесь! Пусть тоже думают, что цветами потчую. И угостим, и насмешим, то-то все будут рады-радехоньки!

Нахохотавшись всласть, Кузька обернулся к Наташе и заявил, что олелюшечек никак не хватит.

- Чего не хватит? - рассеянно спросила девочка. Она все думала, что сказать маме о пирожных, а еще думала про Адоньку, Афоньку, Вуколочку.

- Олелюшечек, говорю, на всех не хватит. Не красна изба углами, а красна пирогами. Эдаких вот, с цветами! - Кузька даже рассердился и, видя,

что девочка не понимает, о чем речь, ткнул пальцем в пирожные: - Вот они, олелюшечки, эти самые пироги цветочные! Я ж говорю, невразумиха ты непонятливая, а еще смеешься!

То тепло, то холодно

Дверь обить не желаете? - спросил незнакомый дяденька. - Черная клееночка имеется и коричневого цвета. Да ты одна, что ли, дома, девочка? Спрашивать надо, спрашивать, когда дверь отпираешь, и чужим не открывать. Говоришь вам, говоришь, учишь вас, учишь, - ворчал дяденька, стучась в соседнюю дверь.

Наташа вернулась в кухню. Кузьки на подоконнике не было, коробки с пирожными тоже, только лапти сохли на батарее.

- Кузенька! - позвала Наташа.

- Ку-ку! - откликнулись из угла. Там, под раковиной, был аккуратный белый шкафчик, куда ведро ставят для мусора. Из этого-то шкафчика и выглянула веселая Кузькина мордочка.

- Ах вы, сени мои, сени! Сени новые мои! - вопил он, приплясывая, когда Наташа заглянула в шкафчик. - Добро пожаловать! Будьте как дома! Ну не чудо ли и не красота! Гляди, какой славный домик я себе отыскал! Как раз по росту. И олелюшечки уместились! И гости поместятся, если по одному будут приходить. А что внутри он белый, так мы его раскрасим. На этой стенке лето нарисуем, на той осень, здесь весну, бабочки летают. А дверь пусть остается белой, как зима. Место тихое, укромное, кто не надо - не заглянет.

- Заглянут, - вздохнула Наташа. - Сюда ведро помойное ставят.

- Глупости какие! - сказал Кузька, вылезая из шкафчика. - Изгваздать такую красоту! Ума нет.

- А куда ж мусор бросать?

- А вон куда! - И Кузька показал на окно. Девочка не согласилась. Что-ж это будет? Идет по тротуару прохожий, а на него сверху очистки всякие падают, объедки, огрызки.

- Ну и что? - сказал Кузька. Отряхнулся и пошел себе дальше.

И тут в дверь опять постучали.

- Здравствуйте! Я ваша соседка, - сказала незнакомая женщина в переднике. - У вас не найдется коробки спичек?

Наташа, загораживая дорогу в кухню, сказала, что спичек нет и никого нет.

- А почему дверь открываешь не спрашивая? - улыбнулась соседка и ушла.

В кухне на батарее сох один лапоть. Кузька снова исчез.

- Кузенька! - позвала Наташа.

Никто не ответил. Она опять позвала. Откуда-то послышался шорох, тихий смех и приглушенный Кузькин голос:

- Идет мимо кровати спать на полати. Искала Наташа, искала - Кузька будто провалился. Надоело ей искать.

- Кузенька, где ты?

Послышалось хихиканье и неизвестно откуда ответили:

- Если я скажу "холодно", значит, там меня нету, а скажу "тепло", там я и есть. Наташа вышла в коридор.

- Эх, морозище-мороз отморозил девке нос! - заорал невидимый Кузька.

Девочка вернулась в кухню.

- Мороз невелик, а стоять не велит!

Она заглянула в белый шкафчик под раковиной.

- Стужа да мороз, на печи мужик замерз! Наташа сделала шаг к газовой плите, и погода сразу улучшилась:

- Сосульки тают! Весна-красна, на чем пришла? На кнутике, на хомутике!

У плиты наступило лето. Открыв духовку, Наташа увидела на противне Кузьку, который вопил, не жалея голоса:

- Обожжешься! Сгоришь! Удирай, пока не поздно!

- Это ты сгоришь! - сказала Наташа и стала объяснять про газовую плиту и про духовку.

Недослушав объяснений, Кузька вылетел наружу как ошпаренный, подобрал коробку с пирожными, надел лапоть и сердито пнул плиту.

- Вот беда-беда-огорчение! Я-то думал, это будет мой домик, тихонький, укромненький, никто не заглянет. А сам, страх подумать, в печи сидел! Ах ты батюшки!

Наташа стала его утешать.

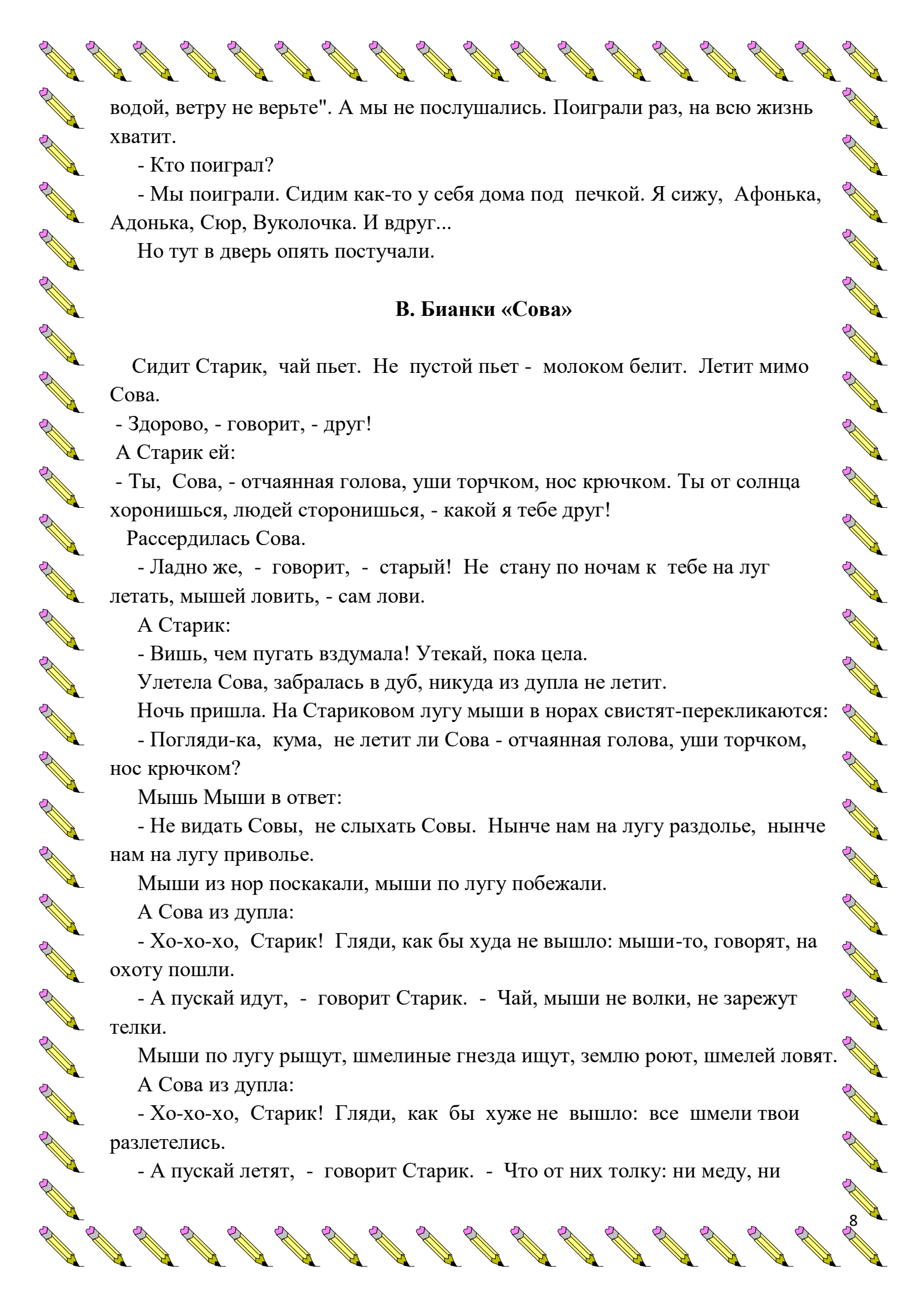
- Я твоей плиты не боюсь, зря не укусит, - махнул рукою Кузька. - Я огня боюсь.

Кузька сел на коробку с пирожными и пригорюнился:

- И лаптей жалко, и рубахи, а больше всего своей головушки. Я ж молоденький, семь веков всего, восьмой пошел...

- Семь лет, - поправила Наташа. - Как мне.

- У вас годами считают, - уточнил Кузька, - у нас - веками, в каждом веке - сто лет. Вот моему дедушке сто веков с лишним. Не знаю, как ты, а мы с огнем не водимся. Играть он не умеет, шуток не любит. Кто-кто, а мы это знаем. Дедушка нам говорил: "Не играйте с огнем, не шутите с

водой, ветру не верьте". А мы не послушались. Поиграли раз, на всю жизнь хватит.

- Кто поиграл?

- Мы поиграли. Сидим как-то у себя дома под печкой. Я сижу, Афонька, Адонька, Сюр, Вуколочка. И вдруг...

Но тут в дверь опять постучали.

В. Бианки «Сова»

Сидит Старик, чай пьет. Не пустой пьет - молоком белит. Летит мимо Сова.

- Здорово, - говорит, - друг!

А Старик ей:

- Ты, Сова, - отчаянная голова, уши торчком, нос крючком. Ты от солнца хоронишься, людей сторонисься, - какой я тебе друг!

Рассердилась Сова.

- Ладно же, - говорит, - старый! Не стану по ночам к тебе на луг летать, мышей ловить, - сам лови.

А Старик:

- Вишь, чем пугать вздумала! Утекай, пока цела.

Улетела Сова, забралась в дуб, никуда из дупла не летит.

Ночь пришла. На Стариковом лугу мыши в норах свистят-перекликаются:

- Погляди-ка, кума, не летит ли Сова - отчаянная голова, уши торчком, нос крючком?

Мышь Мыши в ответ:

- Не видать Совы, не слышать Совы. Нынче нам на лугу раздолье, нынче нам на лугу приволье.

Мыши из нор поскакали, мыши по лугу побежали.

А Сова из дупла:

- Хо-хо-хо, Старик! Гляди, как бы худа не вышло: мыши-то, говорят, на охоту пошли.

- А пускай идут, - говорит Старик. - Чай, мыши не волки, не зарежут телки.

Мыши по лугу рыщут, шмелиные гнезда ищут, землю роют, шмелей ловят.

А Сова из дупла:

- Хо-хо-хо, Старик! Гляди, как бы хуже не вышло: все шмели твои разлетелись.

- А пускай летят, - говорит Старик. - Что от них толку: ни меду, ни

воску, - волдыри только.

Стоит на лугу клевер кормовистый, головой к земле виснет, а шмели гудят, с луга прочь летят, на клевер не глядят, цветень с цветка на цветок не носят.

А Сова из дупла:

- Хо-хо-хо, Старик! Гляди, как бы хуже не вышло: не пришлось бы тебе самому цветень с цветка на цветок разносить.

- И ветер разнесет, - говорит Старик, а сам в затылке скребет.

По лугу ветер гуляет, цветень наземь сыплет. Не попадает цветень с цветка на цветок, - не родится клевер на лугу; не по нраву это Старику.

А Сова из дупла:

- Хо-хо-хо, Старик! Корова твоя мычит, клеверу просит, - трава, слышь, без клеверу что каша, без масла.

Молчит Старик, ничего не говорит.

Была Корова с клевера здорова, стала Корова тощать, стала молока сбавлять; пойло лижет, а молоко все жиже да жиже.

А Сова из дупла:

- Хо-хо-хо, Старик! Говорила я тебе: придешь ко мне кланяться.

Старик бранится, а дело-то не клеится. Сова в дубу сидит, мышей не ловит. Мыши по лугу рыщут, шмелиные гнезда ищут. Шмели на чужих лугах гуляют, а на Стариков луг и не заглядывают. Клевер на лугу не родится.

Корова без клеверу тощает. Молока у Коровы мало. Вот и чай белить Старику нечем стало.

Нечем стало Старику чай белить - пошел Старик Сове кланяться:

- Уж ты, Совушка-вдовушка, меня из беды выручай, нечем стало мне, старому, белить чай.

А Сова из дупла глазищами луп-луп, ножищами туп-туп.

- То-то, - говорит, - старый. Дружно не грузно, а врозь хоть брось.

Думаешь, мне-то легко без твоих мышей?

Простила Сова Старика, вылезла из дупла, полетела на луг мышей пугать.

Сова полетела мышей ловить.

Мыши со страху попрятались в норы.

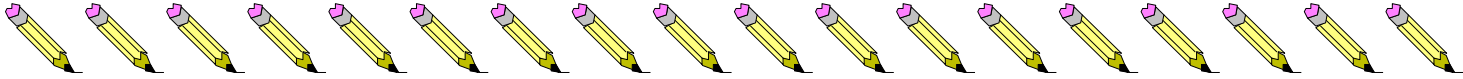
Шмели загудели над лугом, принялись с цветка на цветок летать.

Клевер красный стал на лугу наливаться.

Корова пошла на луг клевер жевать.

Молока у Коровы много.

Стал Старик молоком чай белить, чай белить - Сову хвалить, к себе в

гости звать, уваживать.

Сидит Старик, чай пьёт. Не пустой пьёт - молоком белит. Летит мимо Сова.

- Здорово,- говорит,- друг!

А Старик ей:

- Ты, Сова,- отчаянная голова, уши торчком, нос крючком. Ты от солнца хоронишься, людей сторонисься,- какой я тебе друг!

Рассердилась Сова.

- Ладно же,- говорит,- старый! Не стану по ночам к тебе на луг летать, мышей ловить,- сам лови.

А Старик:

- Вишь, чем пугать вздумала! Утекай, пока цела.

Улетела Сова, забралась в дуб, никуда из дупла не летит.

Ночь пришла. На стариковом лугу мыши в норах свистят-перекликаются:

- Погляди-ка, кума, не летит ли Сова - отчаянная голова, уши торчком, нос крючком?

Мышь Мыши в ответ:

- Не видать Совы, не слышать Совы. Нынче нам на лугу раздолье, нынче нам на лугу приволье.

Мыши из нор поскакали, мыши по лугу побежали. А Сова из дупла:

- Хо-ха-ха, Старик! Гляди, как бы худа не вышло: мыши-то, говорят, на охоту пошли.

- А пускай идут,- говорит Старик.- Чай, мыши не волки, не зарежут тёлки.

Мыши по лугу рыщут, шмелиные гнёзда ищут, землю роют, шмелей ловят. А Сова из дупла:

- Хо-хо-хо, Старик! Гляди, как бы хуже не вышло: все шмели твои разлетелись.

- А пускай летят,- говорит Старик.- Что от них толку: ни мёду, ни воску,- волдыри только.

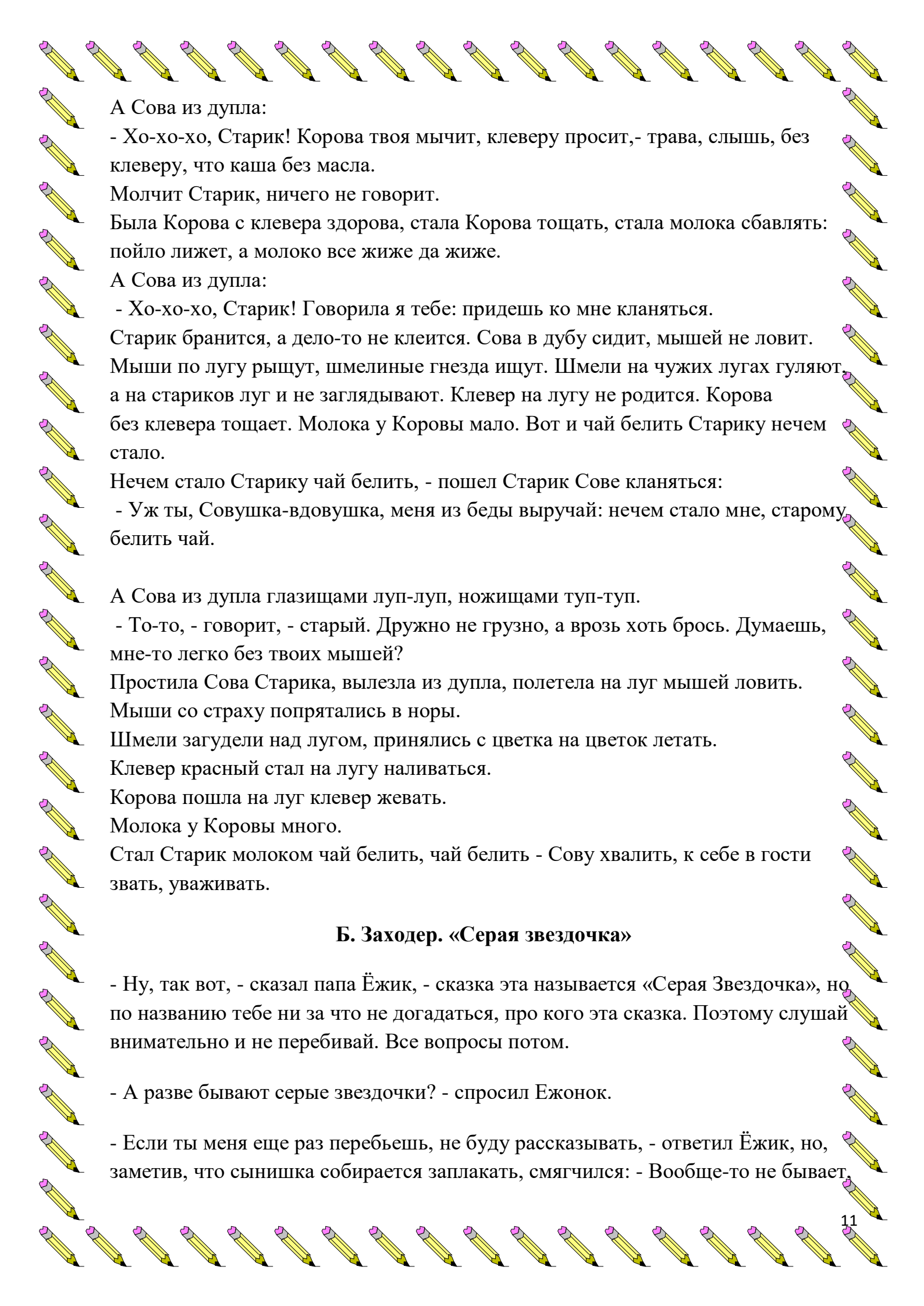
Стоит на лугу клевер кормовистый, головой к земле виснет, а шмели гудят, с луга прочь летят, на клевер не глядят, цветень с цветка на цветок не носят.

А Сова из дупла:

- Хо-хо-ха, Старик! Гляди, как бы хуже не вышло: не пришлось бы тебе самому цветень с цветка на цветок разносить.

- И ветер разнесёт,- говорит Старик, а сам в затылке скребёт.

По лугу ветер гуляет, цветень наземь сыплет. Не попадёт цветень с цветка на цветок,— не родится клевер на лугу: не по нраву это Старику.

А Сова из дупла:

- Хо-хо-хо, Старик! Корова твоя мычит, клеверу просит,- трава, слышь, без клеверу, что каша без масла.

Молчит Старик, ничего не говорит.

Была Корова с клевера здорова, стала Корова тощать, стала молока сбавлять: поило лижет, а молоко все жиже да жиже.

А Сова из дупла:

- Хо-хо-хо, Старик! Говорила я тебе: придешь ко мне кланяться.

Старик бранится, а дело-то не клеится. Сова в дубу сидит, мышей не ловит.

Мыши по лугу рыщут, шмелиные гнезда ищут. Шмели на чужих лугах гуляют, а на стариков луг и не заглядывают. Клевер на лугу не рождается. Корова без клевера тощает. Молока у Коровы мало. Вот и чай белить Старику нечем стало.

Нечем стало Старику чай белить, - пошел Старик Сове кланяться:

- Уж ты, Совушка-вдовушка, меня из беды выручай: нечем стало мне, старому белить чай.

А Сова из дупла глазищами луп-луп, ножищами туп-туп.

- То-то, - говорит, - старый. Дружно не грузно, а врозь хоть брось. Думаешь, мне-то легко без твоих мышей?

Простила Сова Старика, вылезла из дупла, полетела на луг мышей ловить.

Мыши со страху попрятались в норы.

Шмели загудели над лугом, принялись с цветка на цветок летать.

Клевер красный стал на лугу наливаться.

Корова пошла на луг клевер жевать.

Молока у Коровы много.

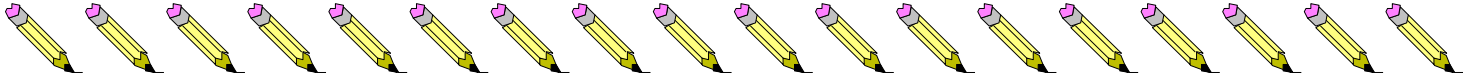
Стал Старик молоком чай белить, чай белить - Сову хвалить, к себе в гости звать, уваживать.

Б. Заходер. «Серая звездочка»

- Ну, так вот, - сказал папа Ёжик, - сказка эта называется «Серая Звездочка», но по названию тебе ни за что не догадаться, про кого эта сказка. Поэтому слушай внимательно и не перебивай. Все вопросы потом.

- А разве бывают серые звездочки? - спросил Ежонок.

- Если ты меня еще раз перебьешь, не буду рассказывать, - ответил Ёжик, но, заметив, что сынишка собирается заплакать, смягчился: - Вообще-то не бывает.

хотя, по-моему, это странно - ведь серый цвет самый красивый. Но одна Серая Звездочка была.

- Так вот, жила-была жаба - неуклюжая, некрасивая, вдобавок от нее пахло чесноком, а вместо колючек у нее были - можешь себе представить! - бородавки. Брр!

К счастью, она не знала ни о том, что она такая некрасивая, ни о том, что она — жаба. Во-первых, потому, что была совсем маленькая и вообще мало что знала, а во-вторых, потому, что ее никто так не называл. Она жила в саду, где росли Деревья, Кусты и Цветы, а ты должен знать, что Деревья, Кусты и Цветы разговаривают только с теми, кого они очень-очень любят. А ведь не станешь ты называть того, кого ты очень-очень любишь, жабой?

Ежонок засопел в знак согласия.

- Ну вот, Деревья, Кусты и Цветы очень любили жабу и поэтому звали ее самыми ласковыми именами. Особенно Цветы.

- А за что они ее так любили? - тихонечко спросил Ежонок.

Отец насупился, и Ежонок сразу свернулся.

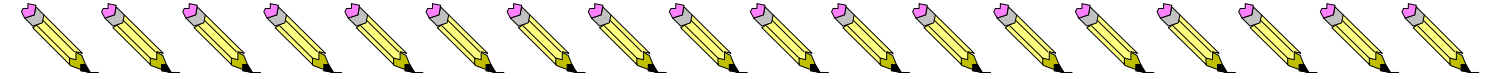
- Если помолчишь, то скоро узнаешь, - строго сказал Ёжик. Он продолжал: - Когда жаба появилась в саду, Цветы спросили, как ее зовут, и, когда она ответила, что не знает, очень обрадовались.

«Ой, как здорово! - сказали Анютины Глазки (они первыми увидели ее). - Тогда мы сами тебе придумаем имя! Хочешь, мы будем звать тебя... будем звать тебя Анютой?»

«Уж лучше Маргаритой, - сказали Маргаритки. - Это имя гораздо красивее!»

Тут вмешались Розы - они предложили назвать ее Красавицей; Колокольчики потребовали, чтобы она называлась Динь-Динь (это было единственное слово, которое они умели говорить), а цветок, по имени Иван-да-Марья, предложил ей называться Ванечка-Манечка.

Ежонок фыркнул и испуганно покосился на отца, но Ёжик не рассердился, потому что Ежонок фыркнул вовремя. Он спокойно продолжал:

- Словом, спорам не было бы конца, если бы не Астры. И если бы не Ученый Скворец.

«Пусть она называется Астрой», - сказали Астры.

«Или, еще лучше, Звездочкой, - сказал Ученый Скворец. - Это значит то же самое, что Астра, только гораздо понятнее. К тому же она и правда напоминает звездочку - вы только посмотрите, какие у нее лучистые глаза! А так как она серая, вы можете звать ее Серой Звездочкой - тогда уж не будет никакой путаницы! Кажется, ясно?»

И все согласились с Ученым Скворцом, потому что он был очень умный, умел говорить несколько настоящих человеческих слов и насвистывать почти до конца Музыкальное произведение, которое называется, кажется... «Ёжик-Пыжик» или как-то в этом роде. За это люди построили ему на тополе домик.

С тех пор все стали называть жабу Серой Звездочкой. Все, кроме Колокольчиков, - они по-прежнему звали ее Динь-Динь, но ведь это было единственное слово, которое они умели говорить.

«Нечего сказать, звездочка, - прошипел толстый старый Слизняк. Он вполз на розовый куст и подбирался к нежным молодым листочкам. - Хороша звездочка! Ведь это самая обыкновенная серая...»

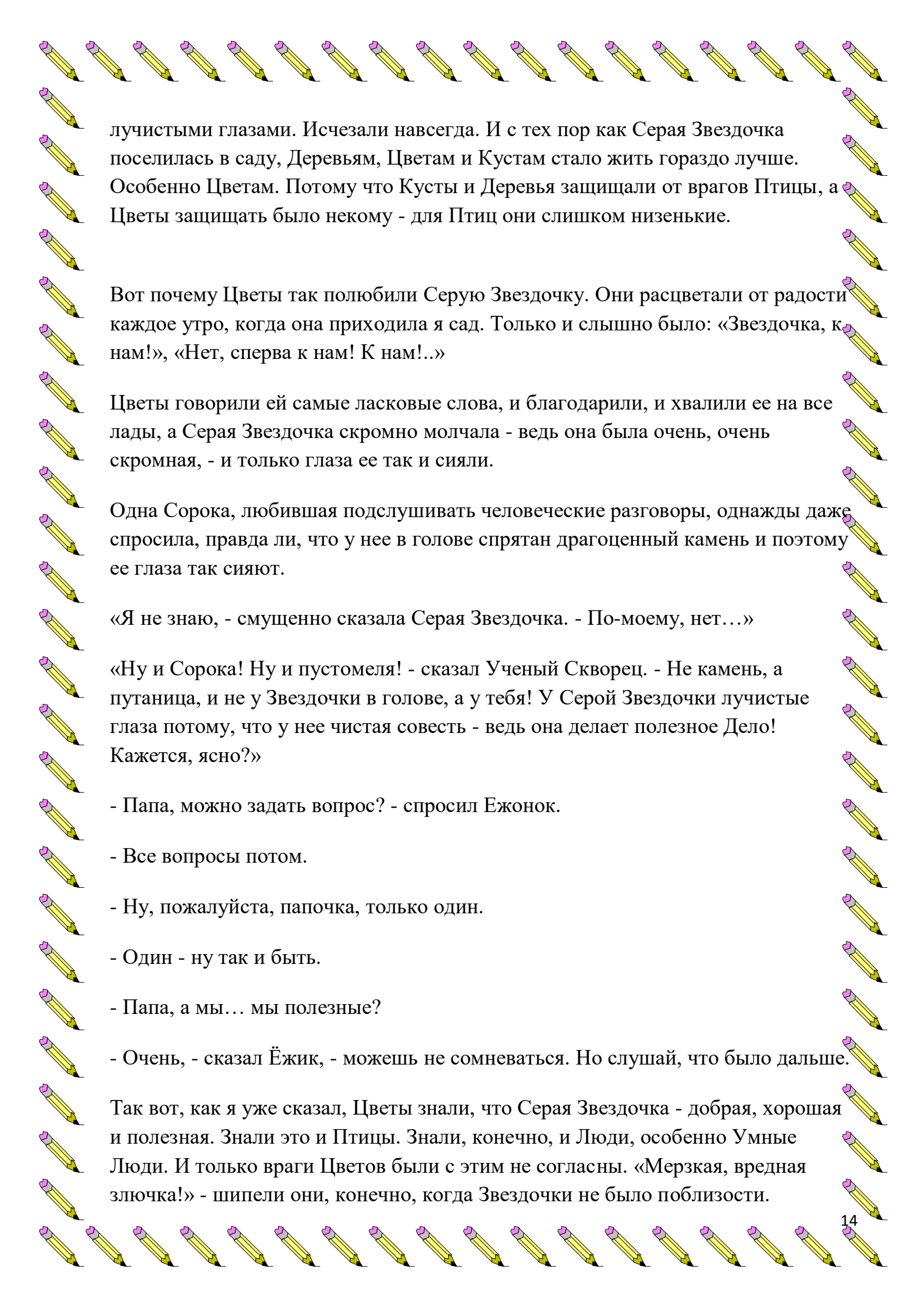
Он хотел сказать «жаба», но не успел, потому что в этот самый миг Серая Звездочка взглянула на него своими лучистыми глазами - и Слизняк исчез.

«Спасибо тебе, милая Звездочка, - сказала Роза, побледневшая от страха. - Ты спасла меня от страшного врага!»

- А надо тебе знать, - пояснил Ёжик, - что у Цветов, Деревьев и Кустов, хотя они никому не делают зла - наоборот, одно хорошее! - тоже есть враги. Их много. Хорошо еще, что эти враги довольно вкусные!

- Значит, Звездочка съела этого толстого Слизняка? - спросил Ежонок облизнувшись.

- Скорее всего, да, - сказал Ёжик. — Правда, ручаться нельзя. Никто не видел, как Звездочка ела Слизняков, Прожорливых Жуков и Вредных Гусениц. Но все враги Цветов исчезали, стоило Серой Звездочке посмотреть на них своими

лучистыми глазами. Исчезали навсегда. И с тех пор как Серая Звездочка поселилась в саду, Деревьям, Цветам и Кустам стало жить гораздо лучше. Особенно Цветам. Потому что Кусты и Деревья защищали от врагов Птицы, а Цветы защищать было некому - для Птиц они слишком низенькие.

Вот почему Цветы так полюбили Серую Звездочку. Они расцветали от радости каждое утро, когда она приходила в сад. Только и слышно было: «Звездочка, к нам!», «Нет, сперва к нам! К нам!...»

Цветы говорили ей самые ласковые слова, и благодарили, и хвалили ее на все лады, а Серая Звездочка скромно молчала - ведь она была очень, очень скромная, - и только глаза ее так и сияли.

Одна Сорока, любившая подслушивать человеческие разговоры, однажды даже спросила, правда ли, что у нее в голове спрятан драгоценный камень и поэтому ее глаза так сияют.

«Я не знаю, - смущенно сказала Серая Звездочка. - По-моему, нет...»

«Ну и Сорока! Ну и пустомеля! - сказал Ученый Скворец. - Не камень, а путаница, и не у Звездочки в голове, а у тебя! У Серой Звездочки лучистые глаза потому, что у нее чистая совесть - ведь она делает полезное Дело! Кажется, ясно?»

- Папа, можно задать вопрос? - спросил Ежонок.

- Все вопросы потом.

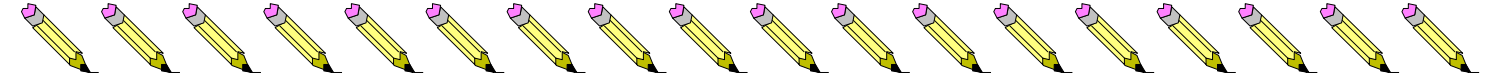
- Ну, пожалуйста, папочка, только один.

- Один - ну так и быть.

- Папа, а мы... мы полезные?

- Очень, - сказал Ёжик, - можешь не сомневаться. Но слушай, что было дальше.

Так вот, как я уже сказал, Цветы знали, что Серая Звездочка - добрая, хорошая и полезная. Знали это и Птицы. Знали, конечно, и Люди, особенно Умные Люди. И только враги Цветов были с этим не согласны. «Мерзкая, вредная злючка!» - шипели они, конечно, когда Звездочки не было поблизости.

«Уродина! Гадость!» - скрипели Прожорливые Жуки. «Надо расправиться с ней! - вторили им Гусеницы. - От нее просто нет житья!»

Правда, на их брань и угрозы никто не обращал внимания, и к тому же врагов становилось все меньше и меньше, но, на беду, в дело вмешалась ближайшая родственница Гусениц - бабочка Крапивница. На вид она была совершенно безобидная и даже хорошенькая, но на самом деле ужасно вредная. Так иногда бывает.

Да, я забыл тебе сказать, Что Серая Звездочка никогда не трогала Бабочек.

- Почему? - спросил Ежонок. - Они невкусные?

- Совсем не потому, глупыш. Скорее всего, потому, что бабочки похожи на цветы, а ведь Звездочка так любила Цветы! И, наверно, она не знала, что Бабочки и Гусеницы - почти одно и то же. Ведь Гусеницы превращаются в Бабочек, а от Бабочек выводятся новые Гусеницы...

Так вот, хитрая Крапивница придумала хитрый план - как погубить Серую Звездочку.

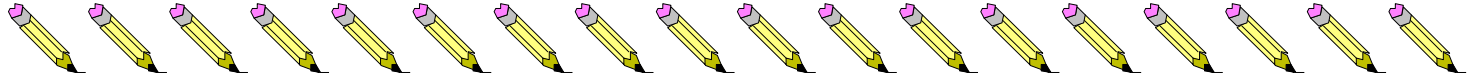
«Я скоро спасу вас от этой мерзкой жабы!» - сказала она своим сестрам Гусеницам, своим друзьям - Жукам и Слизнякам. И улетела из сада.

А когда она вернулась, за ней бежал Очень Глупый Мальчишка. В руке у него была тубетейка, он размахивал ею в воздухе и думал, что вот-вот поймает хорошенькую Крапивницу. Тубетейкой.

А хитрая Крапивница делала вид, что вот-вот попадется: сядет на цветок, притворится, будто не замечает Очень Глупого Мальчишку, а потом вдруг вспорхнет перед самым его носом и перелетает на следующую клумбу.

И так она заманила Очень Глупого Мальчишку в самую глубину сада, как раз на ту дорожку, где сидела Серая Звездочка и беседовала с Ученым Скворцом.

Крапивница была сразу же наказана за свой подлый поступок: Ученый Скворец молнией слетел с ветки и схватил ее клювом. Но было уже поздно, потому что Очень Глупый Мальчишка заметил Серую Звездочку.

«Жаба, жаба! - закричал он очень глупым голосом. - У-у-у, какая противная! Бей жабу! Бей!»

Серая Звездочка сперва не поняла, что он говорит о ней, - ведь ее никто еще не называл жабой. Она не двинулась с места и тогда, когда Очень Глупый Мальчишка замахнулся на нее камнем.

«Звездочка, спасайся!» - отчаянным голосом крикнул ей Ученый Скворец, чуть не подавившись Крапивницей.

В ту же минуту тяжелый камень шлепнулся на землю рядом с Серой Звездочкой. К счастью, Очень Глупый Мальчишка промахнулся, и Серая Звездочка успела отскочить в сторону. Цветы и Трава скрыли ее от глаз. Но Очень Глупый Мальчишка не унимался. Он подобрал еще несколько камней и продолжал швырять их туда, где шевелились трава и цветы.

«Жаба! Ядовитая жаба! - кричал он. - Бей уродину!»

«Дур-ра-чок! Дур-ра-чок! - крикнул ему Ученый Скворец. - Что за путаница у тебя в голове? Ведь она полезная! Кажется, ясно?»

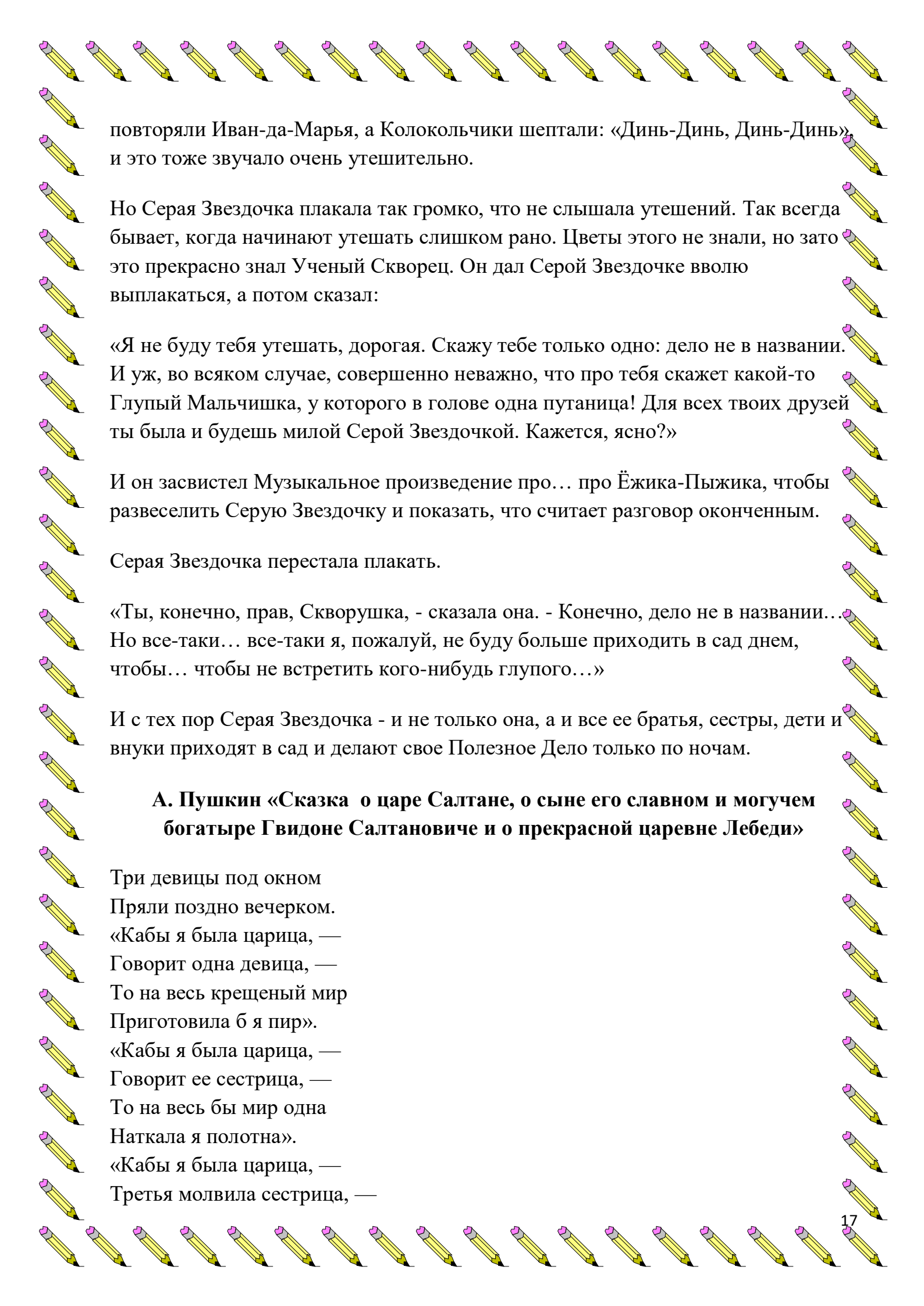
Но Очень Глупый Мальчишка схватил палку и полез прямо в Розовый Куст - туда, где, как ему казалось, спряталась Серая Звездочка.

Розовый Куст изо всех сил уколол его своими острыми колючками. И Очень Глупый Мальчишка с ревом побежал из сада.

- Ураа! - закричал Ежонок.

- Да, брат, колючки - это хорошая вещь! - продолжал Ёжик. - Если бы у Серой Звездочки были колючки, то, возможно, ей не пришлось бы так горько плакать в этот день. Но, как ты знаешь, колючек у нее не было, и потому она сидела под корнями Розового Куста и горько-горько плакала. «Он назвал меня жабой, - рыдала она, - уродиней! Так сказал Человек, а ведь люди все-все знают! Значит, я жаба, жаба!..»

Все утешали ее как могли: Анютины Глазки говорили, что она всегда останется их милой Серой Звездочкой; Розы говорили ей, что красота - не самое главное в жизни (с их стороны это была немалая жертва). «Не плачь, Ванечка-Манечка»,

повторяли Иван-да-Марья, а Колокольчики шептали: «Динь-Динь, Динь-Динь» и это тоже звучало очень утешительно.

Но Серая Звездочка плакала так громко, что не слышала утешений. Так всегда бывает, когда начинают утешать слишком рано. Цветы этого не знали, но зато это прекрасно знал Ученый Скворец. Он дал Серой Звездочке вволю выплакаться, а потом сказал:

«Я не буду тебя утешать, дорогая. Скажу тебе только одно: дело не в названии. И уж, во всяком случае, совершенно неважно, что про тебя скажет какой-то Глупый Мальчишка, у которого в голове одна путаница! Для всех твоих друзей ты была и будешь милой Серой Звездочкой. Кажется, ясно?»

И он засвистел Музыкальное произведение про... про Ёжика-Пыжика, чтобы развеселить Серую Звездочку и показать, что считает разговор оконченным.

Серая Звездочка перестала плакать.

«Ты, конечно, прав, Скворушка, - сказала она. - Конечно, дело не в названии... Но все-таки... все-таки я, пожалуй, не буду больше приходить в сад днем, чтобы... чтобы не встретить кого-нибудь глупого...»

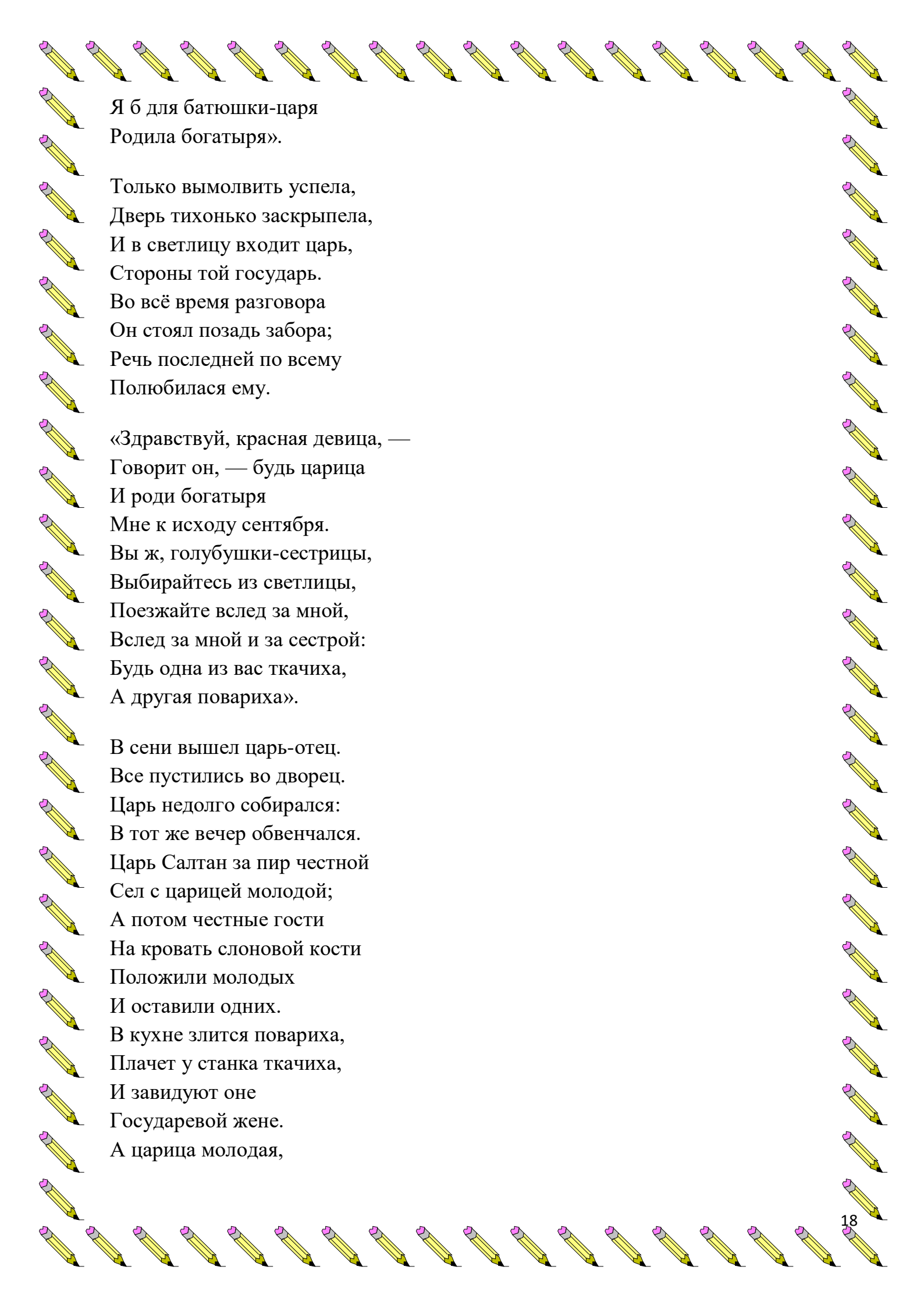
И с тех пор Серая Звездочка - и не только она, а и все ее братья, сестры, дети и внуки приходят в сад и делают свое Полезное Дело только по ночам.

А. Пушкин «Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди»

Три девицы под окном
Пряли поздно вечерком.
«Кабы я была царица, —
Говорит одна девица, —
То на весь крещеный мир
Приготовила б я пир».

«Кабы я была царица, —
Говорит ее сестрица, —
То на весь бы мир одна
Наткала я полотна».

«Кабы я была царица, —
Третья молвила сестрица, —

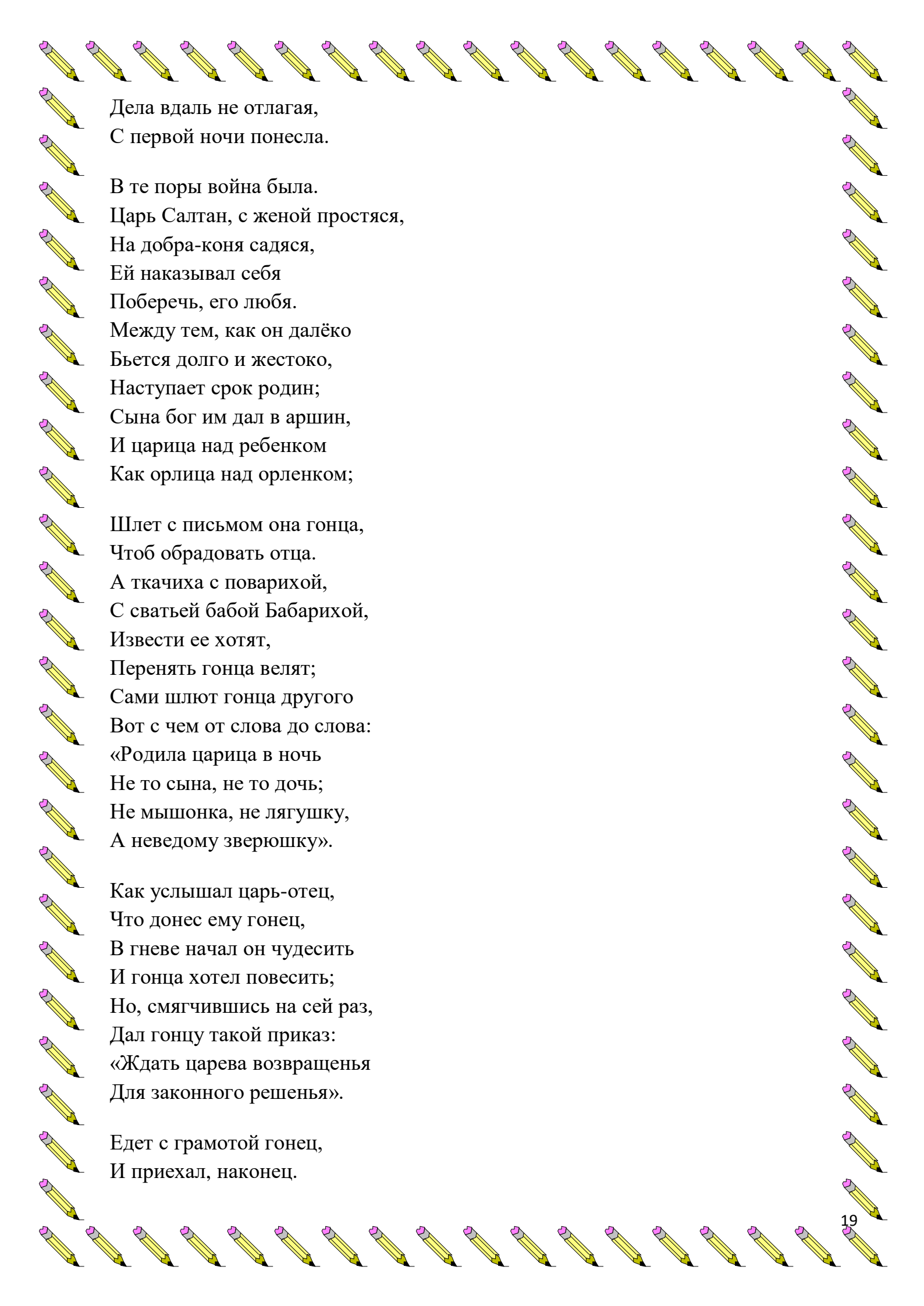

Я б для батюшки-царя
Родила богатыря».

Только вымолвить успела,
Дверь тихонько заскрыпела,
И в светлицу входит царь,
Стороны той государь.
Во всё время разговора
Он стоял позадь забора;
Речь последней по всему
Полюбилася ему.

«Здравствуй, красная девица, —
Говорит он, — будь царица
И роди богатыря
Мне к исходу сентября.
Вы ж, голубушки-сестрицы,
Выбирайтесь из светлицы,
Поезжайте вслед за мной,
Вслед за мной и за сестрой:
Будь одна из вас ткачиха,
А другая повариха».

В сени вышел царь-отец.
Все пустились во дворец.
Царь недолго собирался:
В тот же вечер обвенчался.
Царь Салтан за пир честной
Сел с царицей молодой;
А потом честные гости
На кровать слоновой кости
Положили молодых
И оставили одних.
В кухне злится повариха,
Плачет у станка ткачиха,
И завидуют оне
Государевой жене.
А царица молодая,

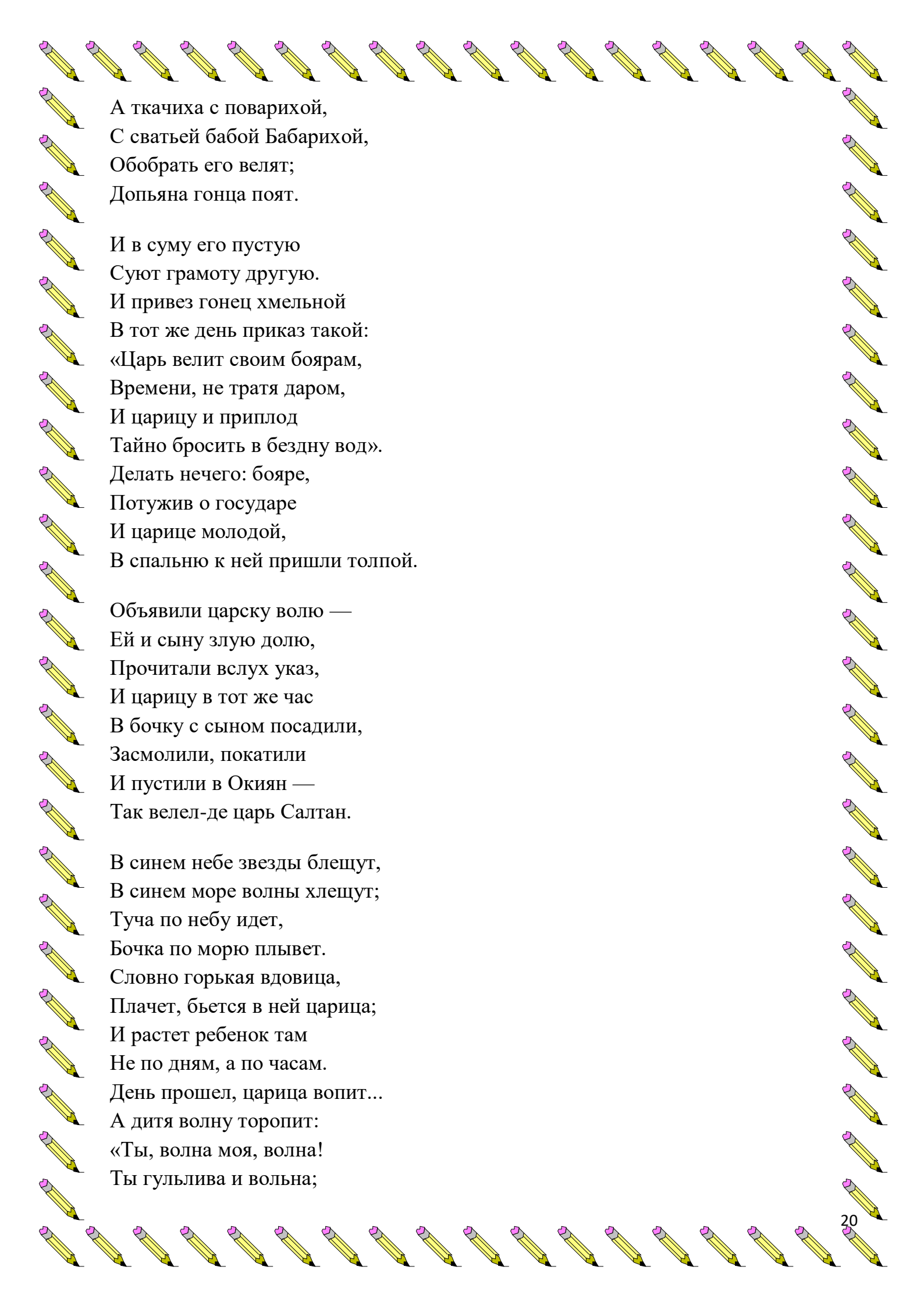
Дела вдаль не отлагая,
С первой ночи понесла.

В те поры война была.
Царь Салтан, с женой простясь,
На добра-коня садясь,
Ей наказывал себя
Побережь, его любя.
Между тем, как он далёко
Бьется долго и жестоко,
Наступает срок родин;
Сына бог им дал в аршин,
И царица над ребенком
Как орлица над орленком;

Шлет с письмом она гонца,
Чтоб обрадовать отца.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Извести ее хотят,
Перенять гонца велят;
Сами шлют гонца другого
Вот с чем от слова до слова:
«Родила царица в ночь
Не то сына, не то дочь;
Не мышонка, не лягушку,
А неведому зверюшку».

Как услышал царь-отец,
Что донес ему гонец,
В гневе начал он чудесить
И гонца хотел повесить;
Но, смягчившись на сей раз,
Дал гонцу такой приказ:
«Ждать царева возвращенья
Для законного решенья».

Едет с грамотой гонец,
И приехал, наконец.

А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Обобрать его велят;
Допьяна гонца поят.

И в суму его пустую
Суют грамоту другую.
И привез гонец хмельной
В тот же день приказ такой:
«Царь велит своим боярам,
Времени, не тратя даром,
И царицу и приплод
Тайно бросить в бездну вод».

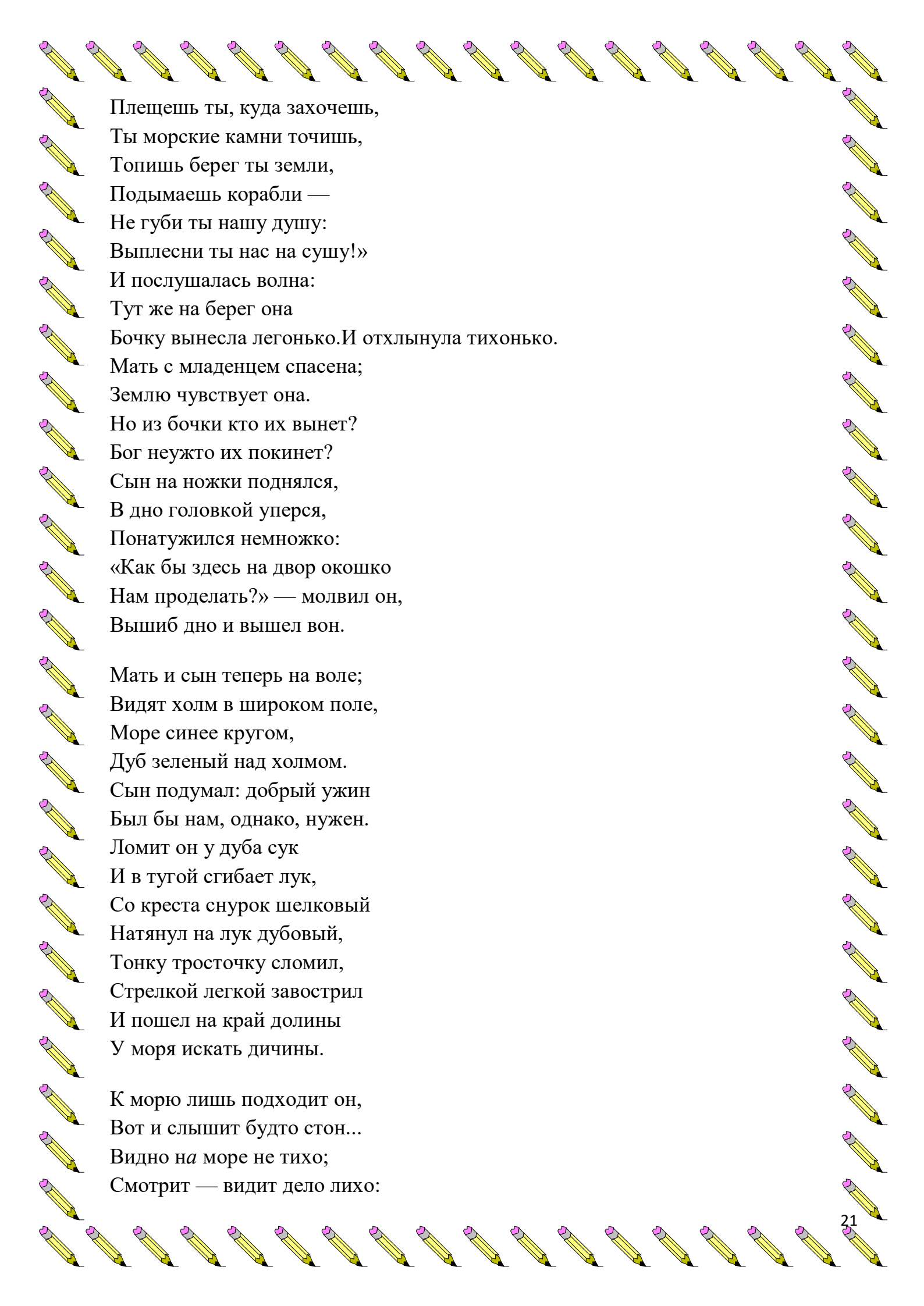
Делать нечего: бояре,
Потужив о государе
И царице молодой,
В спальню к ней пришли толпой.

Объявили царску волю —
Ей и сыну злую долю,
Прочитали вслух указ,
И царицу в тот же час
В бочку с сыном посадили,
Засмолили, покатали
И пустили в Окиян —
Так велел-де царь Салтан.

В синем небе звезды блещут,
В синем море волны хлещут;
Туча по небу идет,
Бочка по морю плывет.

Словно горькая вдовица,
Плачет, бьется в ней царица;
И растет ребенок там
Не по дням, а по часам.

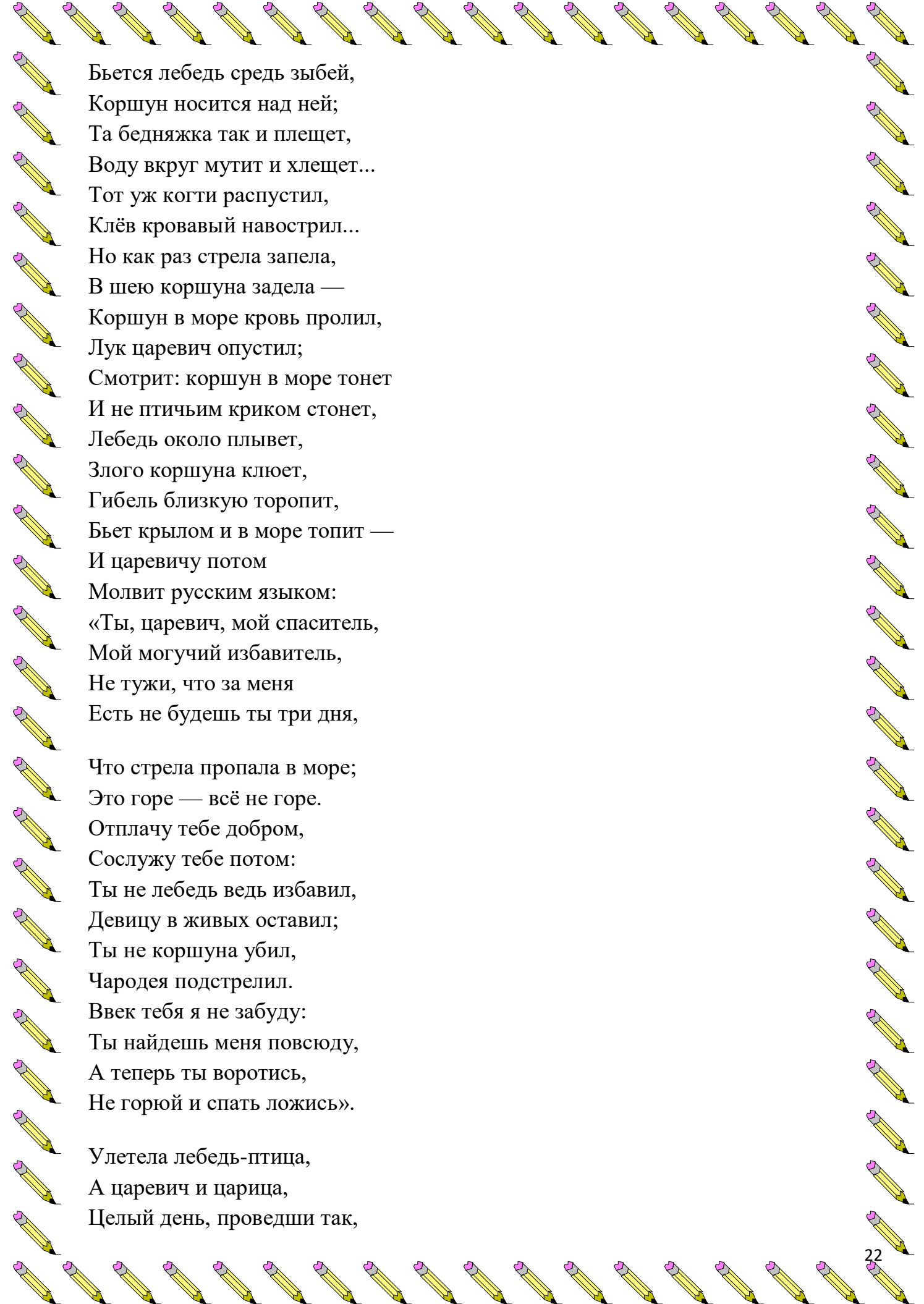
День прошел, царица вопит...
А дитя волну торопит:
«Ты, волна моя, волна!
Ты гульлива и вольна;

Плещешь ты, куда захочешь,
Ты морские камни точишь,
Топишь берег ты земли,
Подымаешь корабли —
Не губи ты нашу душу:
Выплесни ты нас на сушу!»
И послушалась волна:
Тут же на берег она
Бочку вынесла легонько. И отхлынула тихонько.
Мать с младенцем спасена;
Землю чувствует она.
Но из бочки кто их вынет?
Бог неужто их покинет?
Сын на ножки поднялся,
В дно головкой уперся,
Понатужился немножко:
«Как бы здесь на двор окошко
Нам проделать?» — молвил он,
Вышиб дно и вышел вон.

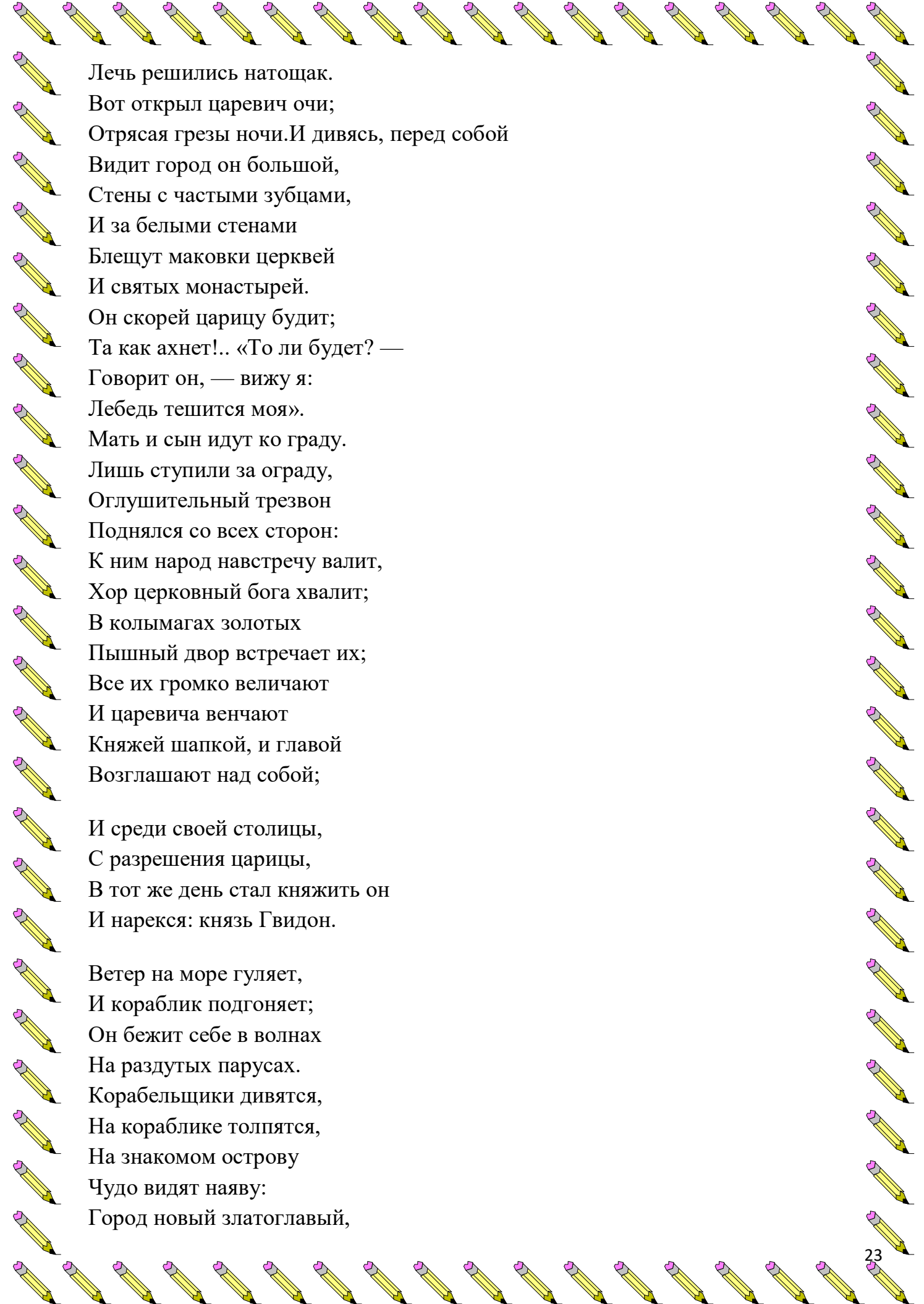
Мать и сын теперь на воле;
Видят холм в широком поле,
Море синее кругом,
Дуб зеленый над холмом.
Сын подумал: добрый ужин
Был бы нам, однако, нужен.
Ломит он у дуба сук
И в тугой сгибает лук,
Со креста снурок шелковый
Натянул на лук дубовый,
Тонку тросточку сломил,
Стрелкой легкой заострил
И пошел на край долины
У моря искать дичины.

К морю лишь подходит он,
Вот и слышит будто стон...
Видно на море не тихо;
Смотрит — видит дело лихо:

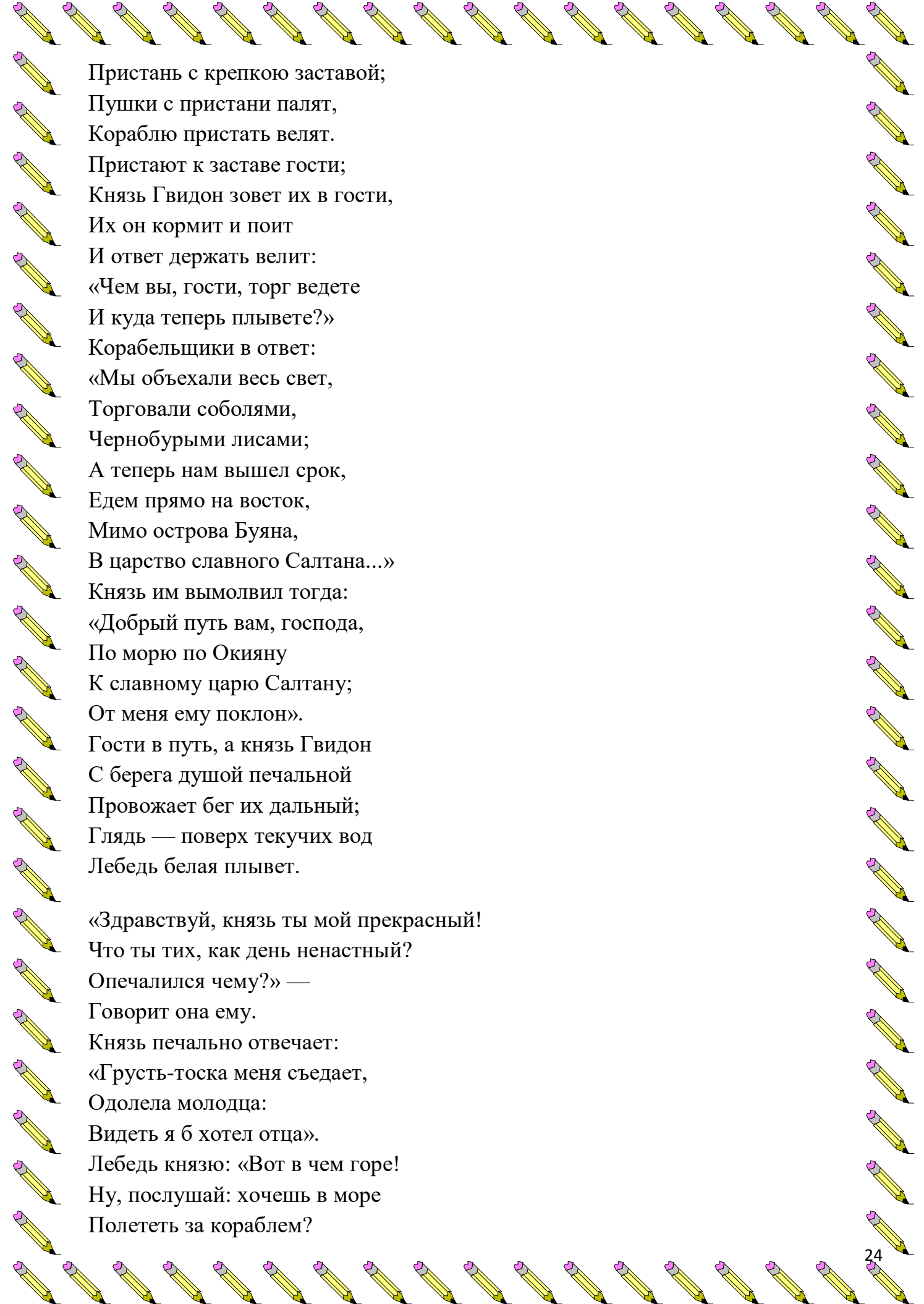

Бьется лебедь средь зыбей,
Коршун носится над ней;
Та бедняжка так и плещет,
Воду вокруг мутит и хлещет...
Тот уж когти распустил,
Клёв кровавый наострил...
Но как раз стрела запела,
В шею коршуна задела —
Коршун в море кровь пролил,
Лук царевич опустил;
Смотрит: коршун в море тонет
И не птичьим криком стонет,
Лебедь около плывет,
Злого коршуна клюет,
Гибель близкую торопит,
Бьет крылом и в море топит —
И царевичу потом
Молвит русским языком:
«Ты, царевич, мой спаситель,
Мой могучий избавитель,
Не тужи, что за меня
Есть не будешь ты три дня,
Что стрела пропала в море;
Это горе — всё не горе.
Отплачу тебе добром,
Сослужу тебе потом:
Ты не лебедь ведь избавил,
Девицу в живых оставил;
Ты не коршуна убил,
Чародея подстрелил.
Ввек тебя я не забуду:
Ты найдешь меня повсюду,
А теперь ты воротись,
Не горюй и спать ложись».

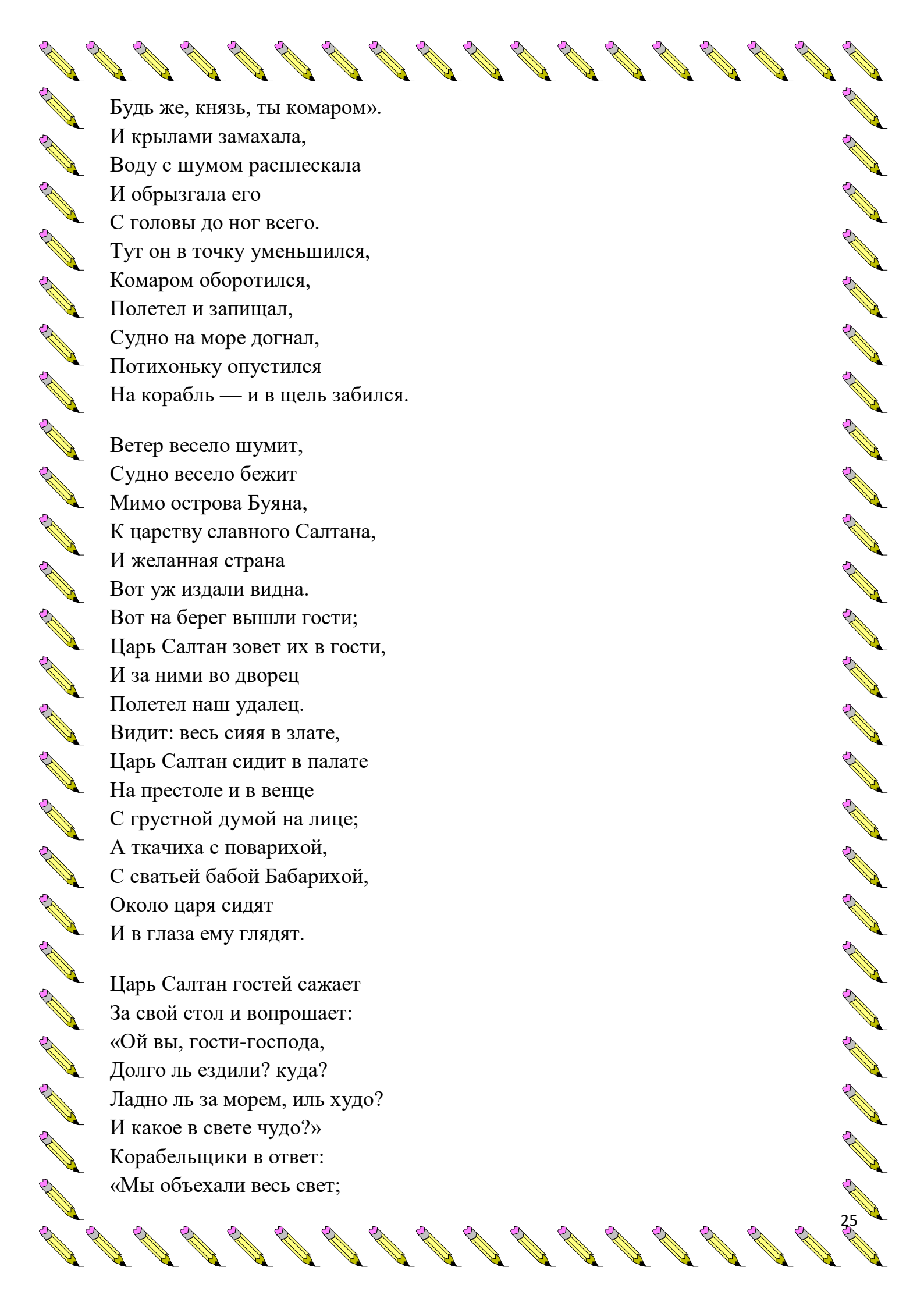
Улетела лебедь-птица,
А царевич и царица,
Целый день, проведши так,

Лечь решились натошак.
Вот открыл царевич очи;
Отрясая грезы ночи.И дивясь, перед собой
Видит город он большой,
Стены с частыми зубцами,
И за белыми стенами
Блещут маковки церквей
И святых монастырей.
Он скорей царицу будит;
Та как ахнет!.. «То ли будет? —
Говорит он, — вижу я:
Лебедь тешится моя».
Мать и сын идут ко граду.
Лишь ступили за ограду,
Оглушительный трезвон
Поднялся со всех сторон:
К ним народ навстречу валит,
Хор церковный бога хвалит;
В колымагах золотых
Пышный двор встречает их;
Все их громко величают
И царевича венчают
Княжей шапкой, и главой
Возглашают над собой;
И среди своей столицы,
С разрешения царицы,
В тот же день стал княжить он
И нарекся: князь Гвидон.
Ветер на море гуляет,
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах.
Корабельщики дивятся,
На кораблике толпятся,
На знакомом острове
Чудо видят наяву:
Город новый златоглавый,

Пристань с крепкою заставой;
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости;
Князь Гвидон зовет их в гости,
Их он кормит и поит
И ответ держать велит:
«Чем вы, гости, торг ведете
И куда теперь плывете?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет,
Торговали соболями,
Чернобурыми лисами;
А теперь нам вышел срок,
Едем прямо на восток,
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана...»
Князь им вымолвил тогда:
«Добрый путь вам, господа,
По морю по Окияну
К славному царю Салтану;
От меня ему поклон».
Гости в путь, а князь Гвидон
С берега душой печальной
Провожает бег их дальний;
Глядь — поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что ты тих, как день ненастный?
Опечалился чему?» —
Говорит она ему.
Князь печально отвечает:
«Грусть-тоска меня съедает,
Одолела молодца:
Видеть я б хотел отца».
Лебедь князю: «Вот в чем горе!
Ну, послушай: хочешь в море
Полететь за кораблем?»

Будь же, князь, ты комаром».

И крылами замахала,

Воду с шумом расплескала

И обрызгала его

С головы до ног всего.

Тут он в точку уменьшился,

Комаром оборотился,

Полетел и запищал,

Судно на море догнал,

Потихоньку опустился

На корабль — и в щель забился.

Ветер весело шумит,

Судно весело бежит

Мимо острова Буяна,

К царству славного Салтана,

И желанная страна

Вот уж издали видна.

Вот на берег вышли гости;

Царь Салтан зовет их в гости,

И за ними во дворец

Полетел наш удалец.

Видит: весь сияя в злате,

Царь Салтан сидит в палате

На престоле и в венце

С грустной думой на лице;

А ткачиха с поварихой,

С сватьей бабой Бабарихой,

Около царя сидят

И в глаза ему глядят.

Царь Салтан гостей сажает

За свой стол и вопрошает:

«Ой вы, гости-господа,

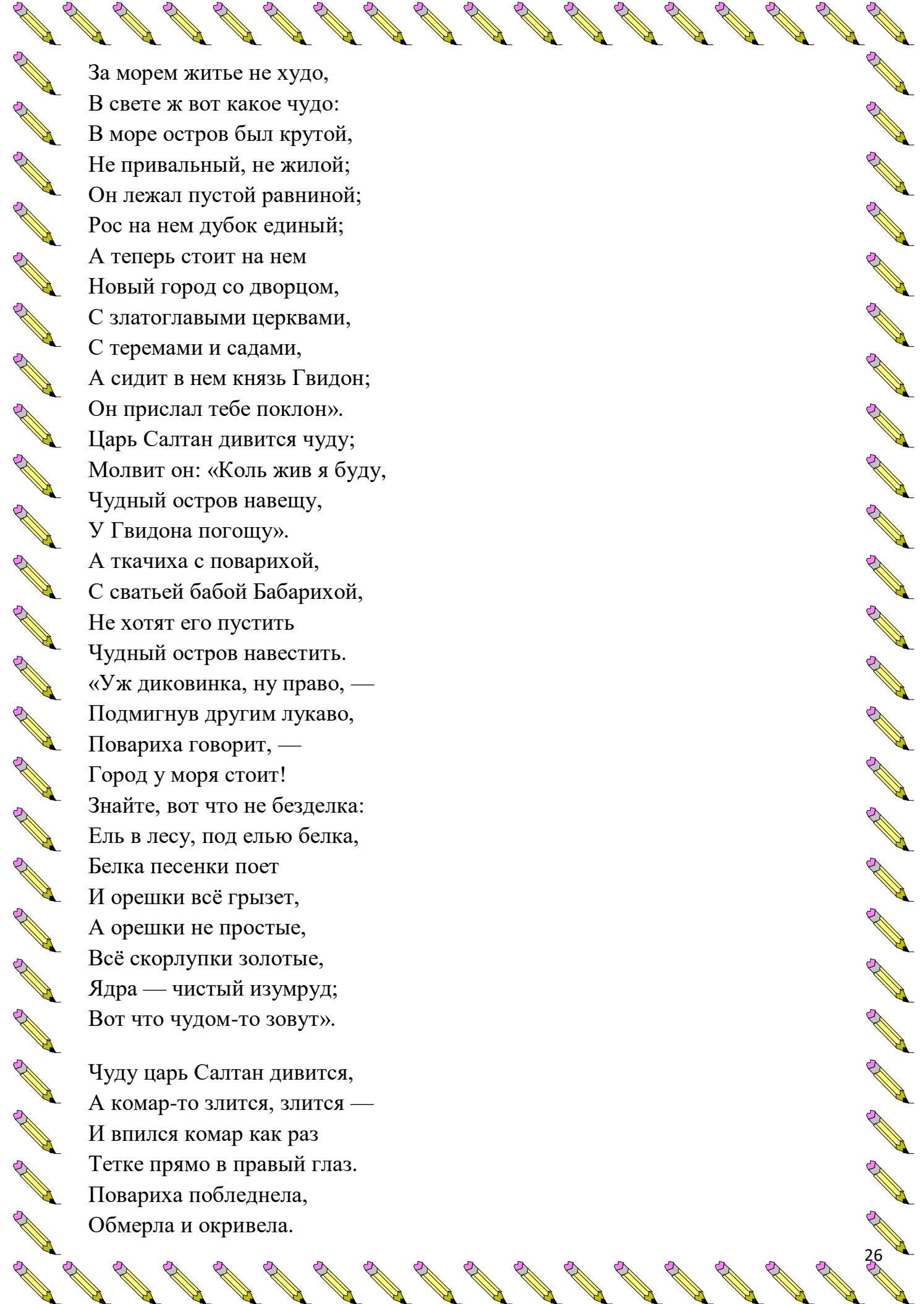
Долго ль ездили? куда?

Ладно ль за морем, иль худо?

И какое в свете чудо?»

Корабельщики в ответ:

«Мы объехали весь свет;

За морем жите не худо,
В свете ж вот какое чудо:
В море остров был крутой,
Не привальный, не жилой;
Он лежал пустой равниной;
Рос на нем дубок единый;
А теперь стоит на нем
Новый город со дворцом,
С златоглавыми церквами,
С теремами и садами,
А сидит в нем князь Гвидон;
Он прислал тебе поклон».
Царь Салтан дивится чуду;
Молвит он: «Коль жив я буду,
Чудный остров навещу,
У Гвидона погощу».
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Не хотят его пустить
Чудный остров навестить.
«Уж диковинка, ну право, —
Подмигнув другим лукаво,
Повариха говорит, —
Город у моря стоит!
Знайте, вот что не безделка:
Ель в лесу, под елью белка,
Белка песенки поет
И орешки всё грызет,
А орешки не простые,
Всё скорлупки золотые,
Ядра — чистый изумруд;
Вот что чудом-то зовут».
Чуду царь Салтан дивится,
А комар-то злится, злится —
И впился комар как раз
Тетке прямо в правый глаз.
Повариха побледнела,
Обмерла и окривела.

Слуги, сватья и сестра

С криком ловят комара.

«Распроклятая ты мошка!

Мы тебя!..» А он в окошко,

Да спокойно в свой удел

Через море полетел.

Снова князь у моря ходит,

С синя моря глаз не сводит;

Глядь — поверх текучих вод

Лебедь белая плывет.

«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!

Что ж ты тих, как день ненастный?

Опечалился чему?» —

Говорит она ему.

Князь Гвидон ей отвечает:

«Грусть-тоска меня съедает;

Чудо чудное завель

Мне б хотелось. Где-то есть

Ель в лесу, под елью белка;

Диво, право, не безделка —

Белка песенки поет,

Да орешки всё грызет,

А орешки не простые,

Всё скорлупки золотые,

Ядра — чистый изумруд;

Но, быть может, люди врут».

Князю лебедь отвечает:

«Свет о белке правду бает;

Это чудо знаю я;

Полно, князь, душа моя,

Не печалься; рада службу

Оказать тебе я в дружбу».

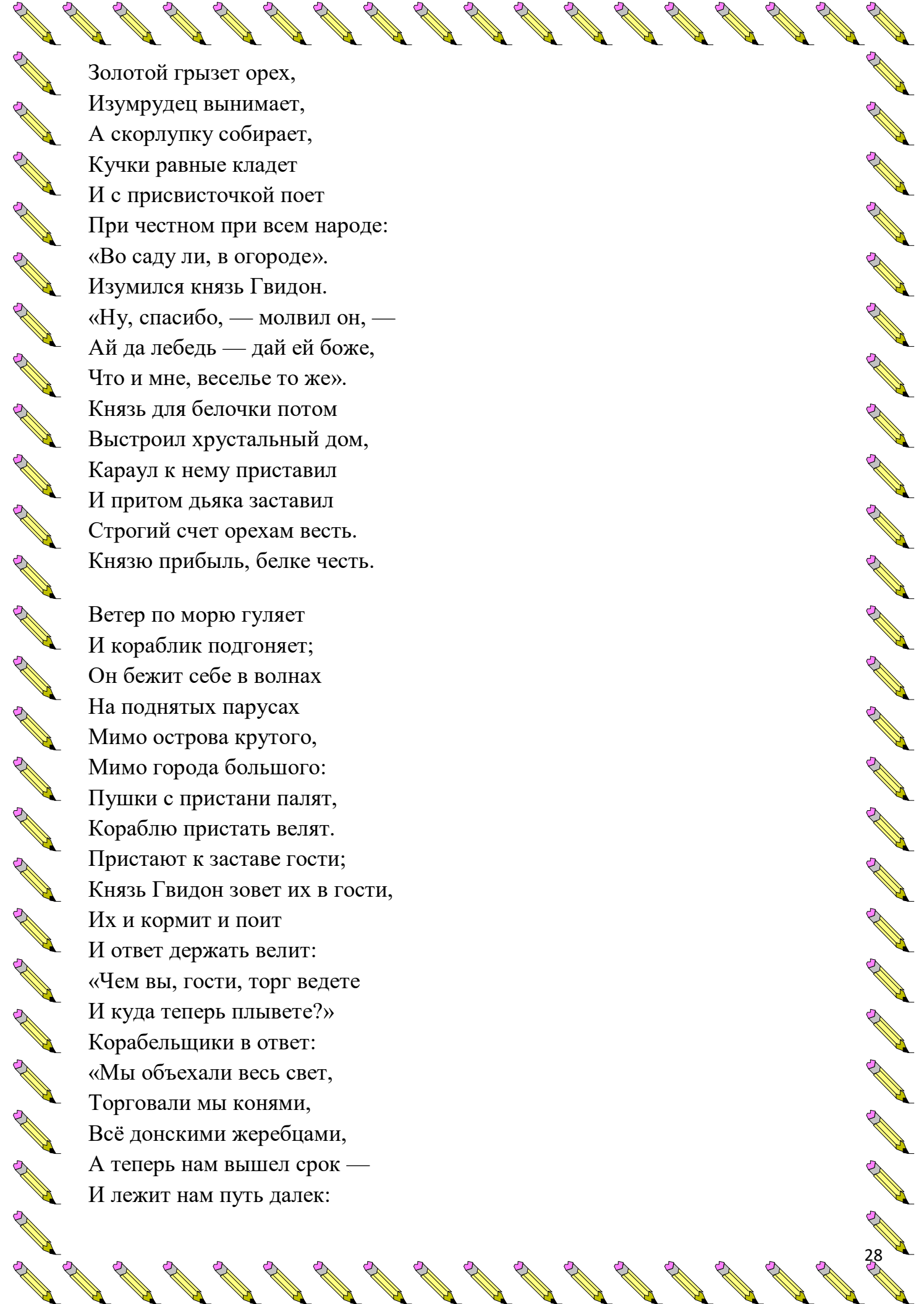
С ободренною душой

Князь пошел себе домой;

Лишь ступил на двор широкий —

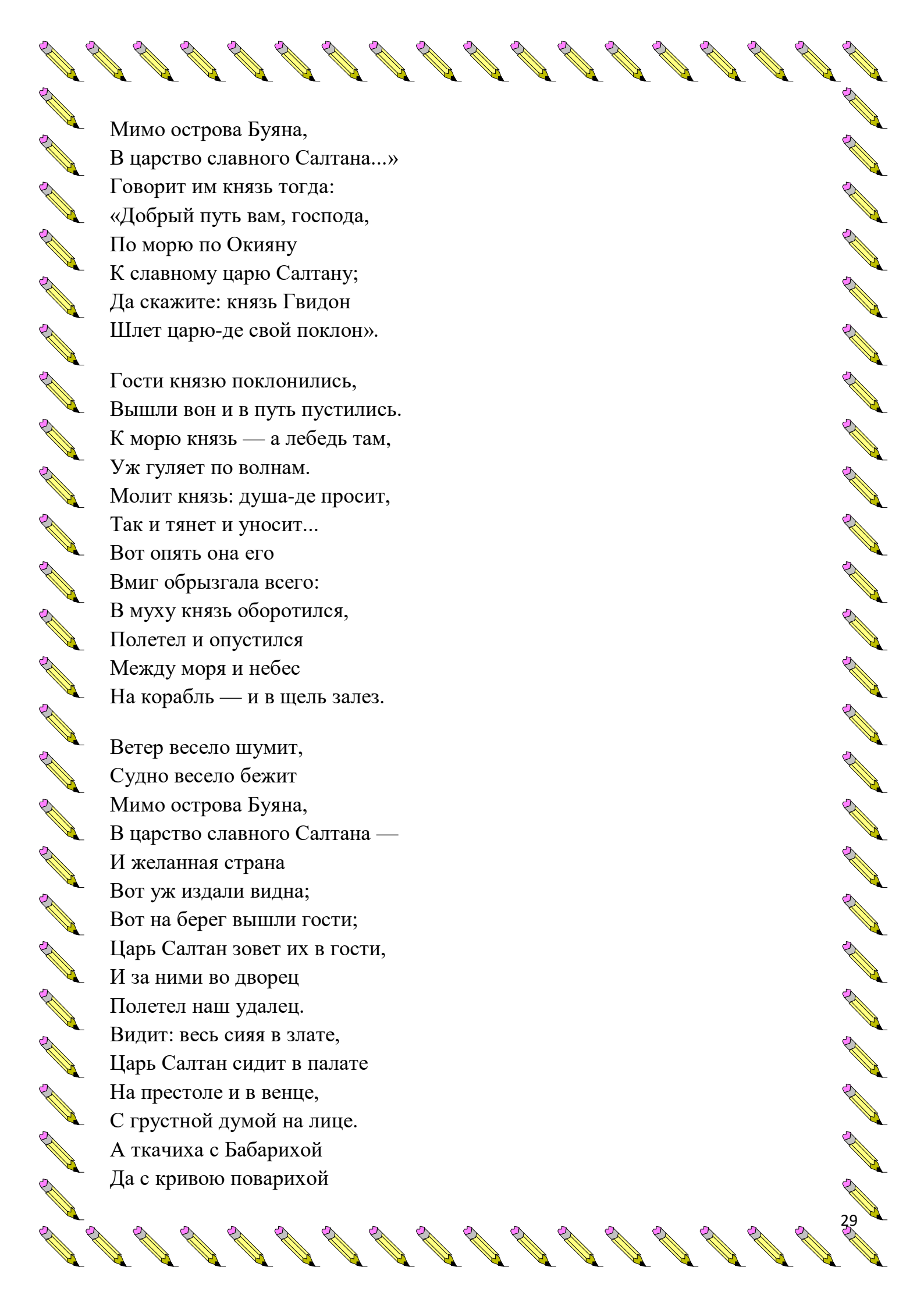
Что ж? под елкою высокой,

Видит, белочка при всех

Золотой грызет орех,
Изумрудец вынимает,
А скорлупку собирает,
Кучки равные кладет
И с присвисточкой поет
При честном при всем народе:
«Во саду ли, в огороде».
Изумился князь Гвидон.
«Ну, спасибо, — молвил он, —
Ай да лебедь — дай ей боже,
Что и мне, веселье то же».
Князь для белочки потом
Выстроил хрустальный дом,
Караул к нему приставил
И притом дьяка заставил
Строгий счет орехам вести.
Князю прибыль, белке честь.

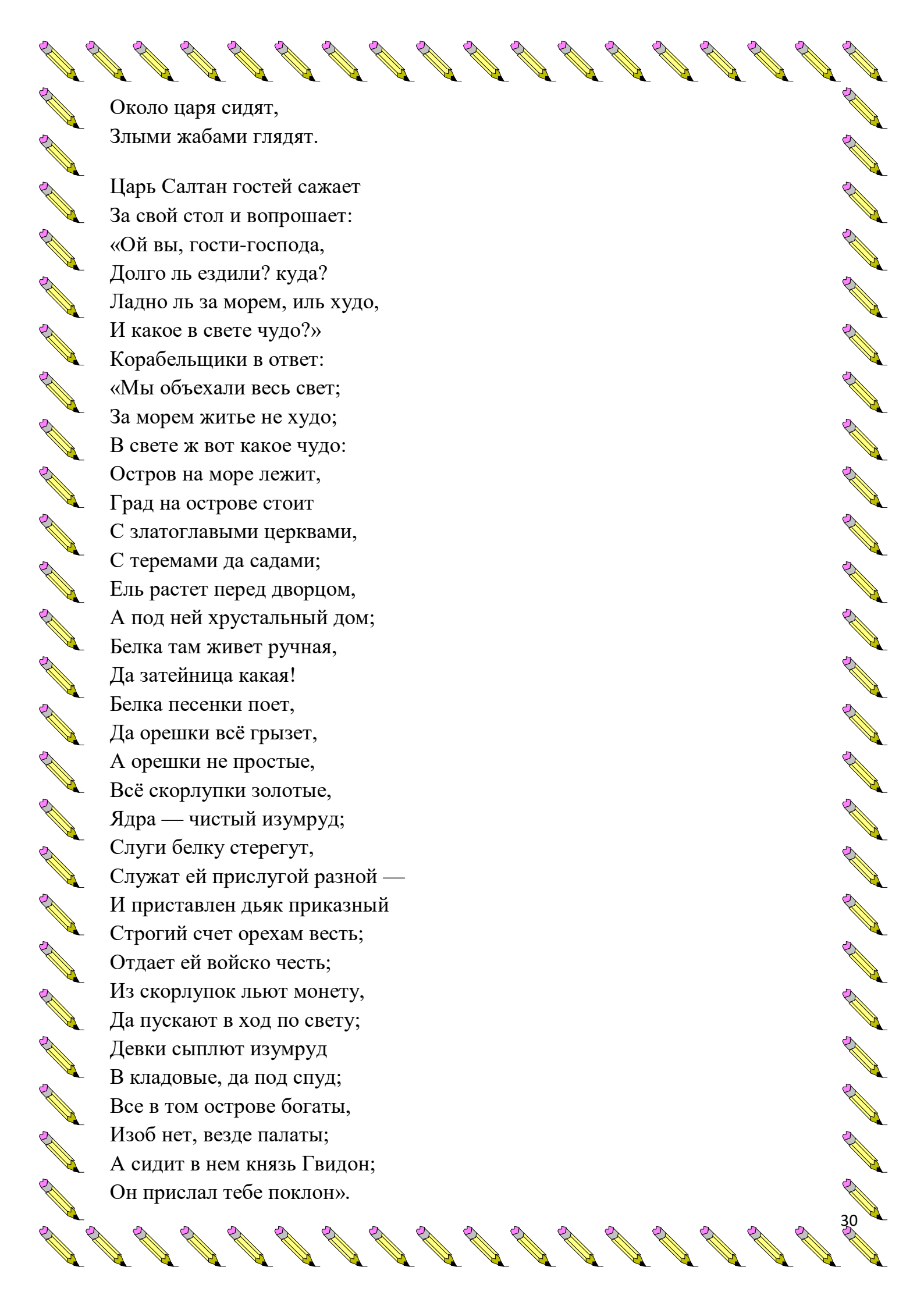
Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На поднятых парусах
Мимо острова крутого,
Мимо города большого:
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости;
Князь Гвидон зовет их в гости,
Их и кормит и поит
И ответ держать велит:
«Чем вы, гости, торг ведете
И куда теперь плывете?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет,
Торговали мы конями,
Всё донскими жеребцами,
А теперь нам вышел срок —
И лежит нам путь далек:

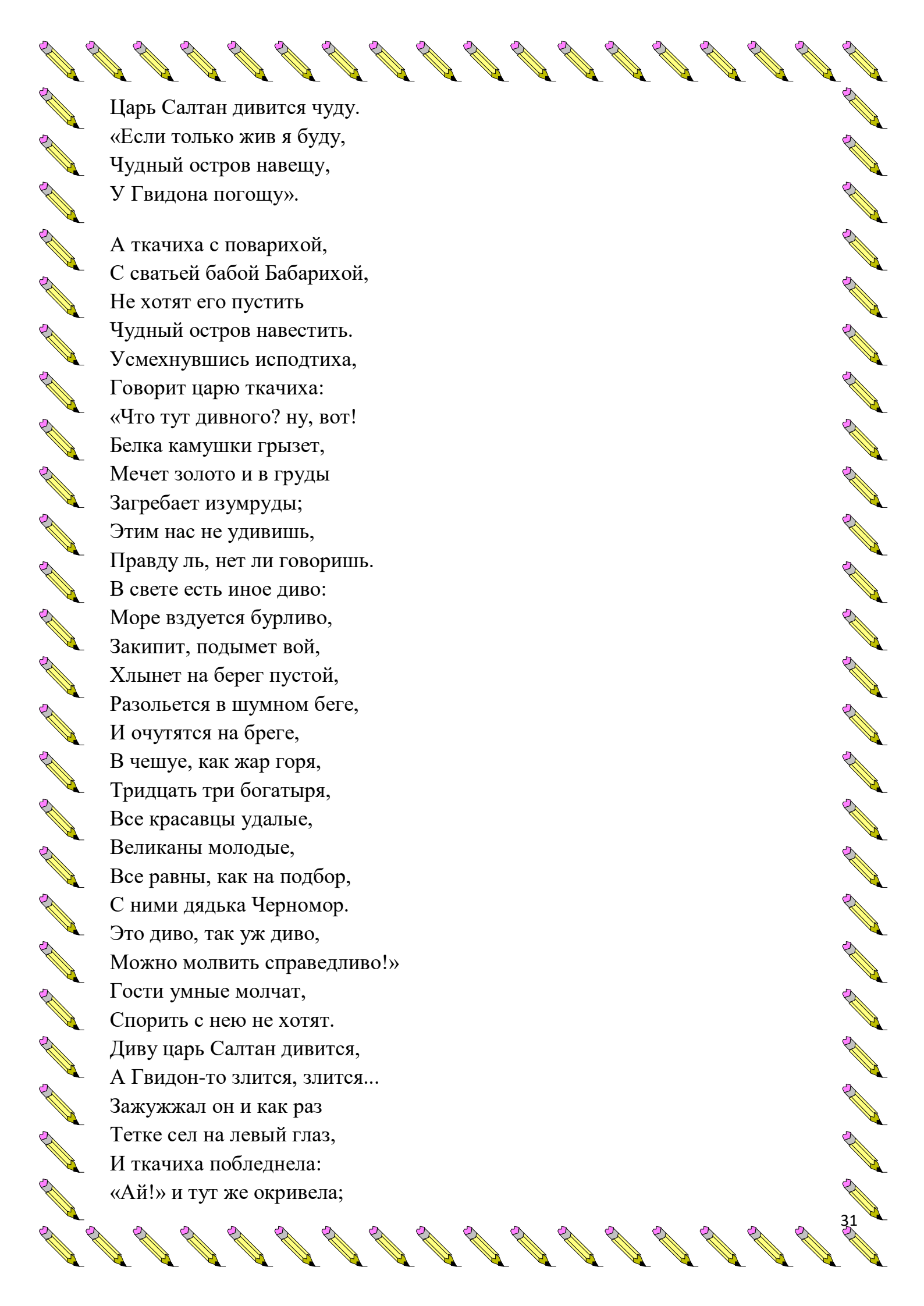
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана...»
Говорит им князь тогда:
«Добрый путь вам, господа,
По морю по Окияну
К славному царю Салтану;
Да скажите: князь Гвидон
Шлет царю-де свой поклон».

Гости князю поклонились,
Вышли вон и в путь пустились.
К морю князь — а лебедь там,
Уж гуляет по волнам.
Молит князь: душа-де просит,
Так и тянет и уносит...
Вот опять она его
Вмиг обрызгала всего:
В муху князь оборотился,
Полетел и опустился
Между моря и небес
На корабль — и в щель залез.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана —
И желанная страна
Вот уж издали видна;
Вот на берег вышли гости,
Царь Салтан зовет их в гости,
И за ними во дворец
Полетел наш удалец.
Видит: весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце,
С грустной думой на лице.
А ткачиха с Бабарихой
Да с кривою поварихой

Около царя сидят,
Злыми жабами глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
«Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем, иль худо,
И какое в свете чудо?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
За морем житье не худо;
В свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,
Град на острове стоит
С златоглавыми церквами,
С теремами да садами;
Ель растет перед дворцом,
А под ней хрустальный дом;
Белка там живет ручная,
Да затейница какая!
Белка песенки поет,
Да орешки всё грызет,
А орешки не простые,
Всё скорлупки золотые,
Ядра — чистый изумруд;
Слуги белку стерегут,
Служат ей прислугой разной —
И приставлен дьяк приказный
Строгий счет орехам весть;
Отдает ей войско честь;
Из скорлупок льют монету,
Да пускают в ход по свету;
Девки сыплют изумруд
В кладовые, да под спуд;
Все в том острове богаты,
Изоб нет, везде палаты;
А сидит в нем князь Гвидон;
Он прислал тебе поклон».

Царь Салтан дивится чуду.

«Если только жив я буду,
Чудный остров навещу,
У Гвидона погощу».

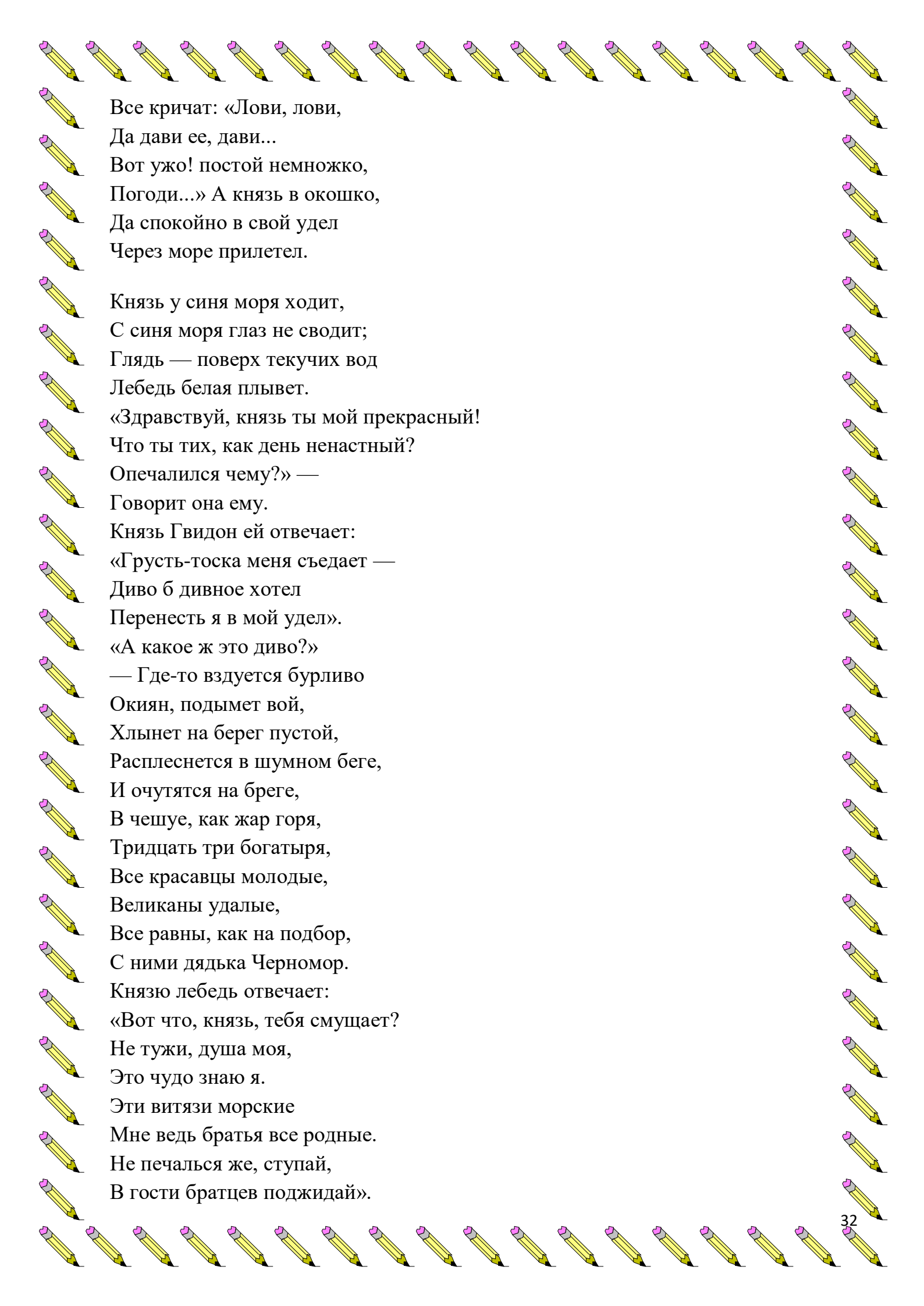
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Не хотят его пустить
Чудный остров навестить.

Усмехнувшись исподтиха,
Говорит царю ткачиха:
«Что тут дивного? ну, вот!
Белка камушки грызет,
Мечет золото и в груды
Загребает изумруды;
Этим нас не удивишь,
Правду ль, нет ли говоришь.

В свете есть иное диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Разольется в шумном беге,
И очутятся на бреге,
В чешуе, как жар горя,
Тридцать три богатыря,
Все красавцы удалые,
Великаны молодые,
Все равны, как на подбор,
С ними дядька Черномор.
Это диво, так уж диво,
Можно молвить справедливо!»

Гости умные молчат,
Спорить с нею не хотят.
Диву царь Салтан дивится,
А Гвидон-то злится, злится...

Зажужжал он и как раз
Тетке сел на левый глаз,
И ткачиха побледнела:
«Ай!» и тут же окривела;

Все кричат: «Лови, лови,
Да дави ее, дави...
Вот ужо! постой немножко,
Погоди...» А князь в окошко,
Да спокойно в свой удел
Через море прилетел.

Князь у синя моря ходит,
С синя моря глаз не сводит;
Глядь — поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.

«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что ты тих, как день ненастный?

Опечалился чему?» —
Говорит она ему.

Князь Гвидон ей отвечает:
«Грусть-тоска меня съедает —

Диво б дивное хотел
Перенести я в мой удел».

«А какое ж это диво?»

— Где-то вздуется бурливо
Окиян, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Расплеснется в шумном беге,
И очутятся на бреге,

В чешуе, как жар горя,

Тридцать три богатыря,

Все красавцы молодые,

Великаны удалые,

Все равны, как на подбор,

С ними дядька Черномор.

Князю лебедь отвечает:

«Вот что, князь, тебя смущает?

Не тужи, душа моя,

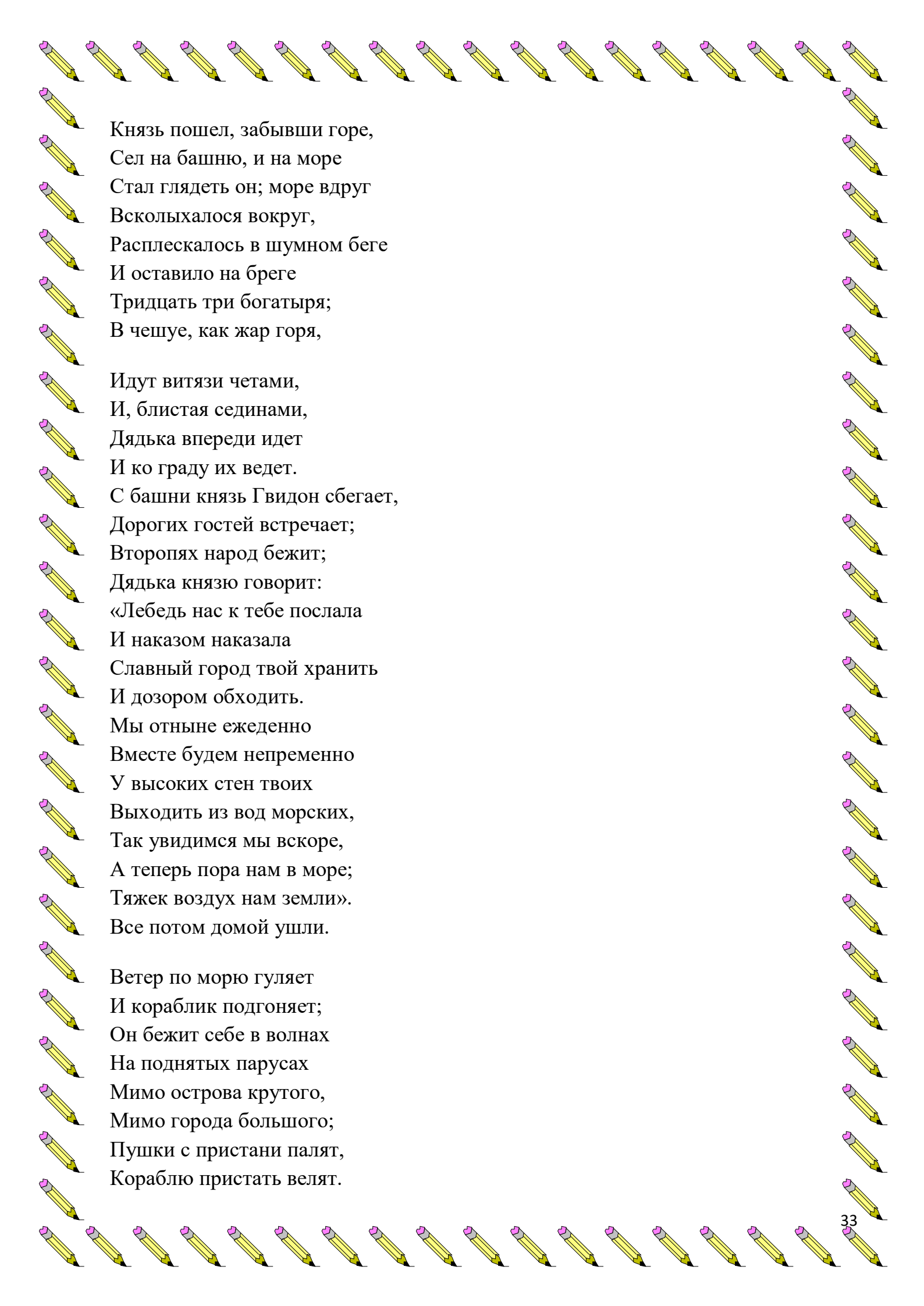
Это чудо знаю я.

Эти витязи морские

Мне ведь братья все родные.

Не печалься же, ступай,

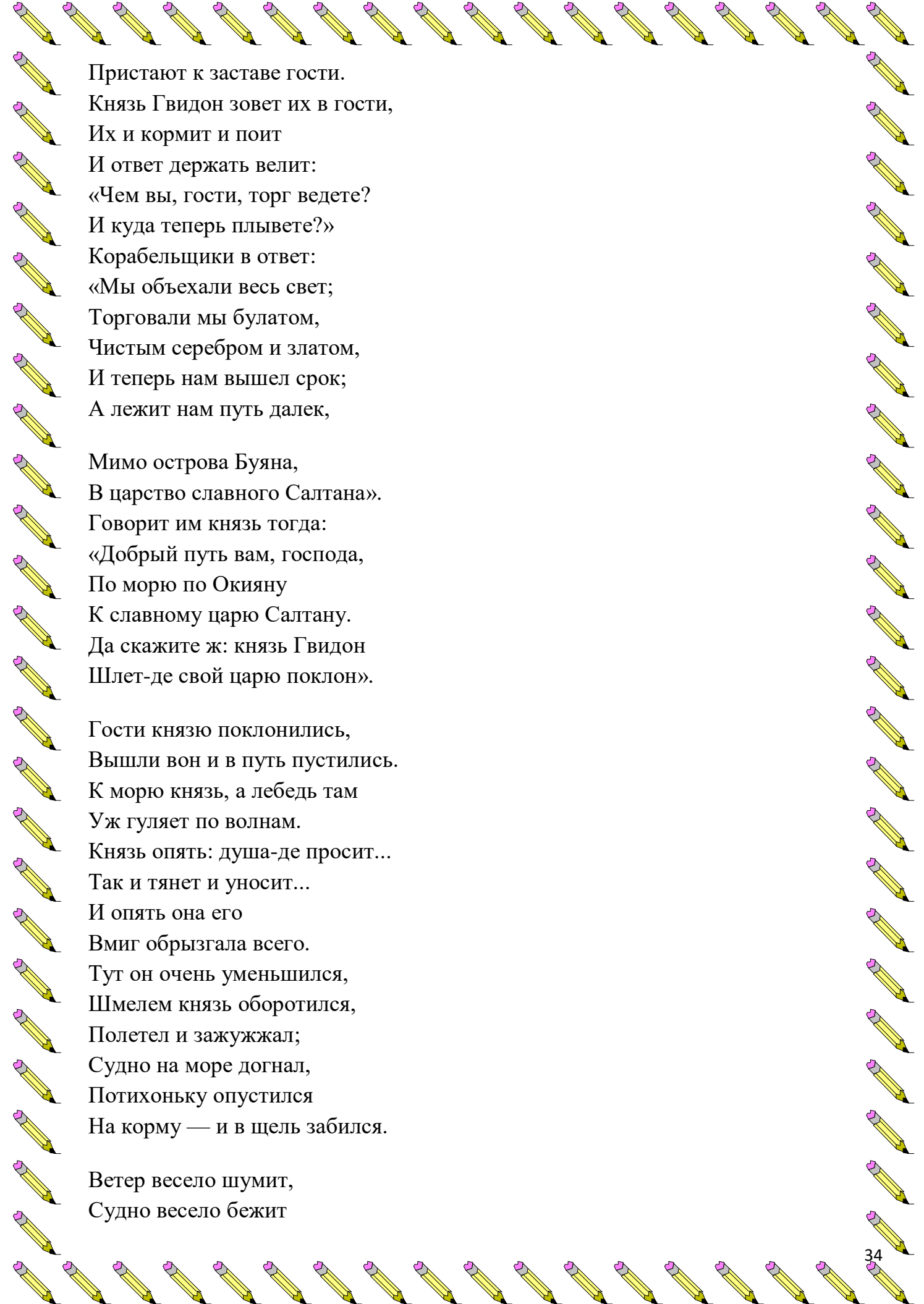
В гости братцев поджидай».

Князь пошел, забывши горе,
Сел на башню, и на море
Стал глядеть он; море вдруг
Всколыхалось вокруг,
Расплескалось в шумном беге
И оставило на бреге
Тридцать три богатыря;
В чешуе, как жар горя,

Идут витязи четами,
И, блистая сединами,
Дядька впереди идет
И ко граду их ведет.
С башни князь Гвидон сбегает,
Дорогих гостей встречает;
Второпях народ бежит;
Дядька князю говорит:
«Лебедь нас к тебе послала
И наказом наказала
Славный город твой хранить
И дозором обходить.
Мы отныне ежедневно
Вместе будем непременно
У высоких стен твоих
Выходить из вод морских,
Так увидимся мы вскоре,
А теперь пора нам в море;
Тяжек воздух нам земли».
Все потом домой ушли.

Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На поднятых парусах
Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.

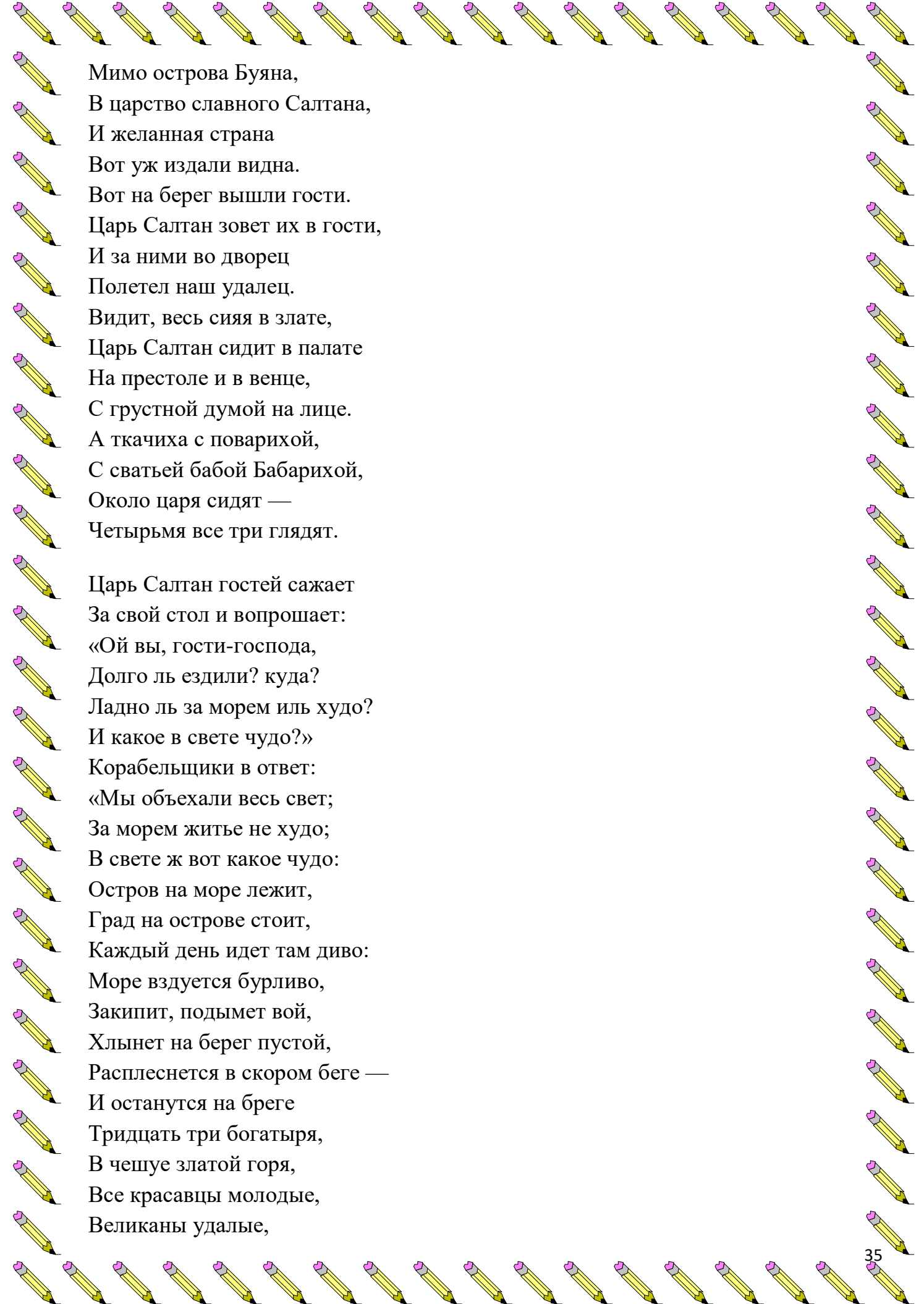

Пристают к заставе гости.
Князь Гвидон зовет их в гости,
Их и кормит и поит
И ответ держать велит:
«Чем вы, гости, торг ведете?
И куда теперь плывете?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
Торговали мы булатом,
Чистым серебром и золотом,
И теперь нам вышел срок;
А лежит нам путь далек,

Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана».
Говорит им князь тогда:
«Добрый путь вам, господа,
По морю по Окияну
К славному царю Салтану.
Да скажите ж: князь Гвидон
Шлет-де свой царю поклон».

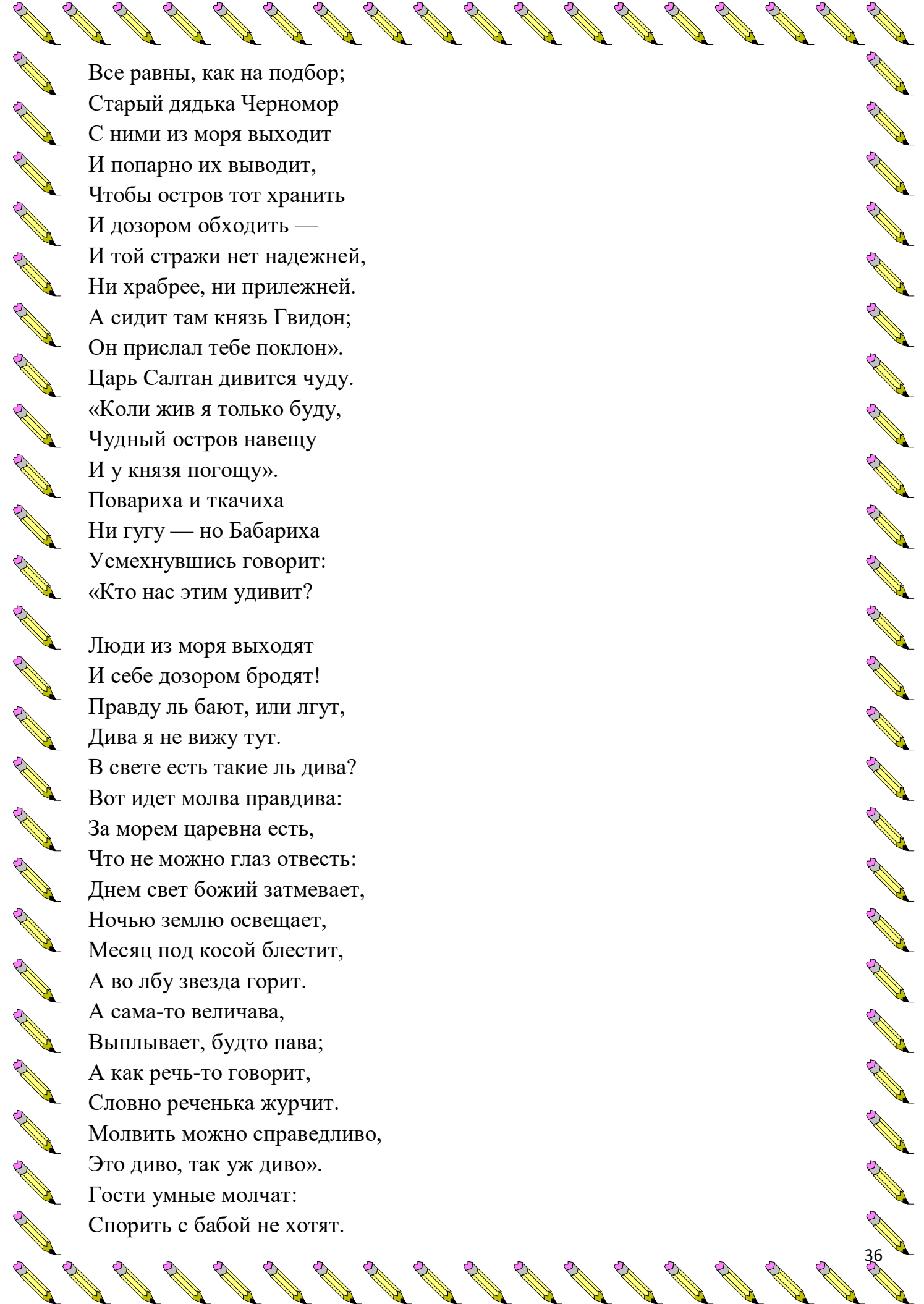
Гости князю поклонились,
Вышли вон и в путь пустились.
К морю князь, а лебедь там
Уж гуляет по волнам.
Князь опять: душа-де просит...
Так и тянет и уносит...
И опять она его
Вмиг обрызгала всего.
Тут он очень уменьшился,
Шмелем князь оборотился,
Полетел и зажужжал;
Судно на море догнал,
Потихоньку опустился
На корму — и в щель забился.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит

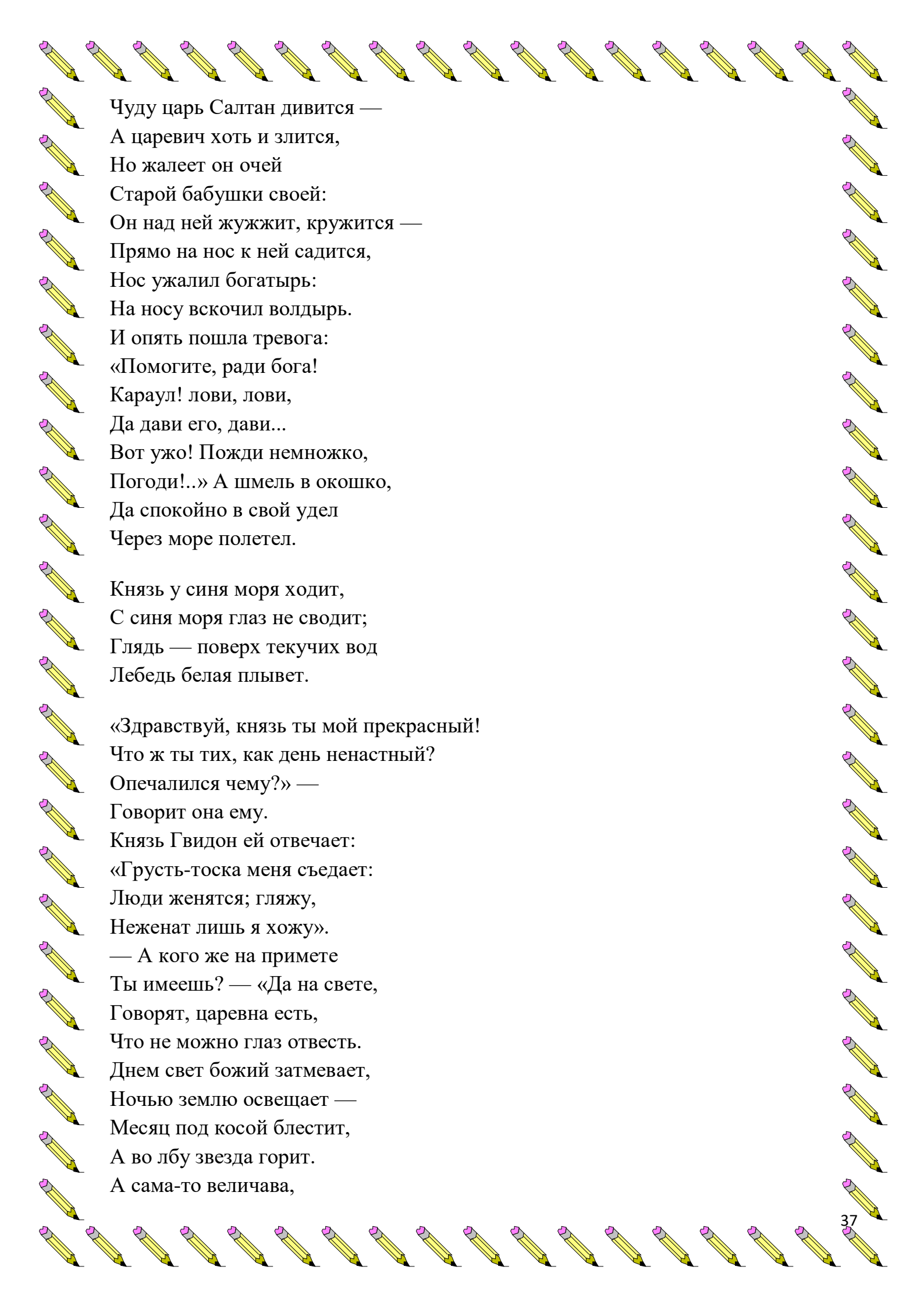
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана,
И желанная страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости.
Царь Салтан зовет их в гости,
И за ними во дворец
Полетел наш удалец.
Видит, весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце,
С грустной думой на лице.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Около царя сидят —
Четырьмя все три глядят.

Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
«Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем иль худо?
И какое в свете чудо?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
За морем житье не худо;
В свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,
Град на острове стоит,
Каждый день идет там диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Расплеснется в скором беге —
И останутся на берегу
Тридцать три богатыря,
В чешуе златой горя,
Все красавцы молодые,
Великаны удалые,

Все равны, как на подбор;
Старый дядька Черномор
С ними из моря выходит
И попарно их выводит,
Чтобы остров тот хранить
И дозором обходить —
И той стражи нет надежней,
Ни храбрее, ни прилежней.
А сидит там князь Гвидон;
Он прислал тебе поклон».
Царь Салтан дивится чуду.
«Коли жив я только буду,
Чудный остров навещу
И у князя погощу».
Повариха и ткачиха
Ни гугу — но Бабариха
Усмехнувшись говорит:
«Кто нас этим удивит?

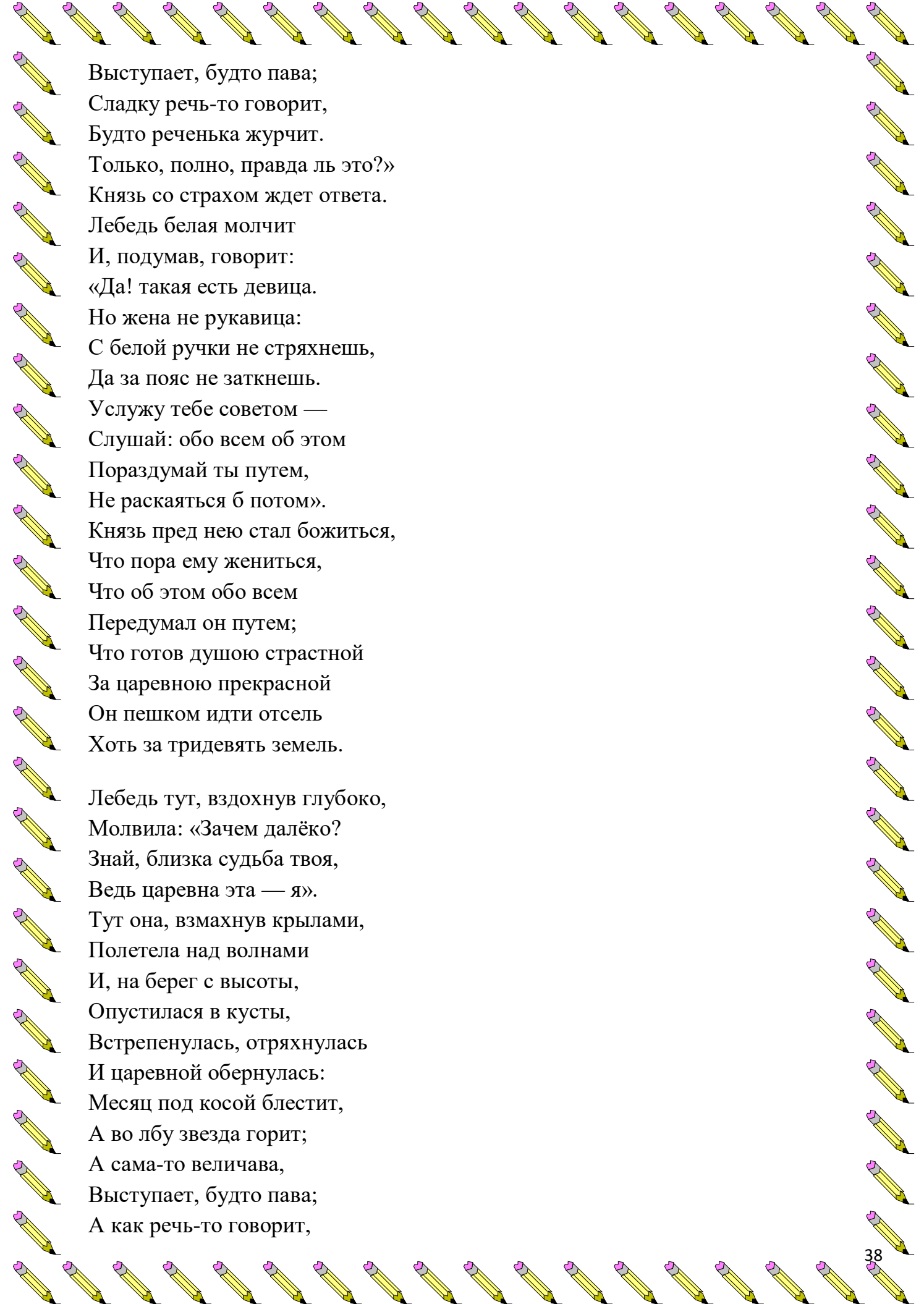
Люди из моря выходят
И себе дозором бродят!
Правду ль бают, или лгут,
Дива я не вижу тут.
В свете есть такие ль дива?
Вот идет молва правдива:
За морем царевна есть,
Что не можно глаз отвесть:
Днем свет божий затмевает,
Ночью землю освещает,
Месяц под косой блестит,
А во лбу звезда горит.
А сама-то величава,
Выплывает, будто пава;
А как речь-то говорит,
Словно реченька журчит.
Молвить можно справедливо,
Это диво, так уж диво».
Гости умные молчат:
Спорить с бабой не хотят.

Чуду царь Салтан дивится —
А царевич хоть и злится,
Но жалеет он очей
Старой бабушки своей:
Он над ней жужжит, кружится —
Прямо на нос к ней садится,
Нос ужалил богатырь:
На носу вскочил волдырь.
И опять пошла тревога:
«Помогите, ради бога!
Караул! лови, лови,
Да дави его, дави...
Вот ужо! Пожди немножко,
Погоди!..» А шмель в окошко,
Да спокойно в свой удел
Через море полетел.

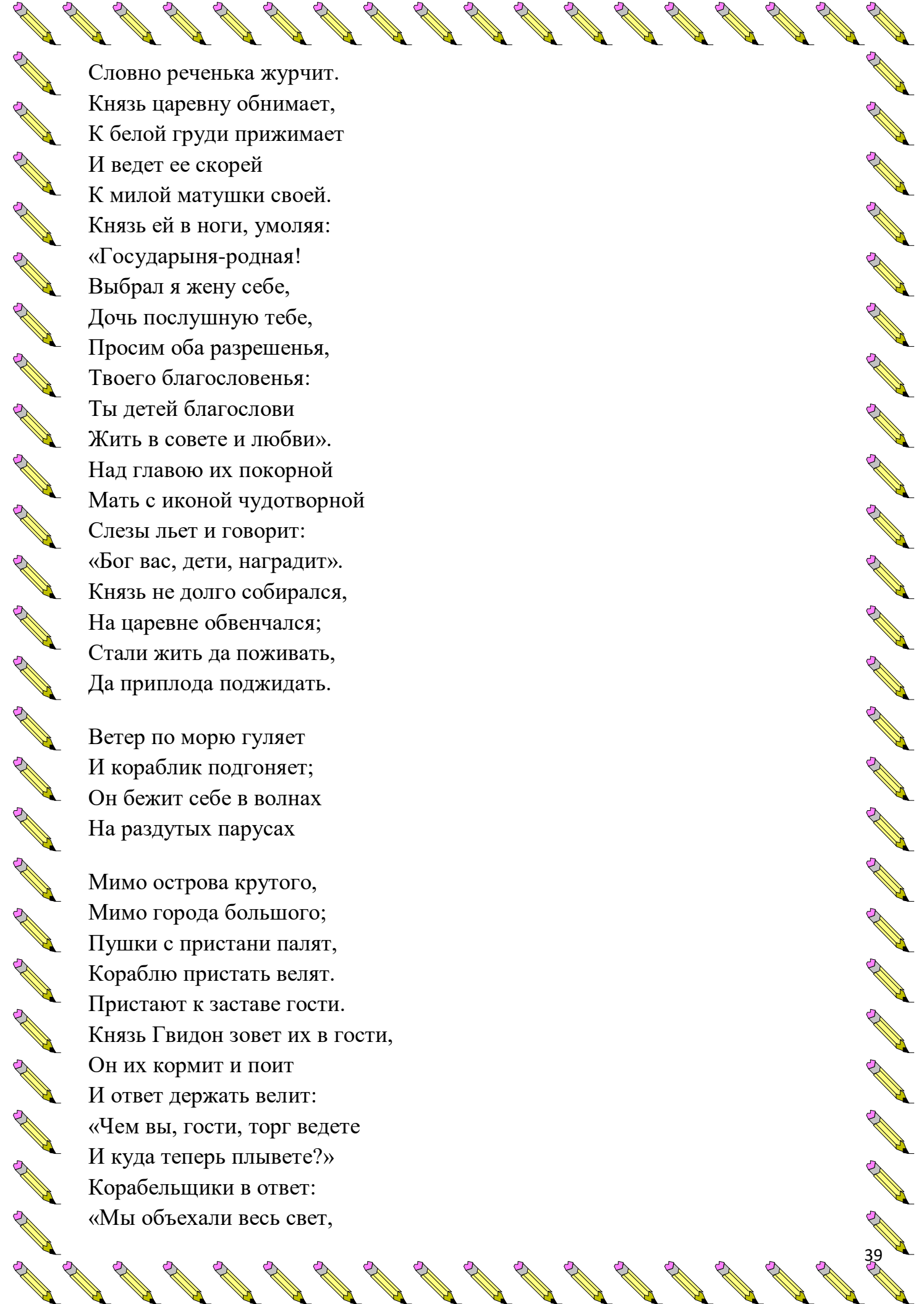
Князь у синя моря ходит,
С синя моря глаз не сводит;
Глядь — поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.

«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что ж ты тих, как день ненастный?
Опечалился чему?» —
Говорит она ему.
Князь Гвидон ей отвечает:
«Грусть-тоска меня съедает:
Люди женятся; гляжу,
Неженат лишь я хожу».
— А кого же на примете
Ты имеешь? — «Да на свете,
Говорят, царевна есть,
Что не можно глаз отвести.
Днем свет божий затмевает,
Ночью землю освещает —
Месяц под косою блестит,
А во лбу звезда горит.
А сама-то величава,

Выступает, будто пава;
Сладку речь-то говорит,
Будто реченька журчит.
Только, полно, правда ль это?»
Князь со страхом ждет ответа.
Лебедь белая молчит
И, подумав, говорит:
«Да! такая есть девица.
Но жена не рукавица:
С белой ручки не стряхнешь,
Да за пояс не заткнешь.
Услужу тебе советом —
Слушай: обо всем об этом
Пораздумай ты путем,
Не раскаяться б потом».
Князь пред нею стал божиться,
Что пора ему жениться,
Что об этом обо всем
Передумал он путем;
Что готов душою страстной
За царвною прекрасной
Он пешком идти отсель
Хоть за тридевять земель.

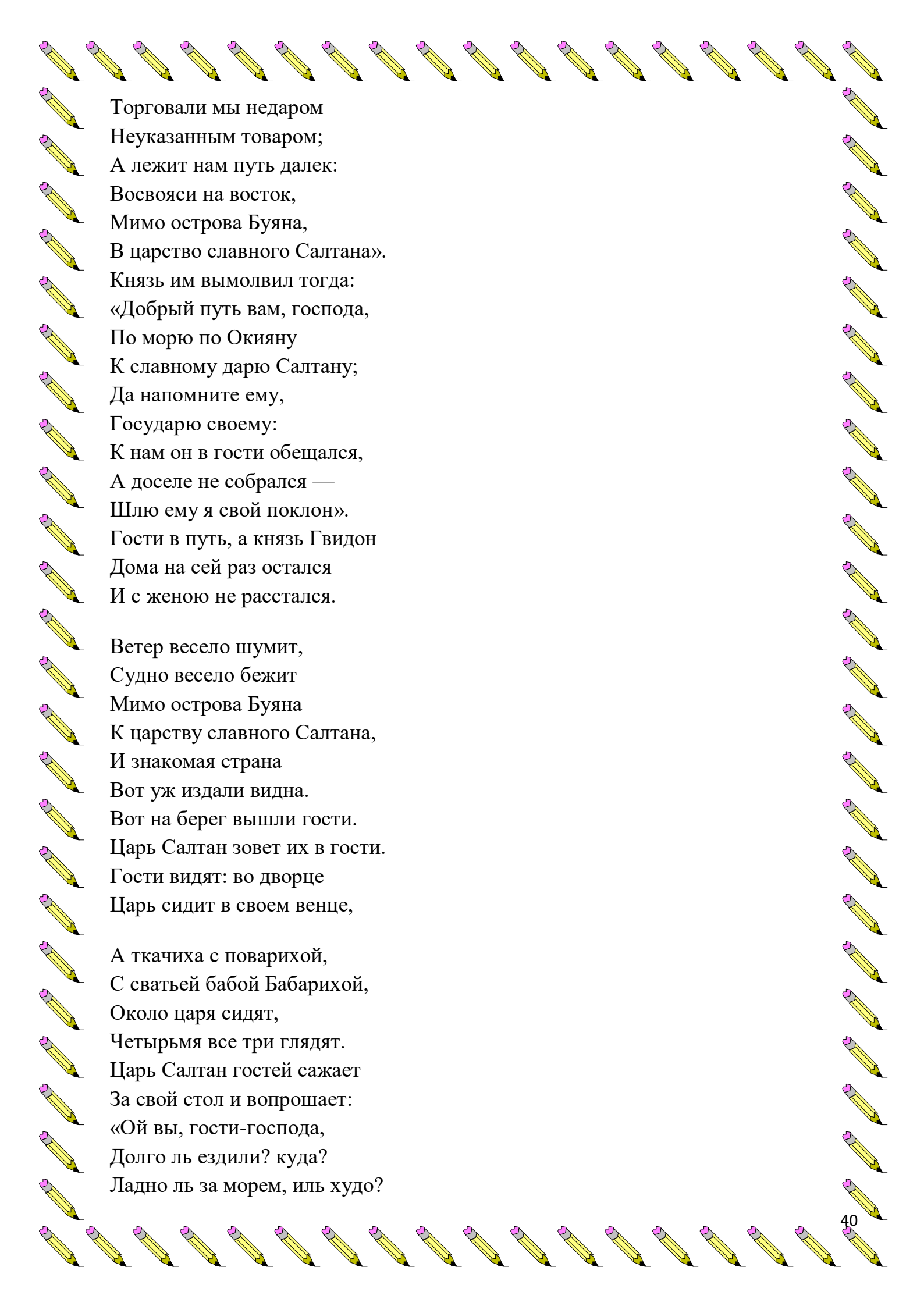
Лебедь тут, вздохнув глубоко,
Молвила: «Зачем далёко?
Знай, близка судьба твоя,
Ведь царвна эта — я».
Тут она, взмахнув крылами,
Полетела над волнами
И, на берег с высоты,
Опустилася в кусты,
Встрепенулася, отряхнулася
И царвною обернулася:
Месяц под косой блестит,
А во лбу звезда горит;
А сама-то величава,
Выступает, будто пава;
А как речь-то говорит,

Словно реченька журчит.
Князь царевну обнимает,
К белой груди прижимает
И ведет ее скорей
К милой матушки своей.
Князь ей в ноги, умоляя:
«Государыня-родная!
Выбрал я жену себе,
Дочь послушную тебе,
Просим оба разрешенья,
Твоего благословенья:
Ты детей благослови
Жить в совете и любви».
Над главою их покорной
Мать с иконой чудотворной
Слезы льет и говорит:
«Бог вас, дети, наградит».
Князь не долго собирался,
На царевне обвенчался;
Стали жить да поживать,
Да приплода поджидать.

Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах

Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости.
Князь Гвидон зовет их в гости,
Он их кормит и поит
И ответ держать велит:
«Чем вы, гости, торг ведете
И куда теперь плывете?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет,

Торговали мы недаром
Неуказанным товаром;
А лежит нам путь далек:
Восвояси на восток,
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана».
Князь им вымолвил тогда:
«Добрый путь вам, господа,
По морю по Окияну
К славному дарю Салтану;
Да напомните ему,
Государю своему:
К нам он в гости обещался,
А доселе не собрался —
Шлю ему я свой поклон».
Гости в путь, а князь Гвидон
Дома на сей раз остался
И с женою не расстался.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна
К царству славного Салтана,
И знакомая страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости.
Царь Салтан зовет их в гости.
Гости видят: во дворце
Царь сидит в своем венце,

А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Около царя сидят,
Четырьмя все три глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
«Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем, иль худо?

И какое в свете чудо?»

Корабельщики в ответ:

«Мы объехали весь свет;

За морем житье не худо,

В свете ж вот какое чудо:

Остров на море лежит,

Град на острове стоит,

С златоглавыми церквами,

С теремами и садами;

Ель растет перед дворцом,

А под ней хрустальный дом;

Белка в нем живет ручная,

Да чудесница какая!

Белка песенки поет

Да орешки всё грызет;

А орешки не простые,

Скорлупы-то золотые,

Ядра — чистый изумруд;

Белку холят, берегут.

Там еще другое диво:

Море вздуется бурливо,

Закипит, подымет вой,

Хлынет на берег пустой,

Расплеснется в скором беге,

И очутятся на бреге,

В чешуе, как жар горя,

Тридцать три богатыря,

Все красавцы удалые,

Великаны молодые,

Все равны, как на подбор —

С ними дядька Черномор.

И той стражи нет надежней,

Ни храбрее, ни прилежней.

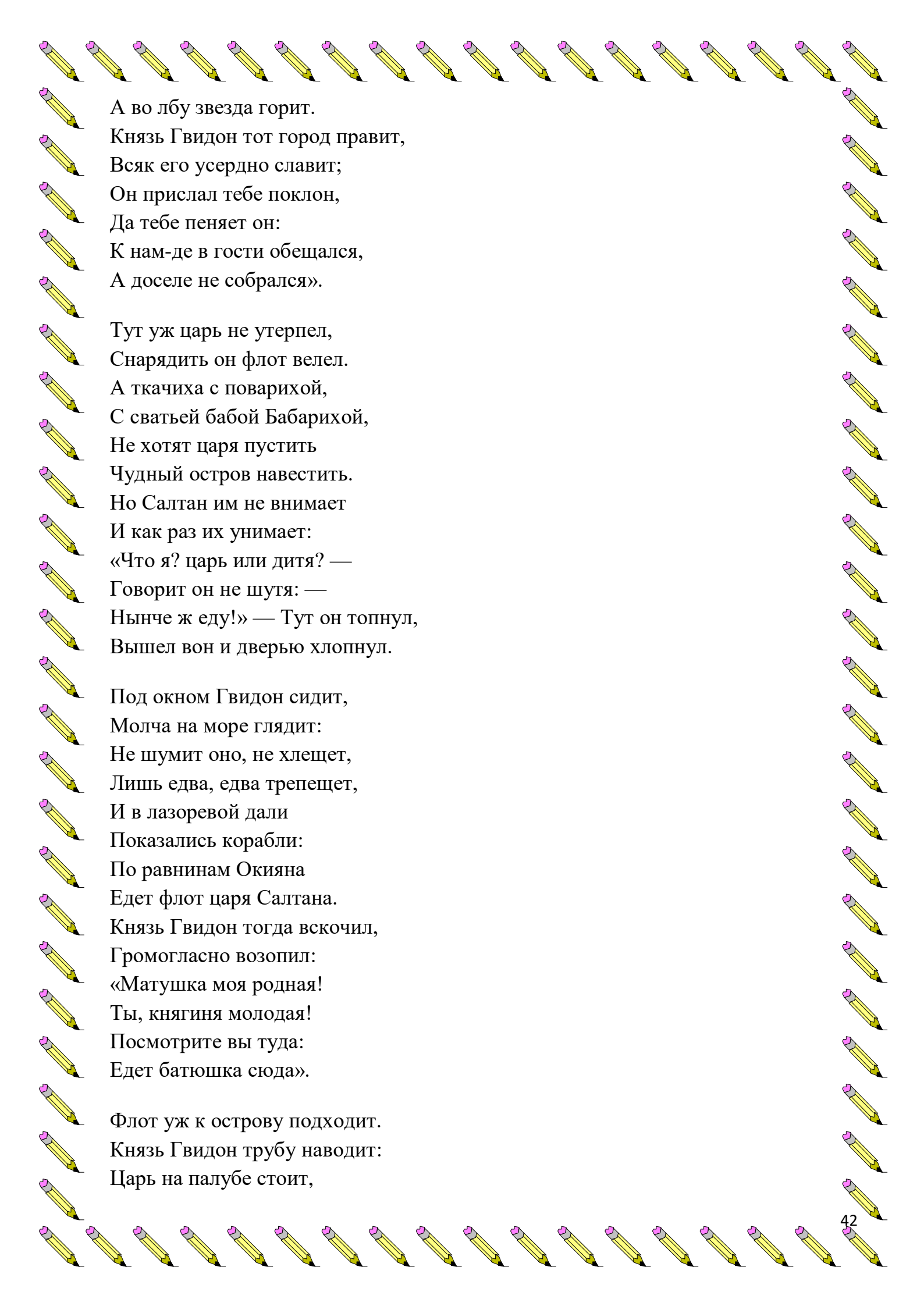
А у князя женка есть,

Что не можно глаз отвесть:

Днем свет божий затмевает,

Ночью землю освещает;

Месяц под косой блестит,

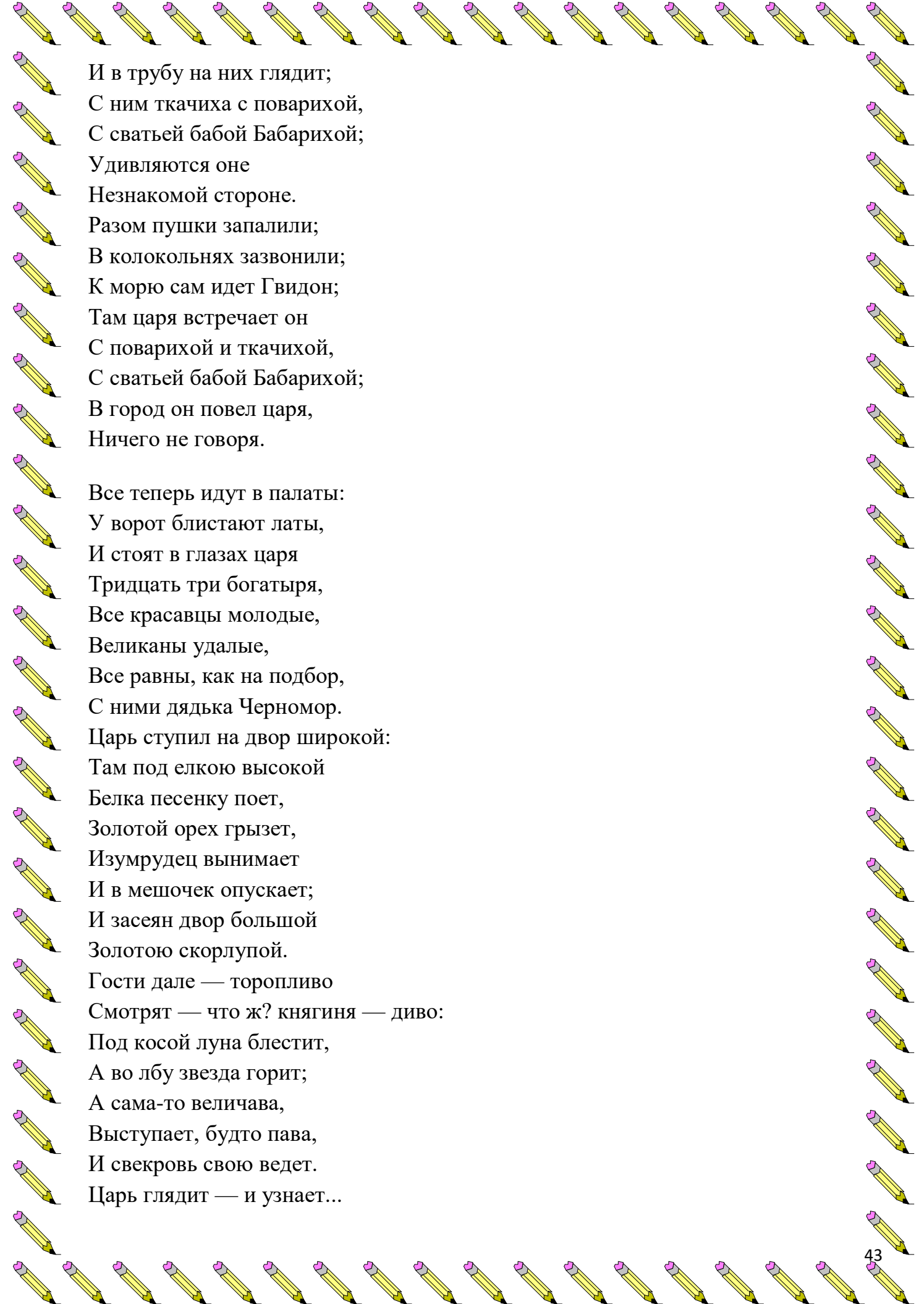

А во лбу звезда горит.
Князь Гвидон тот город правит,
Всяк его усердно славит;
Он прислал тебе поклон,
Да тебе пеняет он:
К нам-де в гости обещался,
А доселе не собрался».

Тут уж царь не утерпел,
Снарядить он флот велел.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Не хотят царя пустить
Чудный остров навестить.
Но Салтан им не внимает
И как раз их унимает:
«Что я? царь или дитя? —
Говорит он не шутя: —
Нынче ж еду!» — Тут он топнул,
Вышел вон и дверью хлопнул.

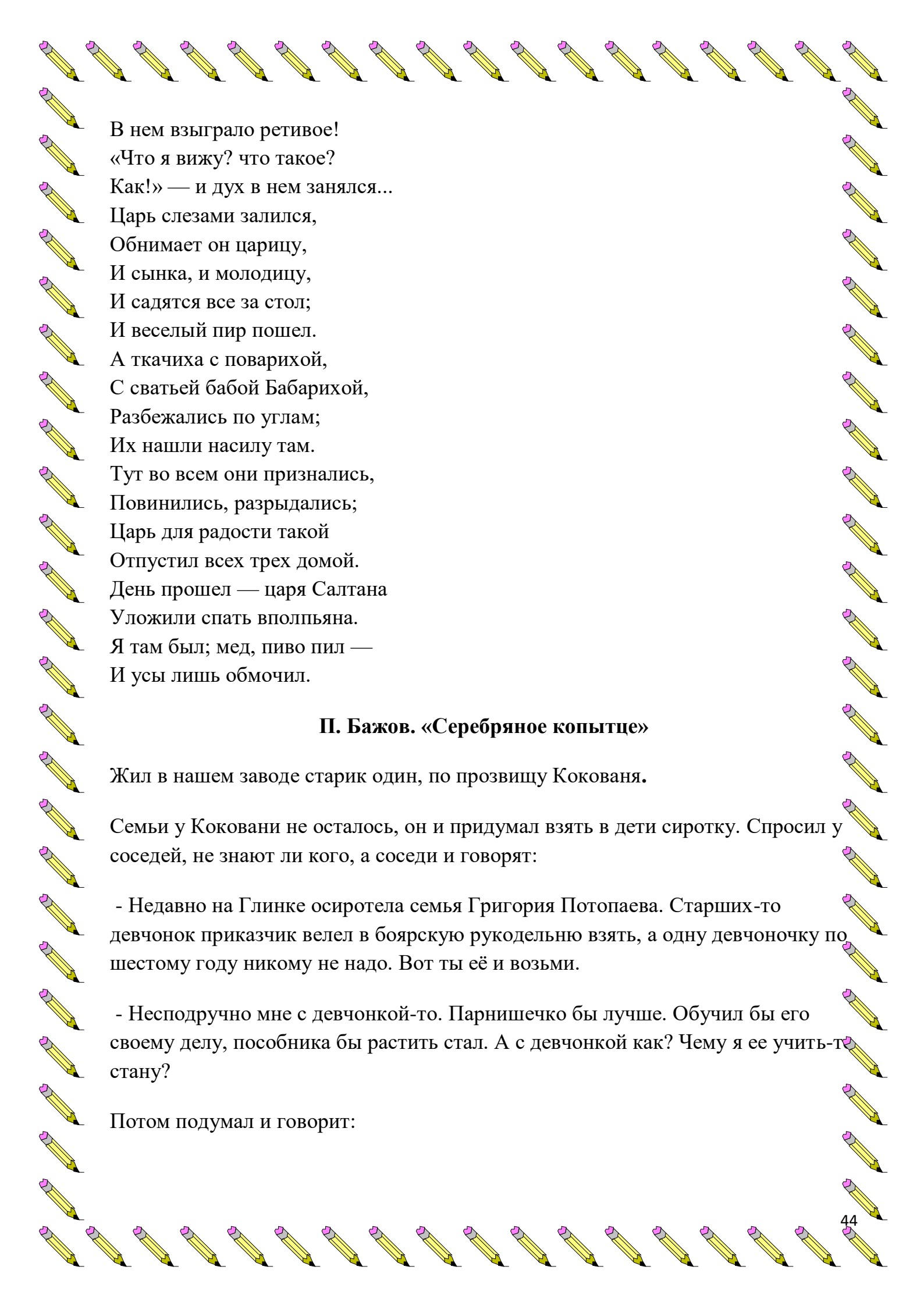
Под окном Гвидон сидит,
Молча на море глядит:
Не шумит оно, не хлещет,
Лишь едва, едва трепещет,
И в лазоревой дали
Показались корабли:
По равнинам Окияна
Едет флот царя Салтана.
Князь Гвидон тогда вскочил,
Громогласно возопил:
«Матушка моя родная!
Ты, княгиня молодая!
Посмотрите вы туда:
Едет батюшка сюда».

Флот уж к острову подходит.
Князь Гвидон трубу наводит:
Царь на палубе стоит,

И в трубу на них глядит;
С ним ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой;
Удивляются оне
Незнакомой стороне.
Разом пушки запалили;
В колокольнях зазвонили;
К морю сам идет Гвидон;
Там царя встречает он
С поварихой и ткачихой,
С сватьей бабой Бабарихой;
В город он повел царя,
Ничего не говоря.

Все теперь идут в палаты:
У ворот блистают латы,
И стоят в глазах царя
Тридцать три богатыря,
Все красавцы молодые,
Великаны удалые,
Все равны, как на подбор,
С ними дядька Черномор.
Царь ступил на двор широкой:
Там под елкою высокой
Белка песенку поет,
Золотой орех грызет,
Изумрудец вынимает
И в мешочек опускает;
И засеян двор большой
Золотою скорлупой.
Гости дале — торопливо
Смотрят — что ж? княгиня — диво:
Под косою луна блестит,
А во лбу звезда горит;
А сама-то величава,
Выступает, будто пава,
И свекровь свою ведет.
Царь глядит — и узнает...

В нем взыграло ретивое!
«Что я вижу? что такое?
Как!» — и дух в нем занялся...
Царь слезами залился,
Обнимает он царицу,
И сынка, и молодицу,
И садятся все за стол;
И веселый пир пошел.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Разбежались по углам;
Их нашли насилу там.
Тут во всем они признались,
Повинились, разрыдались;
Царь для радости такой
Отпустил всех трех домой.
День прошел — царя Салтана
Уложили спать вполпьяна.
Я там был; мед, пиво пил —
И усы лишь обмочил.

П. Бажов. «Серебряное копытце»

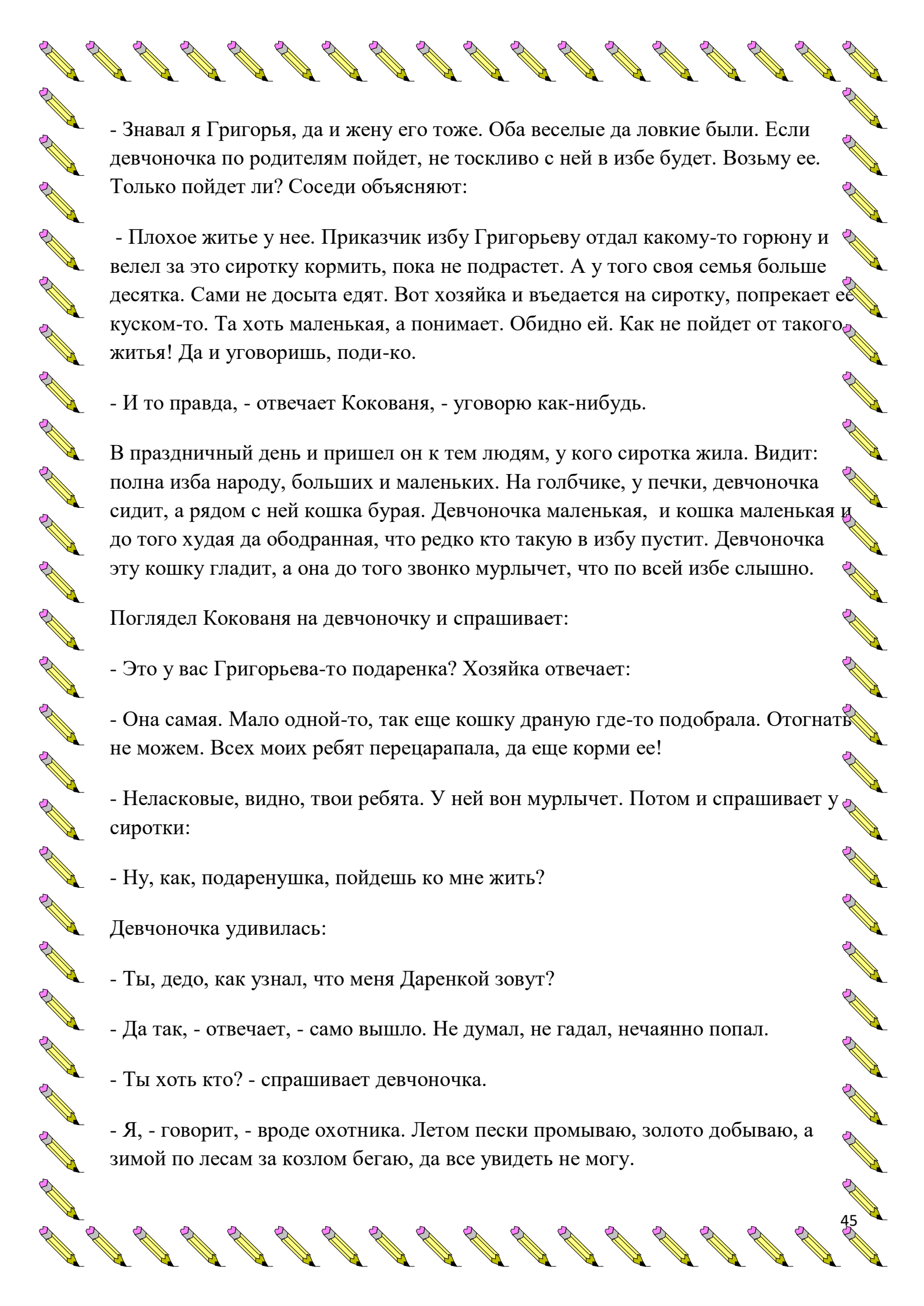
Жил в нашем заводе старик один, по прозвищу Кокованя.

Семьи у Коковани не осталось, он и придумал взять в дети сиротку. Спросил у соседей, не знают ли кого, а соседи и говорят:

- Недавно на Глинке осиротела семья Григория Потопаева. Старших-то девчонок приказчик велел в боярскую рукодельню взять, а одну девчоночку по шестому году никому не надо. Вот ты её и возьми.

- Несподручно мне с девчонкой-то. Парнишечко бы лучше. Обучил бы его своему делу, пособника бы растить стал. А с девчонкой как? Чему я ее учить-то стану?

Потом подумал и говорит:

- Знавал я Григорья, да и жену его тоже. Оба веселые да ловкие были. Если девчоночка по родителям пойдет, не тоскливо с ней в избе будет. Возьму ее. Только пойдет ли? Соседи объясняют:

- Плохое житье у нее. Приказчик избу Григорьеву отдал какому-то горюну и велел за это сиротку кормить, пока не подрастет. А у того своя семья больше десятка. Сами не досыта едят. Вот хозяйка и въедается на сиротку, попрекает ее куском-то. Та хоть маленькая, а понимает. Обидно ей. Как не пойдет от такого житья! Да и уговоришь, поди-ко.

- И то правда, - отвечает Кокованя, - уговорю как-нибудь.

В праздничный день и пришел он к тем людям, у кого сиротка жила. Видит: полна изба народу, больших и маленьких. На голбчике, у печки, девчоночка сидит, а рядом с ней кошка бурая. Девчоночка маленькая, и кошка маленькая и до того худая да ободранная, что редко кто такую в избу пустит. Девчоночка эту кошку гладит, а она до того звонко мурлычет, что по всей избе слышно.

Поглядел Кокованя на девчоночку и спрашивает:

- Это у вас Григорьева-то подаренка? Хозяйка отвечает:

- Она самая. Мало одной-то, так еще кошку драную где-то подобрала. Отогнать не можем. Всех моих ребят перецарапала, да еще корми ее!

- Неласковые, видно, твои ребята. У ней вон мурлычет. Потом и спрашивает у сиротки:

- Ну, как, подаренушка, пойдешь ко мне жить?

Девчоночка удивилась:

- Ты, дедо, как узнал, что меня Даренкой зовут?

- Да так, - отвечает, - само вышло. Не думал, не гадал, нечаянно попал.

- Ты хоть кто? - спрашивает девчоночка.

- Я, - говорит, - вроде охотника. Летом пески промываю, золото добываю, а зимой по лесам за козлом бегаю, да все увидеть не могу.

- Застрелишь его?

- Нет, - отвечает Кокованя. - Простых козлов стреляю, а этого не стану. Мне посмотреть охота, в котором месте он правой передней ножкой топнет.

- Тебе на что это?

- А вот пойдешь ко мне жить, так все и расскажу, - ответил Кокованя.

Девчоночке любопытно стало про козла-то узнать. И то видит - старик веселый да ласковый. Она и говорит:

- Пойду. Только ты эту кошку Муренку тоже возьми. Гляди, какая хорошая.

- Про это, - отвечает Кокованя, - что и говорить. Такую звонкую кошку не взять - дураком остаться. Вместо балалайки она у нас в избе будет.

Хозяйка слышит их разговор. Рада-радехонька, что Кокованя сиротку к себе зовет. Стала скорей Даренкины пожитки собирать. Боится, как бы старик не передумал.

Кошка будто тоже понимает весь разговор. Трется у ног-то да мурлычет:

- Пр-равильно придумал. Пр-равильно.

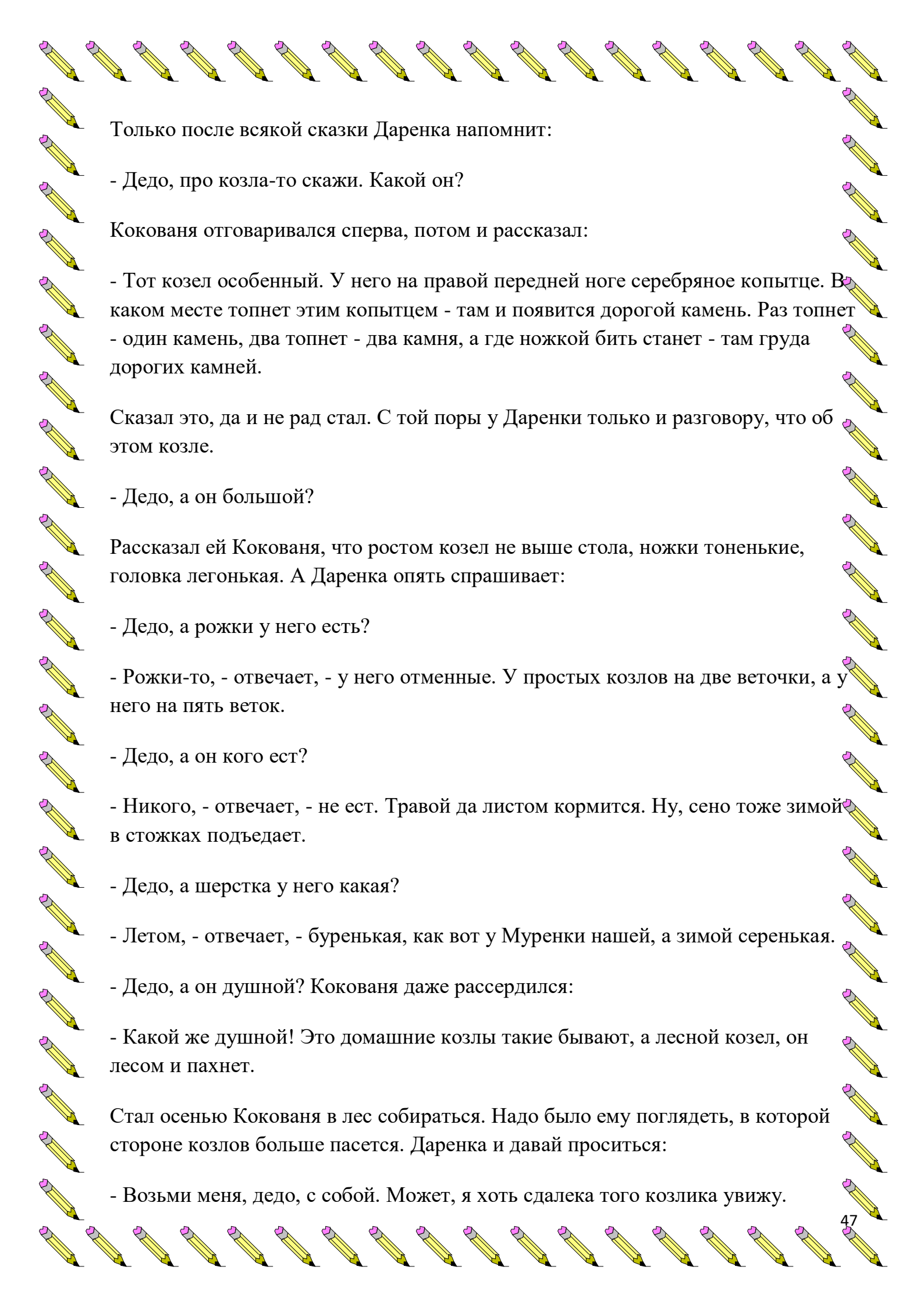
Вот и повел Кокованя сиротку к себе жить. Сам большой да бородатый, а она махонькая и носишко пуговкой. Идут по улице, а кошчонка ободранная за ним попрыгивает.

Так и стали жить вместе дед Кокованя, сиротка Даренка да кошка Муренка. Жили-поживали, добра много не наживали, а на житье не плакались, и у всякого дело было.

Кокованя с утра на работу уходил, Даренка в избе прибирала, похлебку да кашу варила, а кошка Муренка на охоту ходила - мышей ловила. К вечеру соберутся, и весело им.

Старик был мастер сказки сказывать, Даренка любила те сказки слушать, а кошка Муренка лежит да мурлычет:

- Пр-равильно говорит. Пр-равильно.

Только после всякой сказки Даренка напомним:

- Дедо, про козла-то скажи. Какой он?

Кокованя отговаривался сперва, потом и рассказал:

- Тот козел особенный. У него на правой передней ноге серебряное копытце. В каком месте топнет этим копытцем - там и появится дорогой камень. Раз топнет - один камень, два топнет - два камня, а где ножкой бить станет - там груды дорогих камней.

Сказал это, да и не рад стал. С той поры у Даренки только и разговору, что об этом козле.

- Дедо, а он большой?

Рассказал ей Кокованя, что ростом козел не выше стола, ножки тоненькие, головка легонькая. А Даренка опять спрашивает:

- Дедо, а рожки у него есть?

- Рожки-то, - отвечает, - у него отменные. У простых козлов на две веточки, а у него на пять веток.

- Дедо, а он кого ест?

- Никого, - отвечает, - не ест. Травой да листом кормится. Ну, сено тоже зимой в стожках подъедает.

- Дедо, а шерстка у него какая?

- Летом, - отвечает, - буренькая, как вот у Муренки нашей, а зимой серенькая.

- Дедо, а он душной? Кокованя даже рассердился:

- Какой же душной! Это домашние козлы такие бывают, а лесной козел, он лесом и пахнет.

Стал осенью Кокованя в лес собираться. Надо было ему поглядеть, в которой стороне козлов больше пасется. Даренка и давай проситься:

- Возьми меня, дедо, с собой. Может, я хоть сдалека того козлика увижу.

Кокованя и объясняет ей:

- Сдалека-то его не разглядишь. У всех козлов осенью рожки есть. Не разберешь, сколько на них веток. Зимой вот - дело другое. Простые козлы безрогие ходят, а этот, Серебряное копытце, всегда с рожками, хоть летом, хоть зимой. Тогда его сдалека признать можно.

Этим и отговорился. Осталась Даренка дома, а Кокованя в лес ушел.

Дней через пять воротился Кокованя домой, рассказывает Даренке:

- Ныне в Полдневской стороне много козлов пасется. Туда и пойду зимой.

- А как же, - спрашивает Даренка, - зимой-то в лесу ночевать станешь?

- Там, - отвечает, - у меня зимний балаган у покосных ложков поставлен. Хороший балаган, с очагом, с окошечком. Хорошо там.

Даренка опять спрашивает:

- Серебряное копытце в той же стороне пасется?

- Кто его знает. Может, и он там.

Даренка тут и давай проситься:

- Возьми меня, дедо, с собой. Я в балагане сидеть буду. Может, Серебряное копытце близко подойдет, - я и погляжу.

Старик сперва руками замахал:

- Что ты! Что ты! Статочное ли дело зимой по лесу маленькой девчонке ходить! На лыжах ведь надо, а ты не умеешь. Угрузнешь в снегу-то. Как я с тобой буду! Замерзнешь еще!

Только Даренка никак не отстает:

- Возьми, дедо! На лыжах-то я маленько умею.

Кокованя отговаривал-отговаривал, потом и подумал про себя:

"Сводить разве? Раз побывает, в другой не запросится".

Вот он и говорит:

- Ладно, возьму. Только, чур, в лесу не реветь и домой до времени не проситься.

Как зима в полную силу вошла, стали они в лес собираться.

Уложил Кокованя на ручные санки сухарей два мешка, припас охотничий и другое, что ему надо. Даренка тоже узелок себе навязала. Лоскуточков взяла кукле платье шить, ниток клубок, иголку да еще веревку.

"Нельзя ли, - думает, - этой веревкой Серебряное копытце поймать?"

Жаль Даренке кошку свою оставлять, да что поделаешь. Гладит кошку-то на прощанье, разговаривает с ней:

- Мы, Муренка, с дедом в лес пойдем, а ты дома сиди, мышей лови. Как увидим Серебряное копытце, так и воротимся. Я тебе тогда все расскажу.

Кошка лукаво посматривает, а сама мурлычет:

- Пр-равильно придумала. Пр-равильно.

Пошли Кокованя с Даренкой. Все соседи дивуются:

- Из ума выжил старик! Такую маленькую девчонку в лес зимой повел!

Как стали Кокованя с Даренкой из заводу выходить, слышат - собачонки что-то сильно забеспокоились. Такой лай да визг подняли, будто зверя на улицах увидали. Оглянулись, - а это Муренка серединой улицы бежит, от собак отбивается. Муренка к той поре поправилась. Большая да здоровая стала. Собачонки к ней и подступиться не смеют.

Хотела Даренка кошку поймать да домой унести, только где тебе! Добежала Муренка до лесу да и на сосну. Пойди, поймай!

Покричала Даренка, не могла кошку приманить. Что делать? Пошли дальше.

Глядят, - Муренка стороной бежит. Так и до балагана добралась.

Вот и стало их в балагане трое. Даренка хвалится:

- Веселее так-то. Кокованя поддакивает:

- Известно, веселее.

А кошка Муренка свернулась клубочком у печки и звонко мурлычет:

- Пр-равильно говоришь. Пр-равильно.

Козлов в ту зиму много было. Это простых-то. Кокованя каждый день то одного, то двух к балагану притаскивал. Шкурок у них накопилось, козлиного мяса насолили - на ручных санках не увезти. Надо бы в завод за лошадью сходить, да как Даренку с кошкой в лесу оставить! А Даренка попривыкла в лесу-то. Сама говорит старику:

- Дедо, сходил бы ты в завод за лошадью. Надо ведь солонину домой перевезти.

Кокованя даже удивился:

- Какая ты у меня разумница, Дарья Григорьевна! Как большая рассудила. Только забоишься, поди, одна-то.

- Чего, - отвечает, - бояться. Балаган у нас крепкий, волкам не добиться. И Муренка со мной. Не забоюсь. А ты поскорее ворочайся все-таки!

Ушел Кокованя. Осталась Даренка с Муренкой. Днем-то привычно было без Коковани сидеть, пока он козлов выслеживал... Как темнеть стало, запобаивалась. Только глядит - Муренка лежит спокойнехонько. Даренка и повеселела. Села к окошечку, смотрит в сторону покосных ложков и видит - по лесу какой-то комочек катится. Как ближе подкатился, разглядела - это козел бежит. Ножки тоненькие, головка легонькая, а на рожках по пяти веточек.

Выбежала Даренка поглядеть, а никого нет. Воротилась да и говорит:

- Видно, задремала я. Мне и показалось. Муренка мурлычет:

- Пр-равильно говоришь. Пр-равильно.

Легла Даренка рядом с кошкой да и уснула до утра. Другой день прошел. Не воротился Кокованя. Скучненько стало Даренке, а не плачет. Гладит Муренку да приговаривает:

- Не скучай, Муренушка! Завтра дедо непременно придет.

Муренка свою песенку поет:

- Пр-равильно говоришь. Пр-равильно.

Посидела опять Даренушка у окошка, полюбовалась на звезды. Хотела спать ложиться, вдруг по стенке топоток прошел. Испугалась Даренка, а топоток по другой стене, потом по той, где окошечко, потом - где дверка, а там и сверху запостукивало. Не громко, будто кто легонький да быстрый ходит. Даренка и думает: "Не козел ли тот вчерашний прибежал?"

И до того ей захотелось поглядеть, что и страх не держит. Отворила дверку, глядит, а козел - тут, вовсе близко. Правую переднюю ножку поднял - вот топнет, а на ней серебряное копытце блестит, и рожки у козла о пяти ветках. Даренка не знает, что ей делать, да и манит его как домашнего:

- Ме-ка! Ме-ка!

Козел на это как рассмеялся. Повернулся и побежал.

Пришла Даренушка в балаган, рассказывает Муренке:

- Поглядела я на Серебряное копытце. И рожки видела, и копытце видела. Не видела только, как тот козлик ножкой дорогие камни выбивает. Другой раз, видно, покажет.

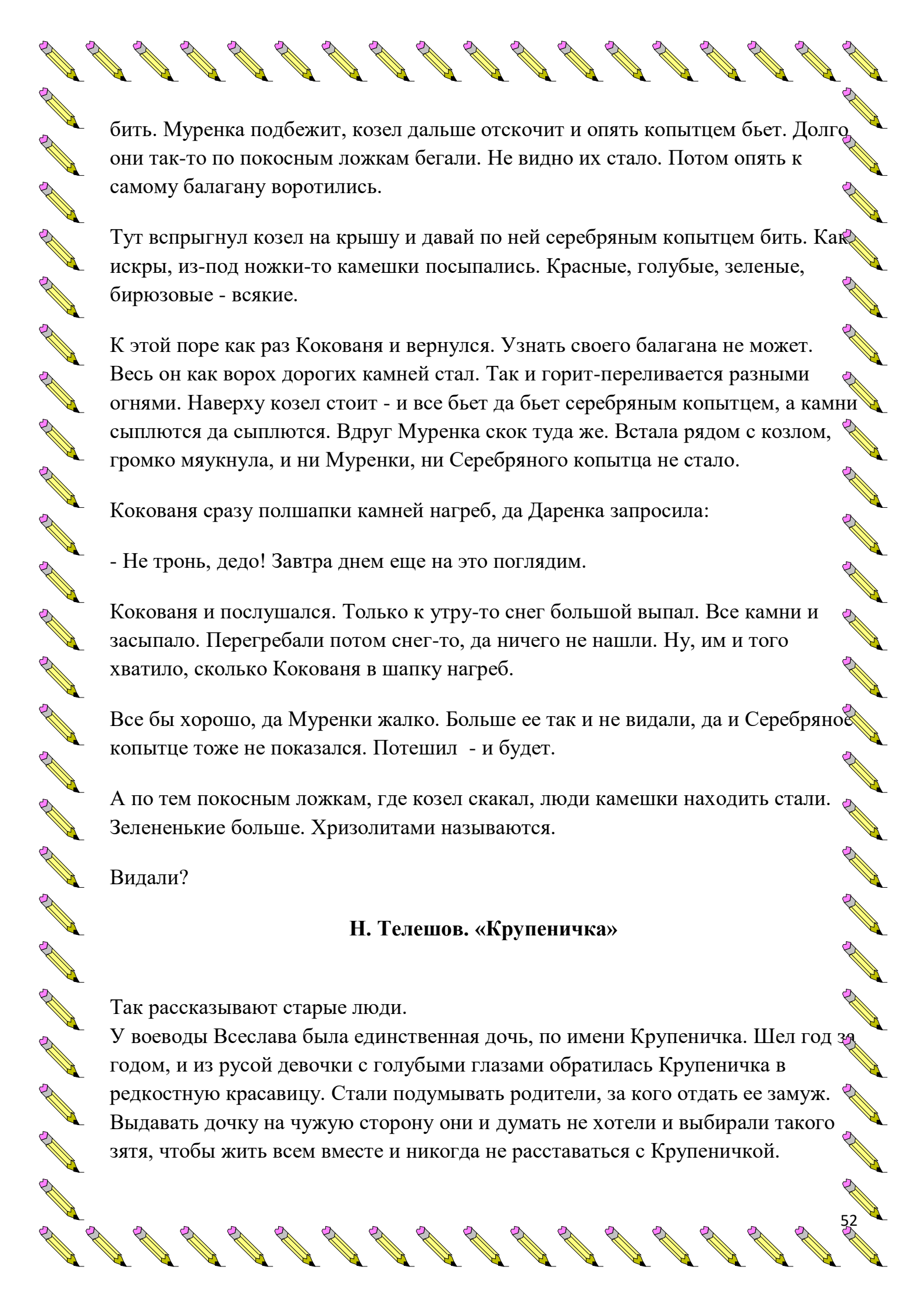
Муренка, знай, свою песенку поет:

- Пр-равильно говоришь. Пр-равильно.

Третий день прошел, а все Коковани нет. Вовсе затуманилась Даренка. Слезки запokaпывали. Хотела с Муренкой поговорить, а ее нету. Тут вовсе испугалась Даренушка, из балагана выбежала кошку искать.

Ночь месячная, светлая, далеко видно. Глядит Даренка - кошка близко на покосном ложке сидит, а перед ней козел. Стоит, ножку поднял, а на ней серебряное копытце блестит.

Муренка головой покачивает, и козел тоже. Будто разговаривают. Потом стали по покосным ложкам бегать. Бежит-бежит козел, остановится и давай копытце

бить. Муренка подбежит, козел дальше отскочит и опять копытцем бьет. Долго они так-то по покосным ложкам бегали. Не видно их стало. Потом опять к самому балагану воротились.

Тут вспрыгнул козел на крышу и давай по ней серебряным копытцем бить. Как искры, из-под ножки-то камешки посыпались. Красные, голубые, зеленые, бирюзовые - всякие.

К этой поре как раз Кокованя и вернулся. Узнать своего балагана не может. Весь он как ворох дорогих камней стал. Так и горит-переливается разными огнями. Наверху козел стоит - и все бьет да бьет серебряным копытцем, а камни сыплются да сыплются. Вдруг Муренка скок туда же. Встала рядом с козлом, громко мяукнула, и ни Муренки, ни Серебряного копытца не стало.

Кокованя сразу полшапки камней нагреб, да Даренка запросила:

- Не тронь, дедо! Завтра днем еще на это поглядим.

Кокованя и послушался. Только к утру-то снег большой выпал. Все камни и засыпало. Перегребали потом снег-то, да ничего не нашли. Ну, им и того хватило, сколько Кокованя в шапку нагреб.

Все бы хорошо, да Муренки жалко. Больше ее так и не видали, да и Серебряное копытце тоже не показался. Потешил - и будет.

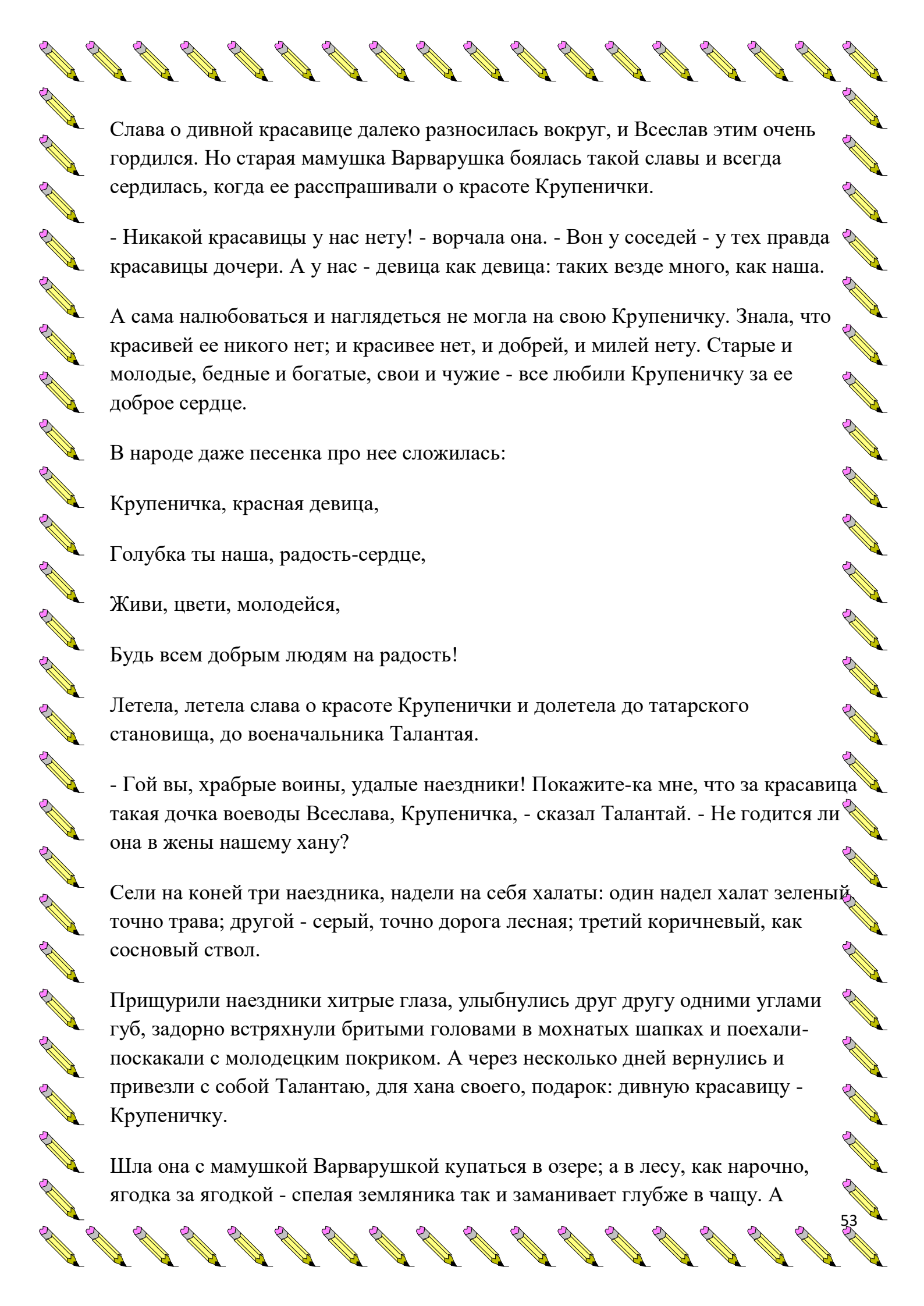
А по тем покосным ложкам, где козел скакал, люди камешки находить стали. Зелененькие больше. Хризолитами называются.

Видали?

Н. Телешов. «Крупеничка»

Так рассказывают старые люди.

У воеводы Всеслава была единственная дочь, по имени Крупеничка. Шел год за годом, и из русой девочки с голубыми глазами обратилась Крупеничка в редкостную красавицу. Стали подумывать родители, за кого отдать ее замуж. Выдавать дочку на чужую сторону они и думать не хотели и выбирали такого зятя, чтобы жить всем вместе и никогда не расставаться с Крупеничкой.

Слава о дивной красавице далеко разносилась вокруг, и Всеслав этим очень гордился. Но старая мамушка Варварушка боялась такой славы и всегда сердилась, когда ее расспрашивали о красоте Крупенички.

- Никакой красавицы у нас нету! - ворчала она. - Вон у соседей - у тех правда красавицы дочери. А у нас - девица как девица: таких везде много, как наша.

А сама налюбоваться и наглядеться не могла на свою Крупеничку. Знала, что красивей ее никого нет; и красивее нет, и добрей, и милей нету. Старые и молодые, бедные и богатые, свои и чужие - все любили Крупеничку за ее доброе сердце.

В народе даже песенка про нее сложилась:

Крупеничка, красная девица,

Голубка ты наша, радость-сердце,

Живи, цвети, молодейся,

Будь всем добрым людям на радость!

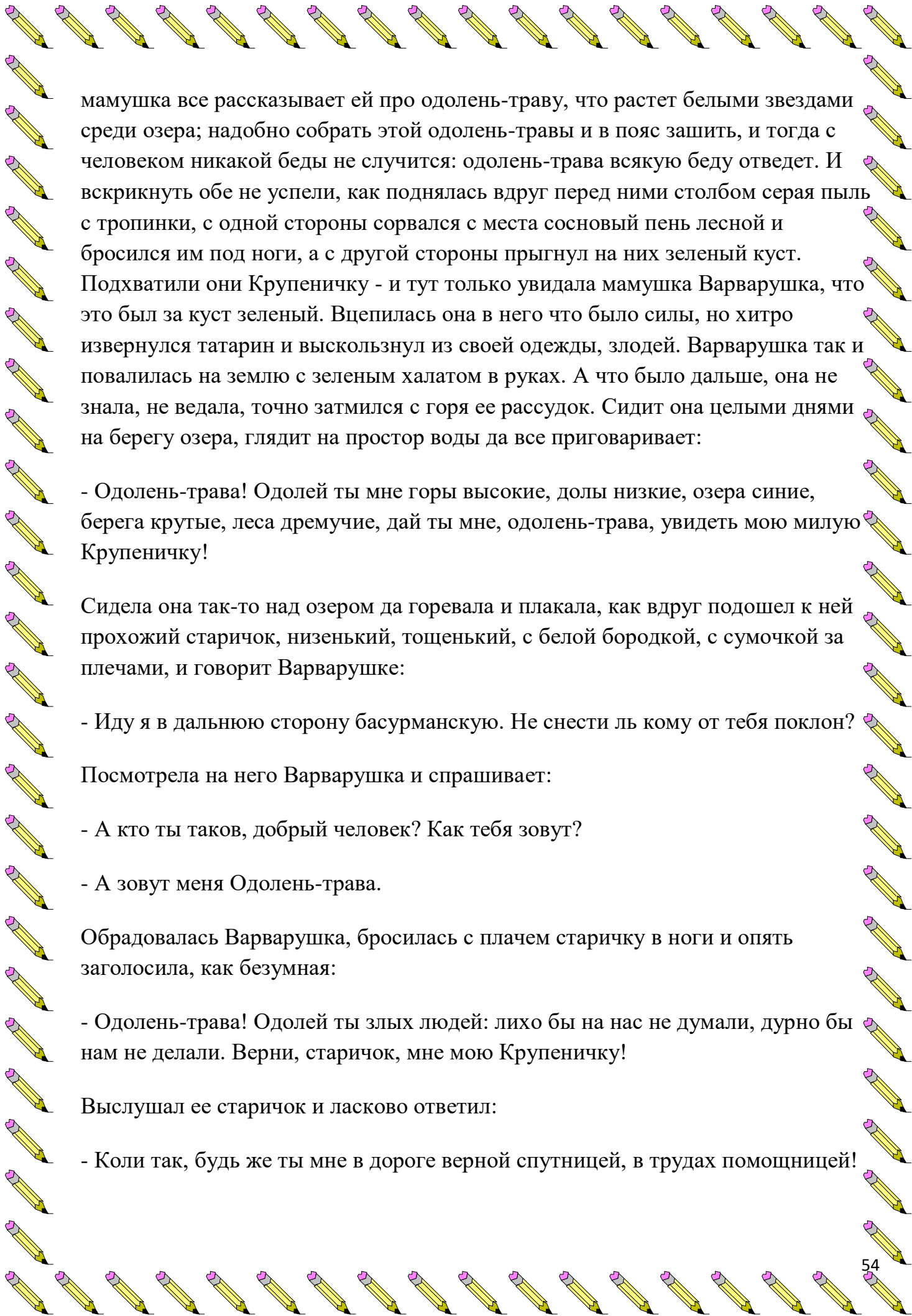
Летела, летела слава о красоте Крупенички и долетела до татарского становища, до военачальника Талантая.

- Гой вы, храбрые воины, удалые наездники! Покажите-ка мне, что за красавица такая дочка воеводы Всеслава, Крупеничка, - сказал Талантай. - Не годится ли она в жены нашему хану?

Сели на коней три наездника, надели на себя халаты: один надел халат зеленый, точно трава; другой - серый, точно дорога лесная; третий коричневый, как сосновый ствол.

Прищурили наездники хитрые глаза, улыбнулись друг другу одними углами губ, задорно встряхнули бритыми головами в мохнатых шапках и поехали-поскакали с молодецким покриком. А через несколько дней вернулись и привезли с собой Талантаю, для хана своего, подарок: дивную красавицу - Крупеничку.

Шла она с мамушкой Варварушкой купаться в озере; а в лесу, как нарочно, ягодка за ягодкой - спелая земляника так и заманивает глубже в чащу. А

мамушка все рассказывает ей про одолень-траву, что растёт белыми звездами среди озера; надобно собрать этой одолень-травы и в пояс зашить, и тогда с человеком никакой беды не случится: одолень-трава всякую беду отведет. И вскрикнуть обе не успели, как поднялась вдруг перед ними столбом серая пыль с тропинки, с одной стороны сорвался с места сосновый пенёк лесной и бросился им под ноги, а с другой стороны прыгнул на них зелёный куст. Подхватили они Крупеничку - и тут только увидела мамушка Варварушка, что это был за куст зелёный. Вцепилась она в него что было силы, но хитро извернулся татарин и выскользнул из своей одежды, злодей. Варварушка так и повалилась на землю с зелёным халатом в руках. А что было дальше, она не знала, не ведала, точно затмился с горя её рассудок. Сидит она целыми днями на берегу озера, глядит на простор воды да все приговаривает:

- Одолень-трава! Одолей ты мне горы высокие, доли низкие, озера синие, берега крутые, леса дремучие, дай ты мне, одолень-трава, увидеть мою милую Крупеничку!

Сидела она так-то над озером да горевала и плакала, как вдруг подошел к ней прохожий старичок, низенький, тощенький, с белой бородкой, с сумочкой за плечами, и говорит Варварушке:

- Иду я в дальнюю сторону басурманскую. Не снести ль кому от тебя поклон?

Посмотрела на него Варварушка и спрашивает:

- А кто ты таков, добрый человек? Как тебя зовут?

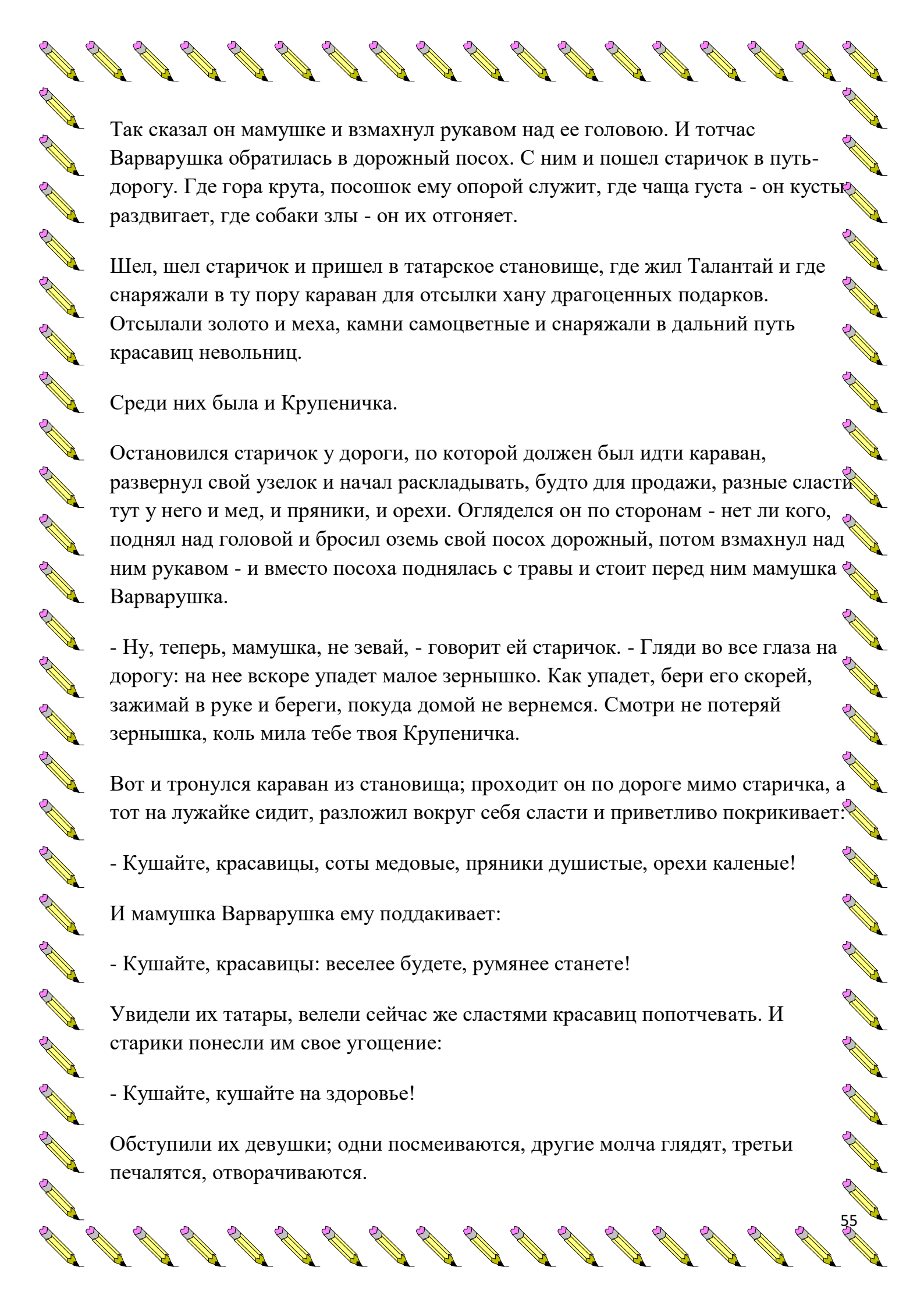
- А зовут меня Одолень-трава.

Обрадовалась Варварушка, бросилась с плачем старичку в ноги и опять заголосила, как безумная:

- Одолень-трава! Одолей ты злых людей: лихо бы на нас не думали, дурно бы нам не делали. Верни, старичок, мне мою Крупеничку!

Выслушал её старичок и ласково ответил:

- Коли так, будь же ты мне в дороге верной спутницей, в трудах помощницей!

Так сказал он мамушке и взмахнул рукавом над ее головою. И тотчас Варварушка обратилась в дорожный посох. С ним и пошел старичок в путь-дорогу. Где гора крута, посошок ему опорой служит, где чаща густа - он кусты раздвигает, где собаки злы - он их отгоняет.

Шел, шел старичок и пришел в татарское становище, где жил Талантай и где снаряжали в ту пору караван для отсылки хану драгоценных подарков. Отсылали золото и меха, камни самоцветные и снаряжали в дальний путь красавиц невольниц.

Среди них была и Крупеничка.

Остановился старичок у дороги, по которой должен был идти караван, развернул свой узелок и начал раскладывать, будто для продажи, разные сласти: тут у него и мед, и пряники, и орехи. Огляделся он по сторонам - нет ли кого, поднял над головой и бросил оземь свой посох дорожный, потом взмахнул над ним рукавом - и вместо посоха поднялась с травы и стоит перед ним мамушка Варварушка.

- Ну, теперь, мамушка, не зевай, - говорит ей старичок. - Гляди во все глаза на дорогу: на нее вскоре упадет малое зернышко. Как упадет, бери его скорей, зажимай в руке и береги, покуда домой не вернемся. Смотри не потеряй зернышка, коль мила тебе твоя Крупеничка.

Вот и тронулся караван из становища; проходит он по дороге мимо старичка, а тот на лужайке сидит, разложил вокруг себя сласти и приветливо покрикивает:

- Кушайте, красавицы, соты медовые, пряники душистые, орехи каленые!

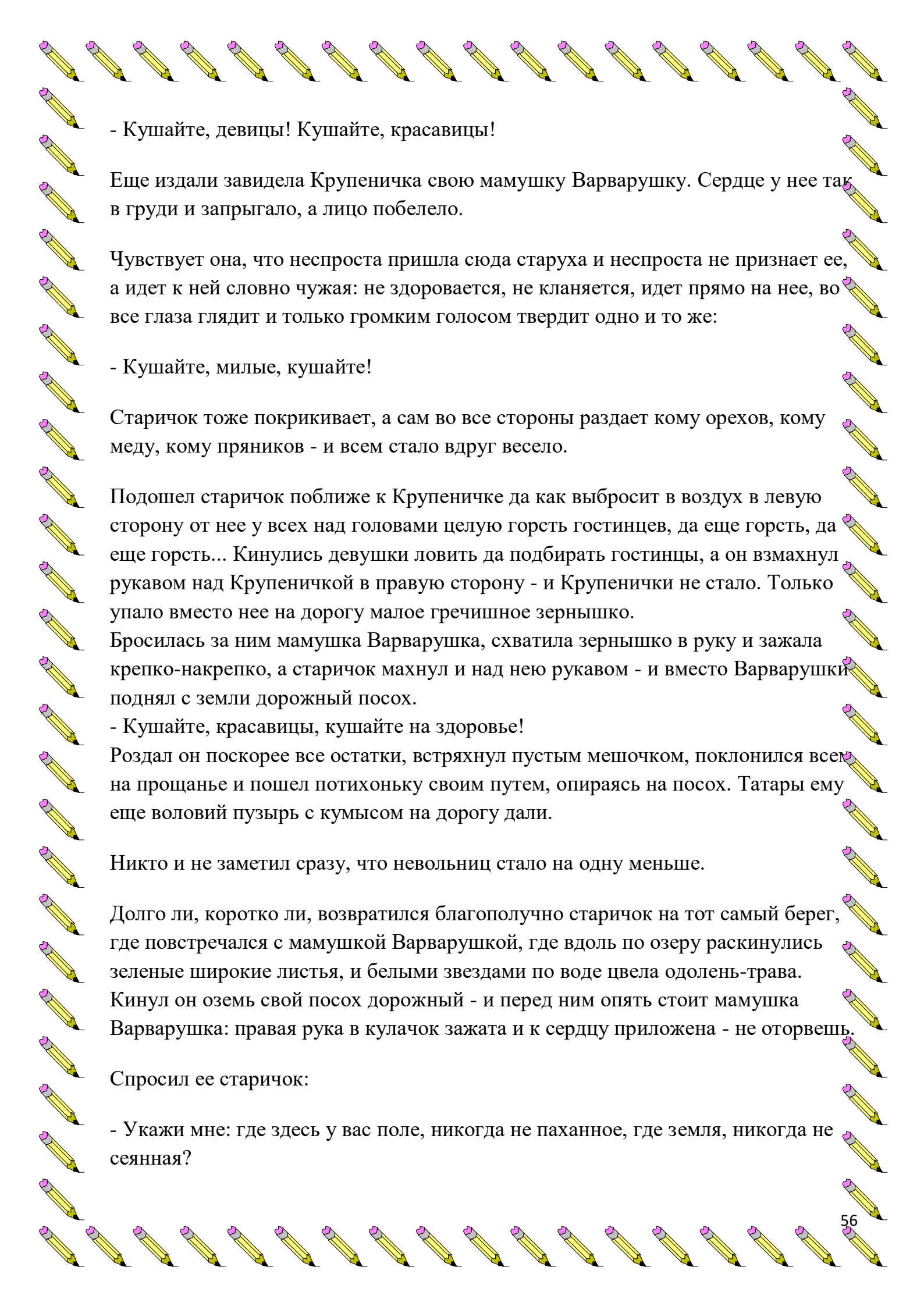
И мамушка Варварушка ему поддакивает:

- Кушайте, красавицы: веселее будете, румянее станете!

Увидели их татары, велели сейчас же сладостями красавиц попотчевать. И старики понесли им свое угощение:

- Кушайте, кушайте на здоровье!

Обступили их девушки; одни посмеиваются, другие молча глядят, третьи печалются, отворачиваются.

- Кушайте, девицы! Кушайте, красавицы!

Еще издали завидела Крупеничка свою мамушку Варварушку. Сердце у нее так в груди и запрыгало, а лицо побелело.

Чувствует она, что неспроста пришла сюда старуха и неспроста не признает ее, а идет к ней словно чужая: не здоровается, не кланяется, идет прямо на нее, во все глаза глядит и только громким голосом твердит одно и то же:

- Кушайте, милые, кушайте!

Старичок тоже покрикивает, а сам во все стороны раздает кому орехов, кому меду, кому пряников - и всем стало вдруг весело.

Подошел старичок поближе к Крупеничке да как выбросит в воздух в левую сторону от нее у всех над головами целую горсть гостинцев, да еще горсть, да еще горсть... Кинулись девушки ловить да подбирать гостинцы, а он взмахнул рукавом над Крупеничкой в правую сторону - и Крупенички не стало. Только упало вместо нее на дорогу малое гречишное зернышко.

Бросилась за ним мамушка Варварушка, схватила зернышко в руку и зажала крепко-накрепко, а старичок махнул и над нею рукавом - и вместо Варварушки поднял с земли дорожный посох.

- Кушайте, красавицы, кушайте на здоровье!

Раздал он поскорее все остатки, встряхнул пустым мешочком, поклонился всем на прощанье и пошел потихоньку своим путем, опираясь на посох. Татары ему еще воловий пузырь с кумысом на дорогу дали.

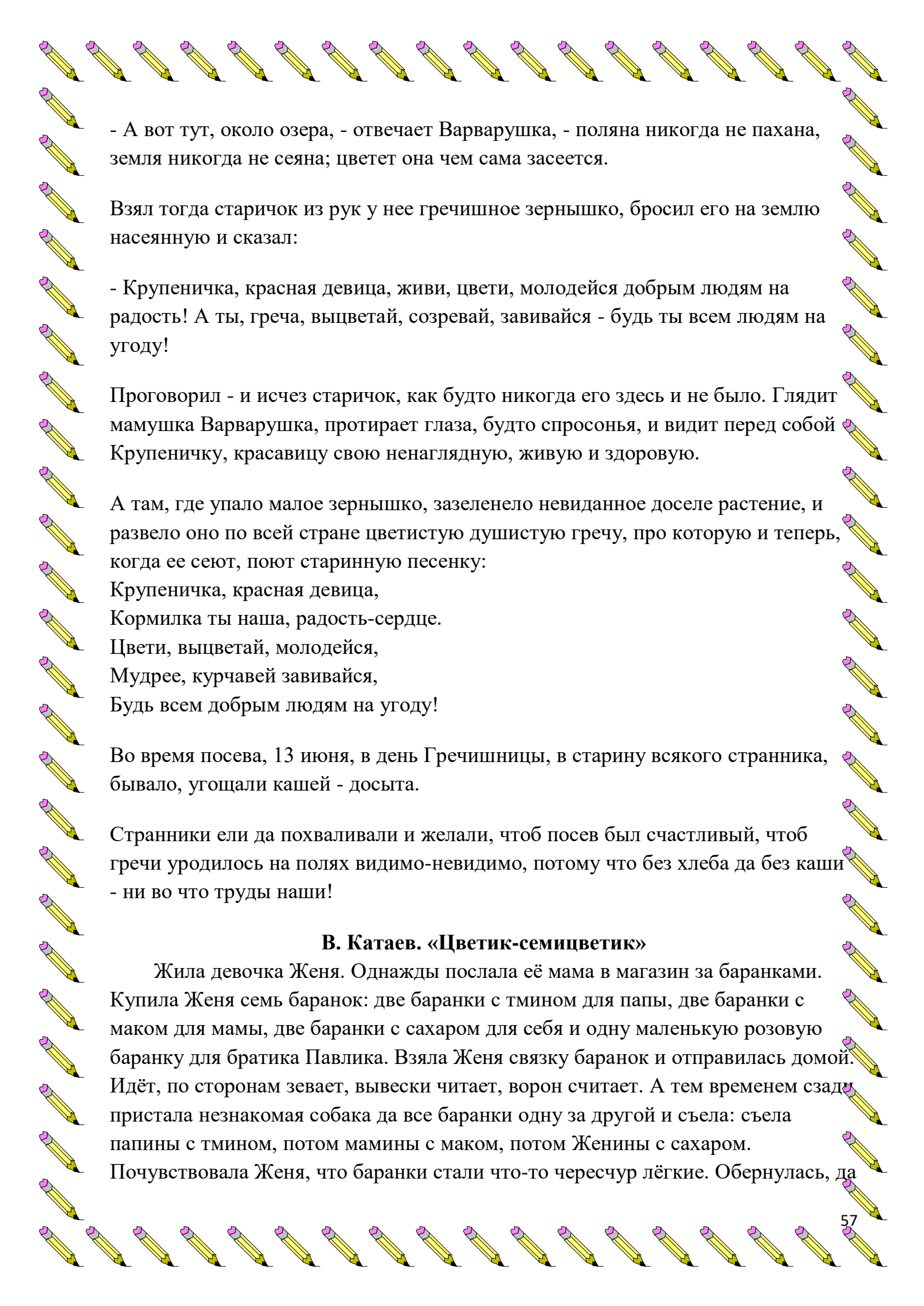
Никто и не заметил сразу, что невольниц стало на одну меньше.

Долго ли, коротко ли, возвратился благополучно старичок на тот самый берег, где повстречался с мамушкой Варварушкой, где вдоль по озеру раскинулись зеленые широкие листья, и белыми звездами по воде цвела одолень-трава.

Кинул он оземь свой посох дорожный - и перед ним опять стоит мамушка Варварушка: правая рука в кулачок зажата и к сердцу приложена - не оторвешь.

Спросил ее старичок:

- Укажи мне: где здесь у вас поле, никогда не паханное, где земля, никогда не сеянная?

- А вот тут, около озера, - отвечает Варварушка, - поляна никогда не пахана, земля никогда не сеяна; цветет она чем сама засеется.

Взял тогда старичок из рук у нее гречишное зернышко, бросил его на землю насеянную и сказал:

- Крупеничка, красная девица, живи, цвети, молодейся добрым людям на радость! А ты, греча, выцветай, созревай, завивайся - будь ты всем людям на угоду!

Проговорил - и исчез старичок, как будто никогда его здесь и не было. Глядит мамушка Варварушка, протирает глаза, будто спросонья, и видит перед собой Крупеничку, красавицу свою ненаглядную, живую и здоровую.

А там, где упало малое зернышко, зазеленело невиданное доселе растение, и развело оно по всей стране цветистую душистую гречу, про которую и теперь, когда ее сеют, поют старинную песенку:

Крупеничка, красная девица,
Кормилка ты наша, радость-сердце.

Цвети, выцветай, молодейся,

Мудрее, курчавей завивайся,

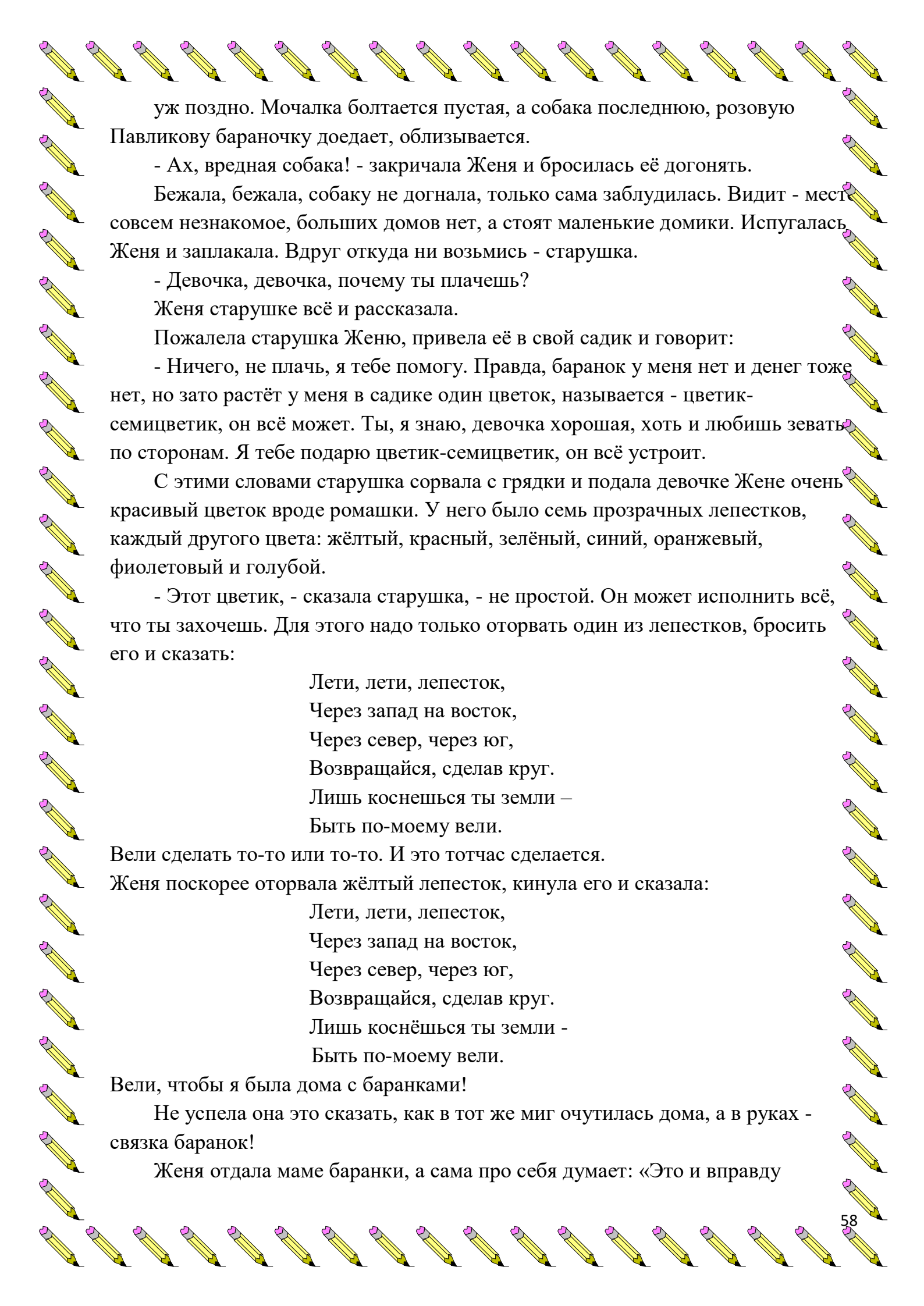
Будь всем добрым людям на угоду!

Во время посева, 13 июня, в день Гречишницы, в старину всякого странника, бывало, угощали кашей - досыта.

Странники ели да похваливали и желали, чтоб посев был счастливый, чтоб гречи уродилось на полях видимо-невидимо, потому что без хлеба да без каши - ни во что труды наши!

В. Катаев. «Цветик-семицветик»

Жила девочка Женя. Однажды послала её мама в магазин за баранками. Купила Женя семь баранок: две баранки с тмином для папы, две баранки с маком для мамы, две баранки с сахаром для себя и одну маленькую розовую баранку для братика Павлика. Взяла Женя связку баранок и отправилась домой. Идёт, по сторонам зеваёт, вывески читает, ворон считает. А тем временем сзади пристала незнакомая собака да все баранки одну за другой и съела: съела папины с тмином, потом мамины с маком, потом Женины с сахаром. Почувствовала Женя, что баранки стали что-то чересчур лёгкие. Обернулась, да

уж поздно. Мочалка болтается пустая, а собака последнюю, розовую Павликову бараночку доедает, облизывается.

- Ах, вредная собака! - закричала Женя и бросилась её догонять.

Бежала, бежала, собаку не догнала, только сама заблудилась. Видит - мест совсем незнакомое, больших домов нет, а стоят маленькие домики. Испугалась Женя и заплакала. Вдруг откуда ни возьмись - старушка.

- Девочка, девочка, почему ты плачешь?

Женя старушке всё и рассказала.

Пожалела старушка Женю, привела её в свой садик и говорит:

- Ничего, не плачь, я тебе помогу. Правда, баранок у меня нет и денег тоже нет, но зато растёт у меня в садике один цветок, называется - цветик-семицветик, он всё может. Ты, я знаю, девочка хорошая, хоть и любишь зевать по сторонам. Я тебе подарю цветик-семицветик, он всё устроит.

С этими словами старушка сорвала с грядки и подала девочке Жене очень красивый цветок вроде ромашки. У него было семь прозрачных лепестков, каждый другого цвета: жёлтый, красный, зелёный, синий, оранжевый, фиолетовый и голубой.

- Этот цветик, - сказала старушка, - не простой. Он может исполнить всё, что ты захочешь. Для этого надо только оторвать один из лепестков, бросить его и сказать:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснёшься ты земли –
Быть по-моему вели.

Вели сделать то-то или то-то. И это тотчас делается.

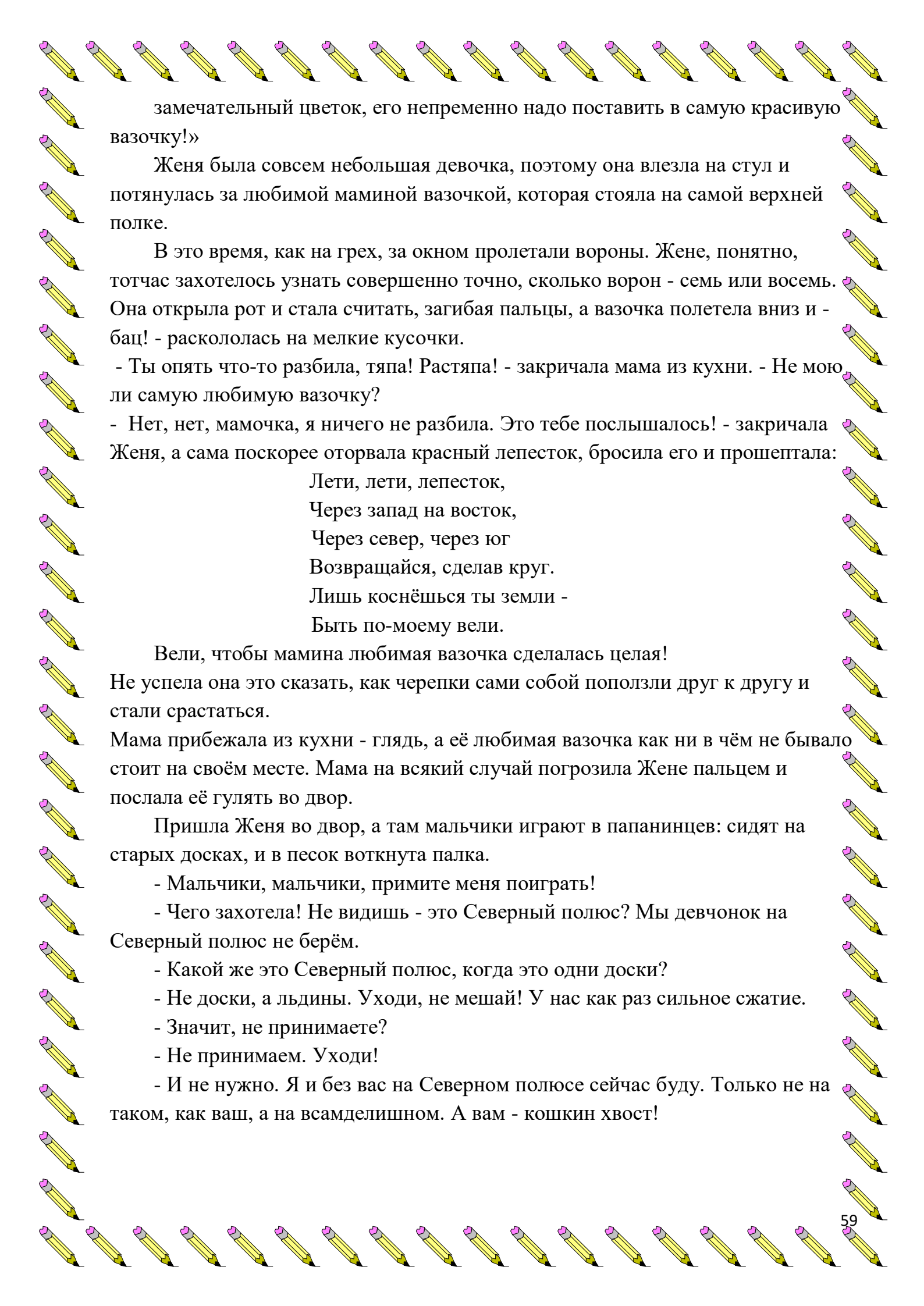
Женя поскорее оторвала жёлтый лепесток, кинула его и сказала:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснёшься ты земли -
Быть по-моему вели.

Вели, чтобы я была дома с баранками!

Не успела она это сказать, как в тот же миг очутилась дома, а в руках - связка баранок!

Женя отдала маме баранки, а сама про себя думает: «Это и вправду

замечательный цветок, его непременно надо поставить в самую красивую вазочку!»

Женя была совсем небольшая девочка, поэтому она влезла на стул и потянулась за любимой маминой вазочкой, которая стояла на самой верхней полке.

В это время, как на грех, за окном пролетали вороны. Жене, понятно, тотчас захотелось узнать совершенно точно, сколько ворон - семь или восемь. Она открыла рот и стала считать, загибая пальцы, а вазочка полетела вниз и - бац! - раскололась на мелкие кусочки.

- Ты опять что-то разбила, тяпа! Растяпа! - закричала мама из кухни. - Не мою ли самую любимую вазочку?

- Нет, нет, мамочка, я ничего не разбила. Это тебе послышалось! - закричала Женя, а сама поскорее оторвала красный лепесток, бросила его и прошептала:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснёшься ты земли -
Быть по-моему вели.

Вели, чтобы мамина любимая вазочка сделалась целая!

Не успела она это сказать, как черепки сами собой поползли друг к другу и стали срастаться.

Мама прибежала из кухни - глядь, а её любимая вазочка как ни в чём не бывало стоит на своём месте. Мама на всякий случай погрозила Жене пальцем и послала её гулять во двор.

Пришла Женя во двор, а там мальчики играют в папанинцев: сидят на старых досках, и в песок воткнута палка.

- Мальчики, мальчики, примите меня поиграть!

- Чего захотела! Не видишь - это Северный полюс? Мы девчонок на Северный полюс не берём.

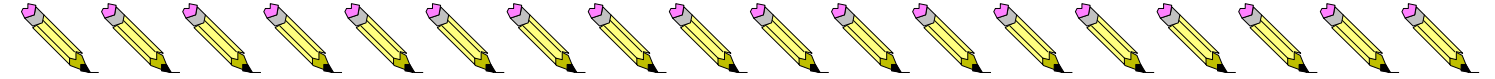
- Какой же это Северный полюс, когда это одни доски?

- Не доски, а льдины. Уходи, не мешай! У нас как раз сильное сжатие.

- Значит, не принимаете?

- Не принимаем. Уходи!

- И не нужно. Я и без вас на Северном полюсе сейчас буду. Только не на таком, как ваш, а на всамделишном. А вам - кошкин хвост!

Женя отошла в сторонку, под ворота, достала заветный цветик-семицветик, оторвала синий лепесток, кинула и сказала:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснёшься ты земли
Быть по-моему вели.

Вели, чтобы я сейчас же была на Северном полюсе!

Не успела она это сказать, как вдруг, откуда ни возьмись, налетел вихрь, солнце пропало, сделалась страшная ночь, земля закружилась под ногами, как волчок.

Женя, как была в летнем платьице с голыми ногами, одна-одинёшенька оказалась на Северном полюсе, а мороз там сто градусов!

- Ай, мамочка, замерзаю! - закричала Женя и стала плакать, но слёзы тут же превратились в сосульки и повисли на носу, как на водосточной трубе. А тем временем из-за льдины вышли семь белых медведей и прямёхонько к девочке, один другого страшней: первый - нервный, второй - злой, третий - в берете, четвёртый - потёртый, пятый - помятый, шестой - рябой, седьмой - самый большой.

Не помня себя от страха, Женя схватила обледеневшими пальчиками цветик-семицветик, вырвала зелёный лепесток, кинула и закричала что есть мочи.

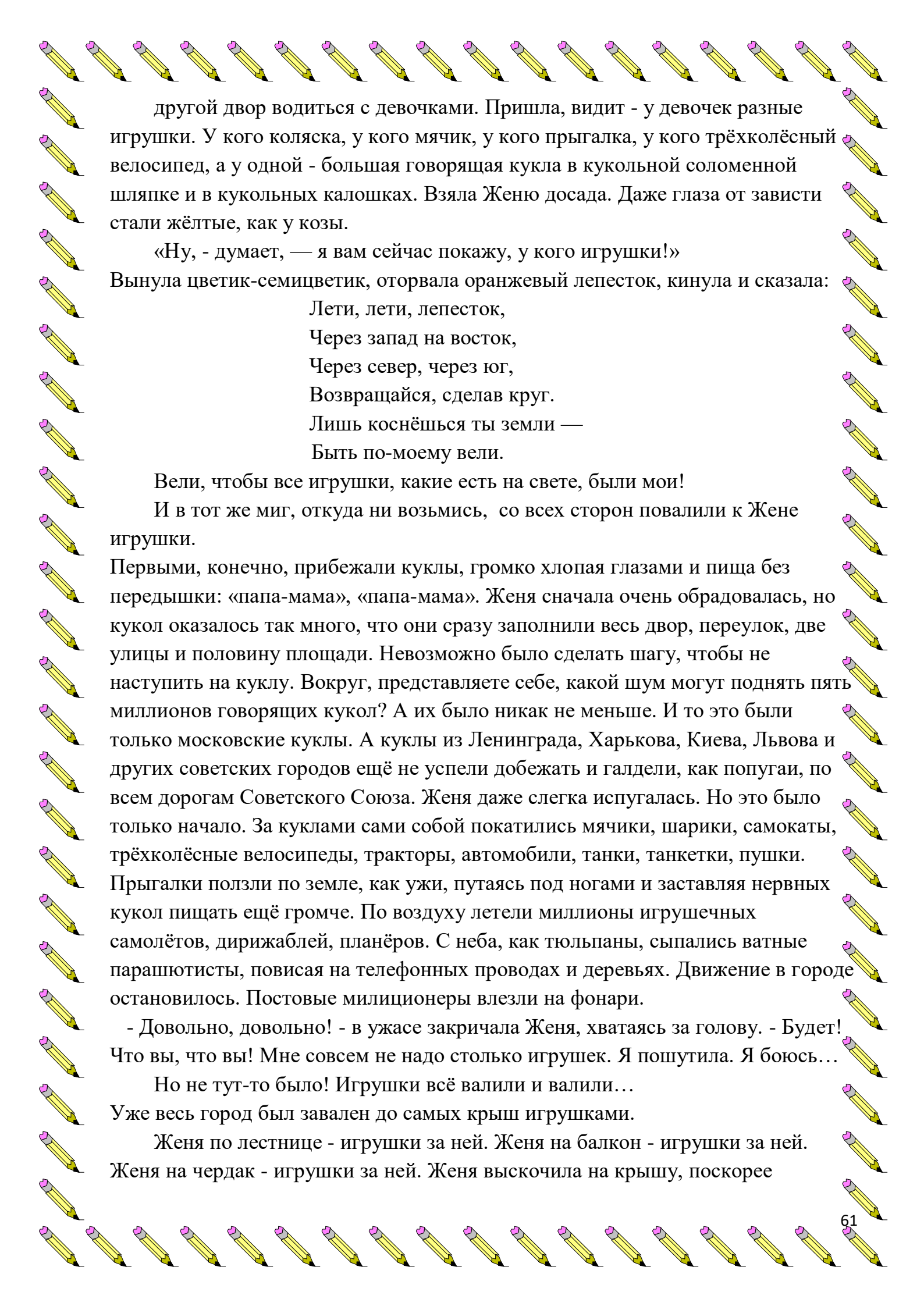
Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснёшься ты земли -
Быть по-моему вели.

Вели, чтоб я сейчас же очутилась опять на нашем дворе!

И в тот же миг она очутилась опять во дворе. А мальчики на неё смотрят и смеются:

- Ну и где же твой Северный полюс?
- Я там была.
- Мы не видели. Докажи!
- Смотрите - у меня ещё висит сосулька.
- Это не сосулька, а кошкин хвост! Что, взяла?

Женя обиделась и решила больше с мальчишками не водиться, а пошла на

другой двор водиться с девочками. Пришла, видит - у девочек разные игрушки. У кого коляска, у кого мячик, у кого прыгалка, у кого трёхколёсный велосипед, а у одной - большая говорящая кукла в кукольной соломенной шляпке и в кукольных калошках. Взяла Женю досада. Даже глаза от зависти стали жёлтые, как у козы.

«Ну, - думает, — я вам сейчас покажу, у кого игрушки!»
Вынула цветик-семицветик, оторвала оранжевый лепесток, кинула и сказала:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснёшься ты земли —
Быть по-моему вели.

Вели, чтобы все игрушки, какие есть на свете, были мои!

И в тот же миг, откуда ни возьмись, со всех сторон повалили к Жене игрушки.

Первыми, конечно, прибежали куклы, громко хлопая глазами и пища без передышки: «папа-мама», «папа-мама». Женя сначала очень обрадовалась, но кукол оказалось так много, что они сразу заполнили весь двор, переулок, две улицы и половину площади. Невозможно было сделать шагу, чтобы не наступить на куклу. Вокруг, представляете себе, какой шум могут поднять пять миллионов говорящих кукол? А их было никак не меньше. И то это были только московские куклы. А куклы из Ленинграда, Харькова, Киева, Львова и других советских городов ещё не успели добежать и галдели, как попугаи, по всем дорогам Советского Союза. Женя даже слегка испугалась. Но это было только начало. За куклами сами собой покатались мячики, шарики, самокаты, трёхколёсные велосипеды, тракторы, автомобили, танки, танкетки, пушки. Прыгалки ползли по земле, как ужи, путаясь под ногами и заставляя нервных кукол пищать ещё громче. По воздуху летели миллионы игрушечных самолётов, дирижаблей, планёров. С неба, как тюльпаны, сыпались ватные парашютисты, повисая на телефонных проводах и деревьях. Движение в городе остановилось. Постовые милиционеры влезли на фонари.

- Довольно, довольно! - в ужасе закричала Женя, хватаясь за голову. - Будет! Что вы, что вы! Мне совсем не надо столько игрушек. Я пошутила. Я боюсь...

Но не тут-то было! Игрушки всё валили и валили...
Уже весь город был завален до самых крыш игрушками.

Женя по лестнице - игрушки за ней. Женя на балкон - игрушки за ней.
Женя на чердак - игрушки за ней. Женя выскочила на крышу, поскорее

оторвала фиолетовый лепесток, кинула и быстро сказала:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснёшься ты земли -
Быть по-моему вели.

Вели, чтоб игрушки поскорей убирались обратно в магазины

И тотчас все игрушки исчезли. Посмотрела Женя на свой цветик-семицветик и видит, что остался всего один лепесток.

- Вот так штука! Шесть лепестков, оказывается, потратила - и никакого удовольствия. Ну, ничего. Вперёд буду умнее. Пошла она на улицу, идёт и думает: «Чего бы мне ещё всё-таки велеть? Велю-ка я себе, пожалуй, два кило „мишек“. Нет, лучше два кило „прозрачных“. Или нет... Лучше сделаю так: велю полкило „мишек“, полкило „прозрачных“, сто граммов халвы, сто граммов орехов и ещё, куда ни шло, одну розовую баранку для Павлика. А что толку? Ну, допустим, всё это я велю и съем. И ничего не останется. Нет, велю себе лучше трёхколёсный велосипед. Хотя зачем? Ну, покатаюсь, а потом что? Ещё, чего доброго, мальчишки отнимут. Пожалуй, и поколотят! Нет. Лучше я себе велю билет в кино или в цирк. Там всё-таки весело. А может быть, велеть лучше новые сандалеты? Тоже не хуже цирка. Хотя, по правде сказать, какой толк в новых сандалетах? Можно велеть чего-нибудь ещё гораздо лучше. Главное, не надо торопиться».

Рассуждая таким образом, Женя вдруг увидела превосходного мальчика, который сидел на лавочке у ворот. У него были большие синие глаза, весёлые, но смирные. Мальчик был очень симпатичный — сразу видно, что не драчун, и Жене захотелось с ним познакомиться. Девочка без всякого страха подошла к нему так близко, что в каждом его зрачке очень ясно увидела своё лицо с двумя косичками, разложенными по плечам.

- Мальчик, мальчик, как тебя зовут?

- Витя. А тебя как?

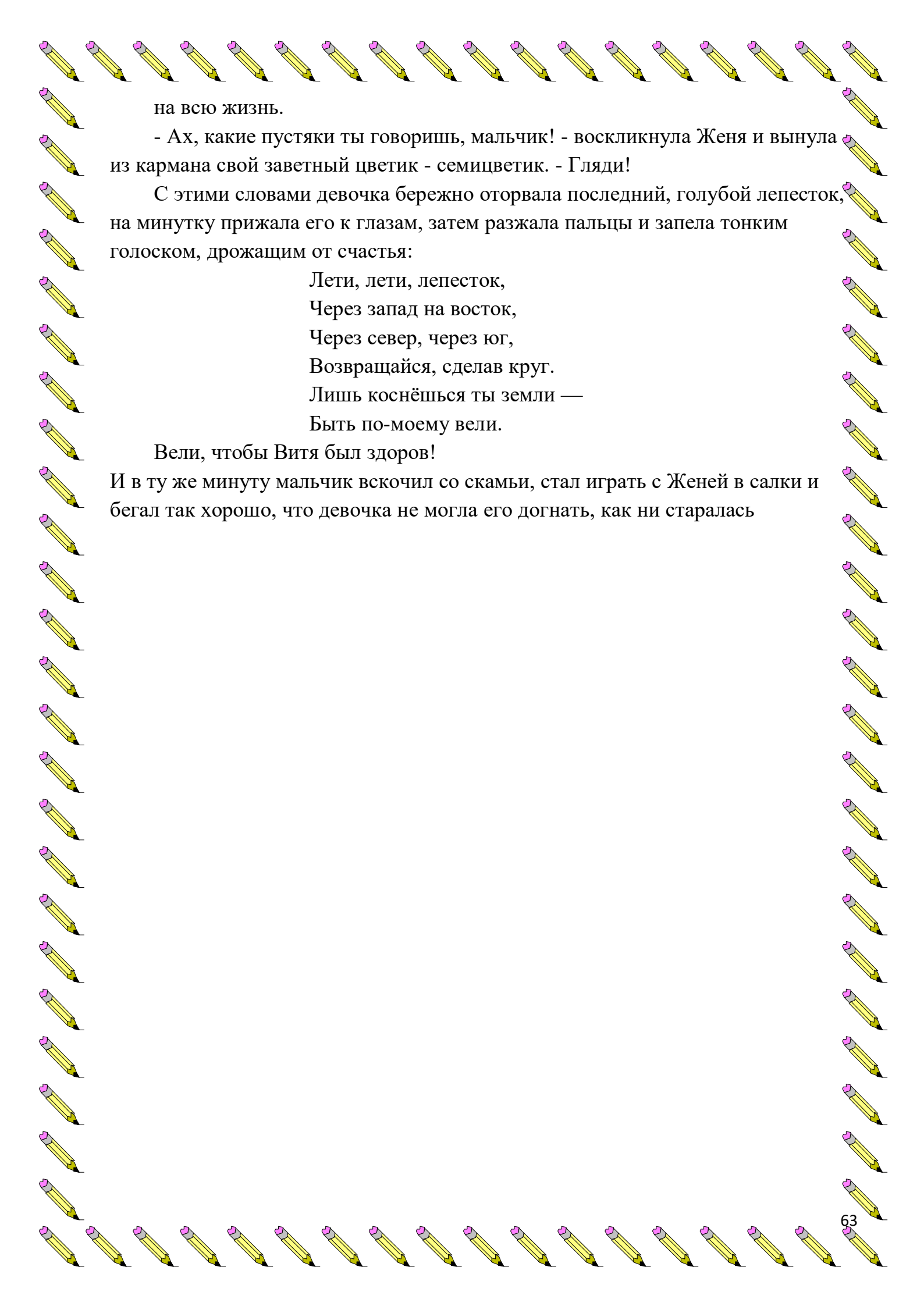
- Женя. Давай играть в салки?

- Не могу. Я хромой.

И Женя увидела его ногу в уродливом башмаке на очень толстой подошве.

- Как жалко! — сказала Женя. - Ты мне очень понравился, и я бы с большим удовольствием побегала с тобой.

- Ты мне тоже очень нравишься, и я бы тоже с большим удовольствием побегал с тобой, но, к сожалению, это невозможно. Ничего не поделаешь. Это

на всю жизнь.

- Ах, какие пустяки ты говоришь, мальчик! - воскликнула Женя и вынула из кармана свой заветный цветок - семицветик. - Гляди!

С этими словами девочка бережно оторвала последний, голубой лепесток, на минутку прижала его к глазам, затем разжала пальцы и запела тонким голоском, дрожащим от счастья:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснёшься ты земли —
Быть по-моему вели.

Вели, чтобы Витя был здоров!

И в ту же минуту мальчик вскочил со скамьи, стал играть с Женей в салки и бегал так хорошо, что девочка не могла его догнать, как ни старалась